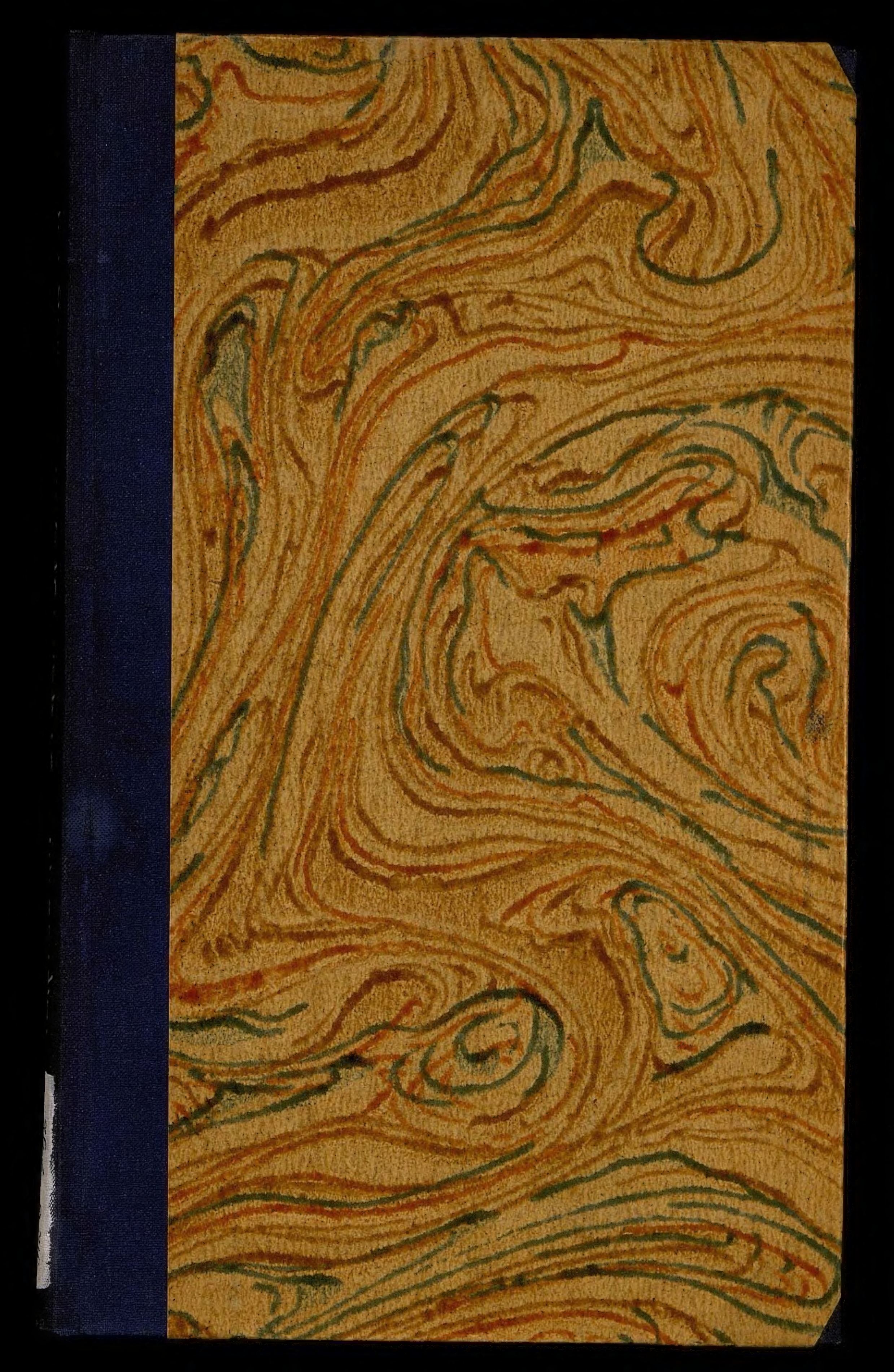
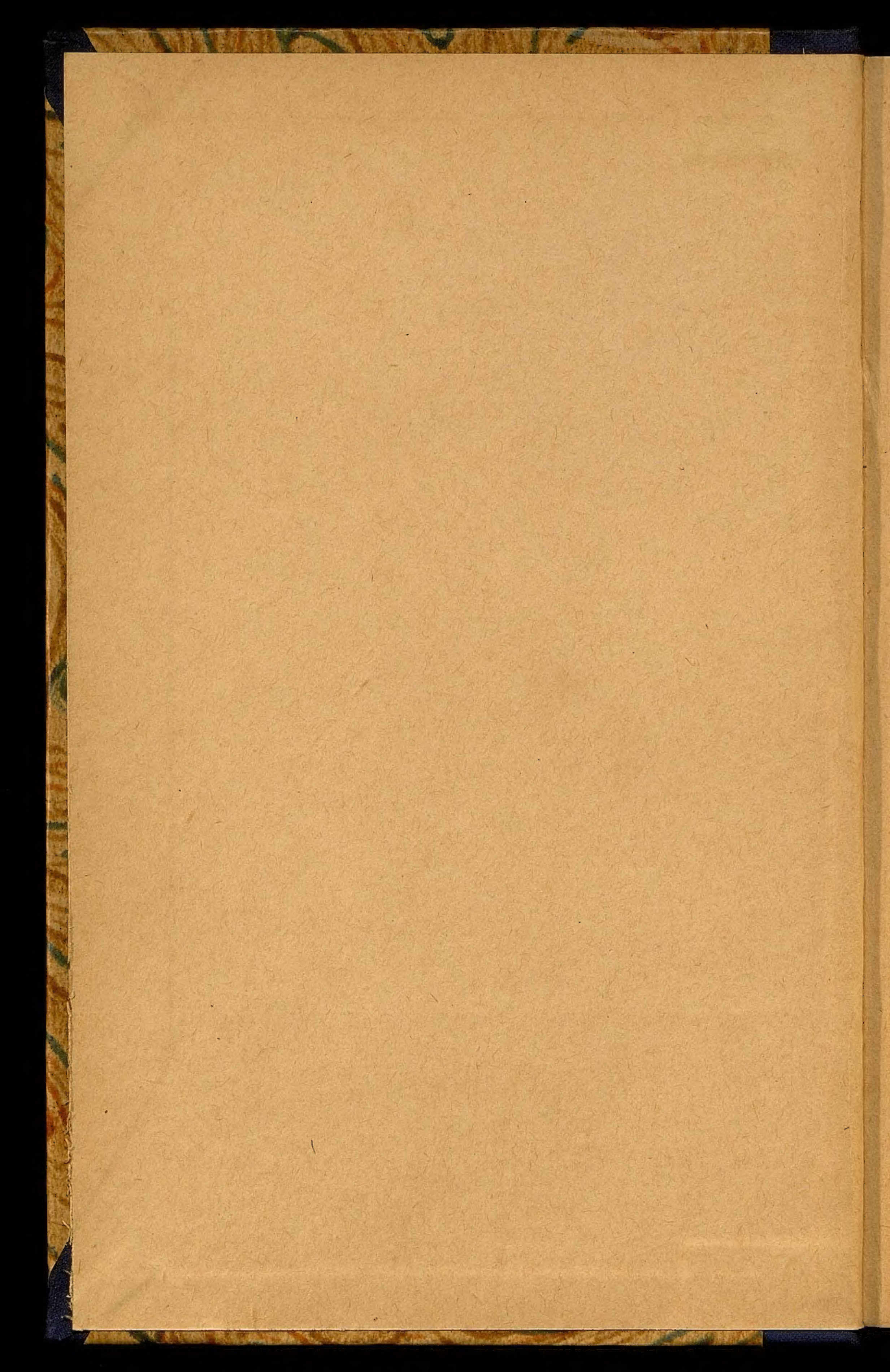
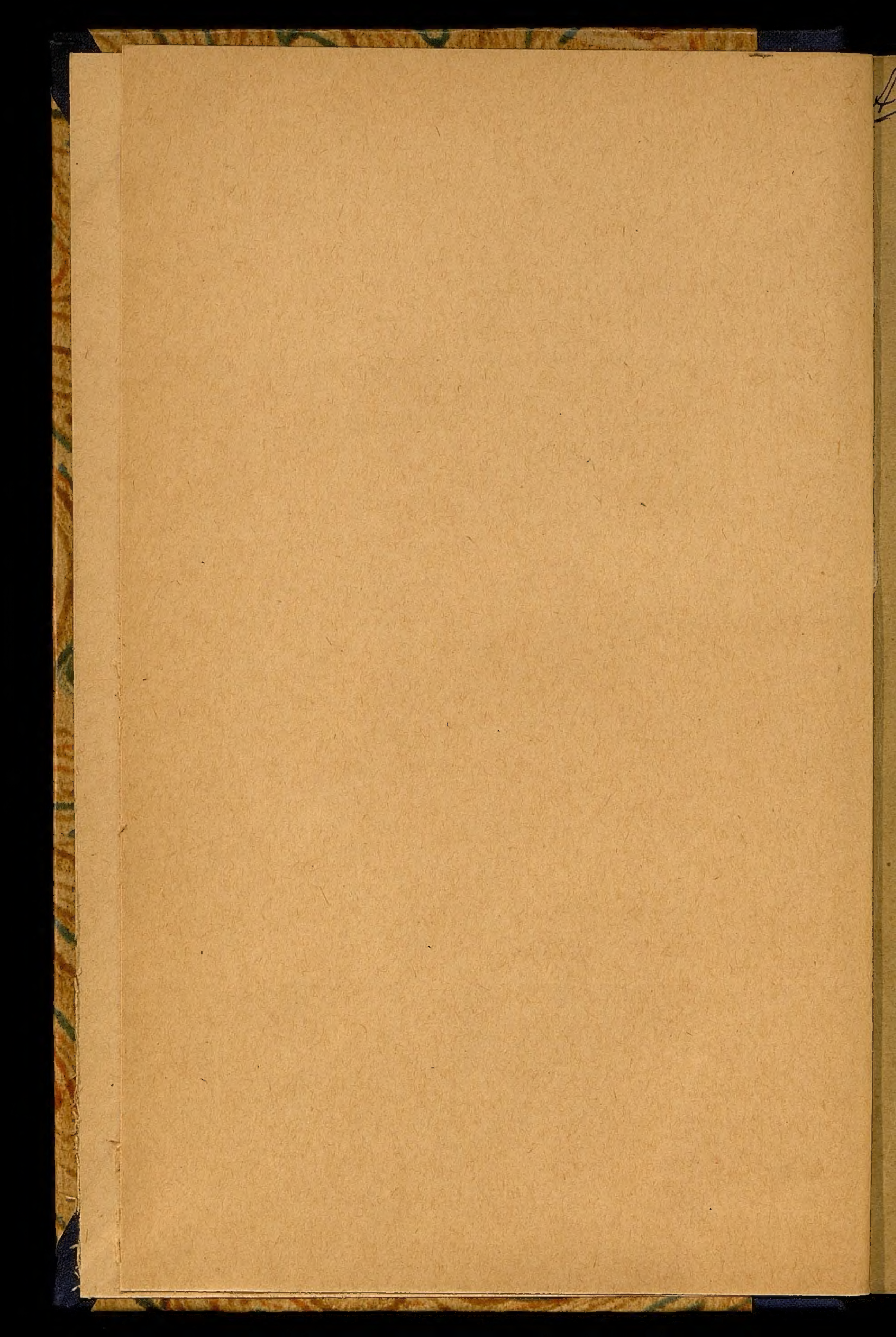

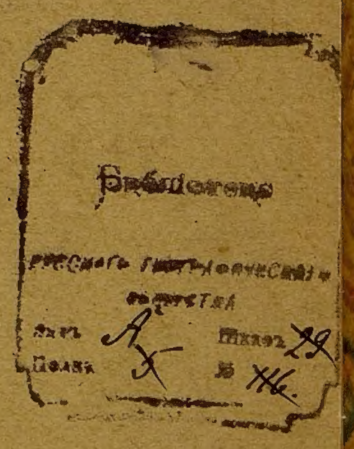

Аріадна Тыркова.

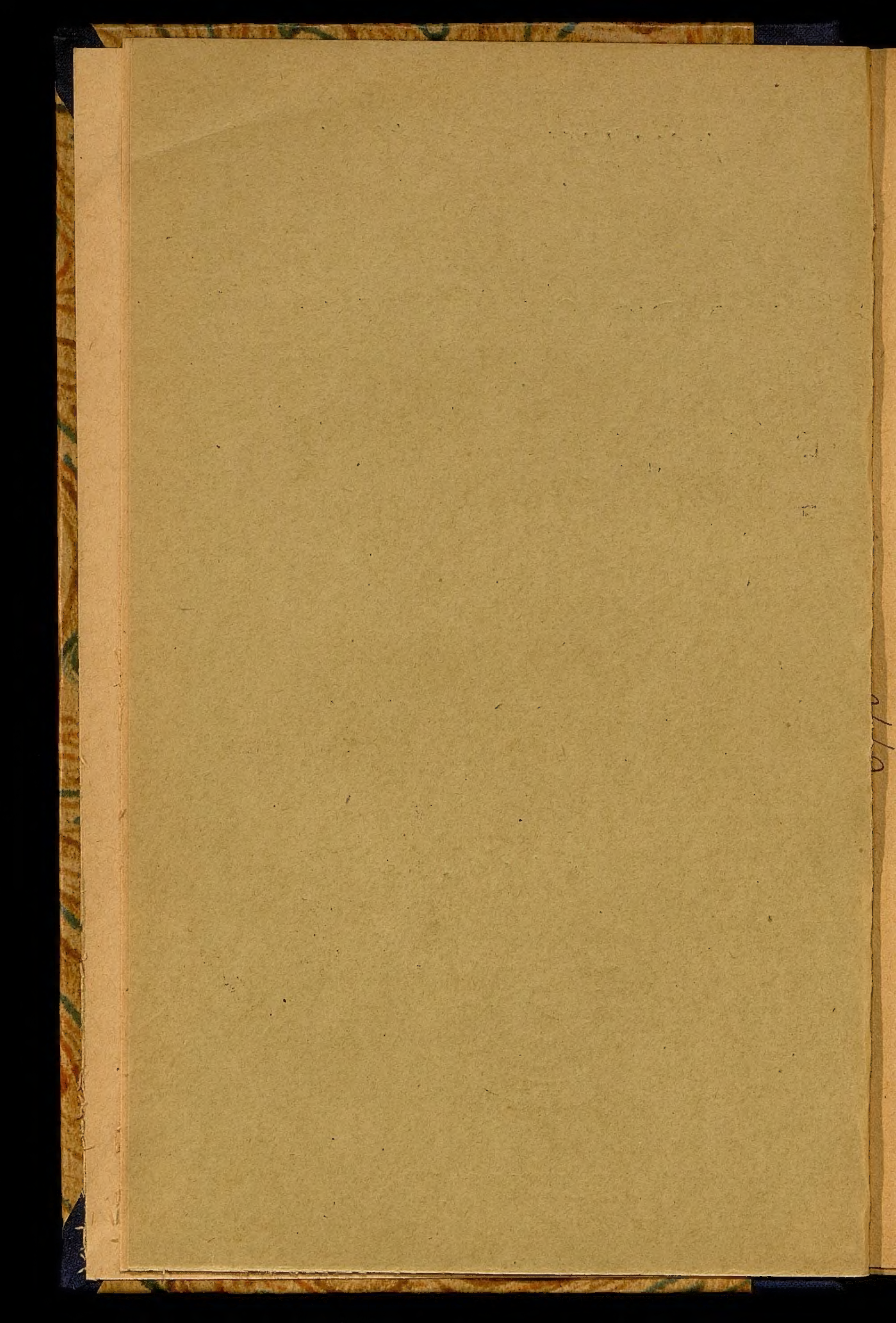
Старая Турція и младотурки.

Годъ въ Константинополѣ.

Петроградъ.

Аріадна Тыркова.

СТАРАЯ ТУРЦІЯ и МЛАДОТУРКИ.

Годъ въ Константинополѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Б. М. Вольфа, Васильевскій Остр., Волховской пер., 4.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 5 Іюля 1916 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей книгѣ я собрала, по возможности переработавъ ихъ, корреспонденціи, которыя, за подписью А. Вергежскій, печатались въ газетѣ „Рѣчь" и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Я не дополняла ихъ книжными свѣдѣніями о современной Турціи. Это непосредственныя наблюденія и замѣтки, сдѣланныя подчасъ очень бѣгло, но всегда съ натуры, или изъ первоисточника. Большинство турецкихъ дѣятелей, а главное, партія, къ которой они принадлежатъ, и сейчасъ находится у власти. Для меня несомнѣнно, что ихъ понятія и пріемы, навыки и слабости остались приблизительно тѣ же, что и четыре года тому назадъ. Еще меньше измѣненій могло произойти за такой короткій срокъ въ общемъ укладѣ жизни народа, въ его психологіи.

Оттого мнѣ и думается, что книга эта можетъ облегчить пониманіе вообще мало изученной Турціи, съ которой мы, вѣроятно, на этотъ разъ заканчиваемъ нашу многовѣковую борьбу. Наслѣдство, которое мы отъ нея получимъ, сосѣдство съ ея новыми для насъ малоазіатскими провинціями, сложность политическихъ задачъ, вытекающихъ изъ самаго распада Оттоманской имперіи, все это заставляетъ внимательно

вглядѣться въ тѣ элементы, изъ которыхъ складывалась до сихъ поръ жизнь Ближняго Востока.

Мнѣ пришлось прожить въ Константинополѣ съ небольшими перерывами съ осени 1911 г. до осени 1912 г. Это было время войны съ Италіей. Турки оказались къ ней совершенно неподготовленными и не имѣли силъ оградить свои послѣднія африканскія владѣнія отъ вторженія итальянскихъ войскъ, какъ извѣстно, окончившагося захватомъ древней Киренаики. Внѣшній ударъ вскрылъ внутреннюю дряхлость страны, обездоленной вѣками деспотическаго, корыстнаго управленія. Становилось ясно, что дни великодержавной Оттоманской имперіи сочтены. Балканская война продолжила этотъ процессъ распада. Турки потеряли Македонію, Салоники, побережье Эгейскаго моря, оказались вытѣсненными къ юго-восточному предѣлу своихъ румелійскихъ владѣній. Но Константинополь все-таки удержали.

Теперь всеевропейская война рѣшаетъ его судьбу и наноситъ послѣдніе удары когда то могущественному халифату, вѣковому врагу восточной Европы и прежде всего Россіи. Наше длительное, столькимъ поколѣніямъ стоившее кровавыхъ жертвъ, соперничество съ турками за право владѣнія южными степями, Крымомъ, Кавказомъ, завершается послѣдней борьбой за Черноморскій бассейнъ, за проливы, за свободный выходъ къ морю.

Отправляясь въ Турцію, я, какъ большинство русскихъ интеллигентовъ, тѣмъ болѣе сѣверянъ, очень смутно представляла себѣ значеніе проливовъ. Пока въ мартѣ 1912 г. не увидала на Босфорѣ и на Золотомъ Рогѣ сотни судовъ, нагруженныхъ русской

пшеницей, которыя были, благодаря закрытію Дарданеллъ, осуждены на разорительную неподвижность. Но даже тогда мнѣ все еще вѣрилось, что возможенъ мирный исходъ, договоръ, соглашеніе. Эту иллюзію не только поддерживали, но повидимому и раздѣляли казалось бы достаточно искушенные наши политики и дипломаты.

Игра германцевъ шла въ то время еще за кулисами. Дипломаты Тройственнаго Согласія безмятежно жили старыми преданіями о могущественномъ вліяніи Англіи, о культурномъ и коммерческомъ преобладаніи Франціи. А въ это время германскіе купцы, понемногу расширяли передъ собой рынокъ. Часть константинопольской прессы была на содержаніи Вѣны и Берлина. Германскіе инструкторы формировали полки, являлись образцомъ молодечества и элегантности для турецкихъ офицеровъ и вмѣстѣ съ ними возводили укрѣпленія на берегахъ обоихъ проливовъ. Но все это дѣлалось очень ловко, обдуманно и незамѣтно.

Господствующая партія младотурокъ лавировала между посольствами, стараясь продолжать старинную султанскую политику неустойчиваго равновѣсія. Тогда еще ихъ репутація конституціоналистовъ и просвѣщенныхъ реформаторовъ кое какъ держалась. Мрачная невѣжественность предыдущаго царствованія создавала выгодный для младотурокъ контрастъ. Но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ихъ управленія иллюзіи разсѣялись. Безпримѣрное истребленіе армянскаго народа показало, что несмотря на заимствованные изъ Европы программы и лозунги младотурки въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ старыхъ турокъ.

Теперь уже ясно, что Оттоманская имперія кончена,

что даже желѣзный протекторатъ Германіи не поможетъ ей сохранить призрачную великодержавность.

Но турецкій народъ куда лучше своего правительства. Слишкомъ близко пришлось мнѣ подойти къ ихъ жизни, чтобы съ легкимъ сердцемъ ставить крестъ надъ самимъ народомъ, надъ его самостоятельностью. Многое въ нихъ вызывало во мнѣ и симпатію и уваженіе. Мнѣ нравилась важная чинность Стамбула, спокойная, довѣрчивая привѣтливость турецкихъ крестьянъ, сохранившихъ неприкосновенность своей патріархальности даже въ пригородныхъ азіатскихъ деревняхъ. Честность простонародья еще рѣзче подчеркивала развращенность правящихъ классовъ, чиновниковъ большихъ и малыхъ, равно невѣжественныхъ, лѣнивыхъ, презирающихъ трудъ, физическій и умственный.

Но и среди интеллигенціи встрѣчала я идеалистовъ, искренно посвящавшихъ свою жизнь народу. Студентъ Ибрагимъ и Халидэ-Ханумъ не одиноки. Такіе какъ они, на обломкахъ одряхлѣвшаго халифата, должны создать новое государство, гдѣ турецкій народъ, освобожденный наконецъ отъ непосильнаго ему бремени великодержавности, сможетъ проявить самаго себя.

Только это будетъ уже въ Азіи. Европейская исторія Турціи приходитъ къ концу.

А. Тыркова.

1916 г.
Іюль.

ГЛАВА I.

Младотурецкій Калабалыкъ [1]).

24 октября.

Поѣздъ пришелъ въ Бѣлградъ дождливымъ вечеромъ. Было холодно и неуютно. Точно на захолустной русской станціи. Лѣниво прислушивались мы къ полузнакомымъ звукамъ русской рѣчи, лѣниво оглядывали плохо освѣщенный вокзалъ, увѣренные, что смотрѣть не на кого и не на что.

И вдругъ, въ глубинѣ платформы метнулось въ глаза что-то яркое, пестрое, непривычное. Закутанныя, странныхъ очертаній фигуры, однѣ черныя, другія въ бѣлыхъ, полосатыхъ одѣялахъ, изъ-подъ которыхъ темнѣли широкія лица негритянокъ. Тутъ же дѣти, одѣтыя по-европейски. На полу стояли глиняные узкогорлые кувшины, лежали небольшіе тючки съ платьемъ, съ какой-то мягкой рухлядью. Такъ на пожарѣ схватятъ люди ненужныя вещи, отбѣгутъ съ ними въ сторону, столпятся и смотрятъ издали, какъ догараетъ пожарище.

Когда я подхожу ближе, мнѣ чудится, что я еще вижу въ пугливыхъ и недовѣрчивыхъ женскихъ и дѣтскихъ глазахъ тусклые отблески какихъ-то далекихъ огней. Передо мной бѣглецы изъ Триполиса. Уже цѣлую недѣлю турец-

[1]) Это слово, означающее по-турецки безпорядокъ, суматоху, ерунду часто приходилось слышать въ умирающемъ халифатѣ. Еще чаще приходилось убѣждаться въ томъ, что вся жизнь, вѣрнѣе, вся политическая жизнь Турціи, дѣйствительно одинъ сплошной калабалыкъ.

кій консулъ въ Бѣлградѣ встрѣчаетъ и отправляетъ въ Константинополь этихъ несчастныхъ, обездоленныхъ войной, людей. Тутъ должно быть цѣлыя семьи,—и хозяева, и прислуга. Негритянки-служанки сидятъ на узлахъ, болтаютъ, шумятъ, машутъ руками, а за ними въ надменныхъ позахъ стоятъ, закутанныя въ черныя шелковыя платья, турчанки. Лица не видно, но по покрою платья, по маленькой бѣлой рукѣ, по чему-то неуловимому въ манерахъ, ясно, что это женщины правящихъ классовъ. Около одной изъ нихъ стоитъ мальчикъ, лѣтъ 10-ти, съ красивымъ и умнымъ лицомъ. Въ отвѣтъ на мой слишкомъ пристальный взглядъ, его черные длинные глаза вспыхиваютъ злобой. Онъ уже ненавидитъ гяуровъ и по-своему правъ. Должно быть, этотъ красивый, въ шелковомъ халатѣ турокъ — его отецъ. Онъ и среди униженій бѣгства не теряетъ медлительной важности въ движеніяхъ и въ голосѣ. Возможно, что это одинъ изъ тѣхъ триполитанскихъ чиновниковъ, которыхъ младотурки хотятъ отдать подъ судъ за то, что они не присоединились къ воюющей арміи, а сбѣжали въ Константинополь.

Съ страннымъ чувствомъ виноватости смотрю я на этихъ мусульманъ, выгнанныхъ изъ родныхъ гнѣздъ. Точно есть какая-то круговая европейская отвѣтственность, точно разбойничье нападеніе Италіи, а главное, ея способъ расправляться съ мирными жителями, бросаетъ черную тѣнь на всѣхъ насъ, объединенныхъ христіанской культурой. И въ то же время, гдѣ-то совсѣмъ въ глубинѣ, мелькаетъ чисто-славянское напоминаніе: да вѣдь это турки, тѣ самые турки, которые меньше 40 лѣтъ назадъ хозяйничали вотъ здѣсь, въ Бѣлградѣ, позволяли баши-бузукамъ звѣрствовать надъ нашими братьями славянами.

Потомъ, въ Софіи, я не разъ, если не услышу, то почувствую въ глазахъ и въ усмѣшкѣ моихъ собесѣдниковъ ту же славянскую памятку. Но еще раньше, на маленькой пограничной болгарской станціи Царьбродѣ, увидимъ мы другихъ бѣглецовъ, которые также краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о внутреннихъ дѣлахъ Турціи, какъ триполійскіе бѣглецы о внѣшнихъ.

На откосѣ около станціи и на открытой платформѣ терпѣливо и понуро сидятъ и толпятся женщины, въ сложныхъ, вышитыхъ нарядахъ, напоминающихъ не то мордовскіе, не то малороссійскіе, и мужчины, въ короткихъ куртках и широчайшихъ штанахъ, перепоясанные яркими поясами, въ какой-то примитивной обуви. Болгарія, вообще, представляетъ изъ себя ходячій этнографическій музей. Это не говоритъ объ особенно высокомъ развитіи промышленности, такъ какъ и матеріи, и вышивки все еще ручныя, кустарныя. Но для любителя красочныхъ пятенъ есть на что посмотрѣть. И вотъ такимъ пятномъ, живописнымъ и яркимъ, казалась изъ окна вагона эта чисто-крестьянская архаическая толпа. Только мелькавшіе среди нихъ люди въ котелкахъ, закутанные въ бѣлые докторскіе передники, говорили о теперешней цивилизаціи. Это санитары. Болгары очень энергично и умѣло ограждаютъ себя отъ холеры.

— Вѣроятно, македонцамъ придется просидѣть здѣсь два дня въ карантинѣ,—объясняетъ намъ болгаринъ-кондукторъ.

Такъ вотъ это кто,—македонцы, тѣ самые, о которыхъ столько лѣтъ и такъ безуспѣшно вѣжливо спорятъ дипломаты и невѣжливо кричатъ журналисты. Македонія—пороховой погребъ, изъ-за котораго всегда можетъ вспыхнуть европейская война... Сколько разъ приходилось читать и слышать эту фразу, но какъ трудно себѣ представить, что эти черноглазые, древняго вида, люди представляютъ изъ себя такой опасный, горючій матеріалъ, что изъ-за нихъ можетъ пуститься въ военную авантюру даже привольная, веселая, хитрая Вѣна, еще наканунѣ блестѣвшая передъ нашими глазами роскошью магазиновъ и огнями ночныхъ притоновъ.

Македонскіе болгаре эмигрируютъ толпами, потому что конституціонное турецкое правительство усердно исламизируетъ Македонію. Здѣсь, какъ и по всей, кажется, имперіи, младотурки попали, какъ въ тиски, между своими первыми либеральными обѣщаніями и тѣмъ крѣпкимъ положеніемъ вещей, которое они нашли въ странѣ. Абдулъ-Гамида они свергли, и это было, въ сущности, самой легкой

частью ихъ политической работы. Турція, страна старая и косная. Сила сцѣпленія, удерживавшая вмѣстѣ отдѣльныя части очень обширнаго и разнообразнаго государства, основывалась на прочно выработанныхъ способахъ управленія. Чтобы измѣнить и замѣнить ихъ, надо имѣть не только громадные кадры людей, но и подготовленную страну. Но этого, повидимому, нѣтъ.

Одинъ хорошо освѣдомленный и широко думающій болгарскій ученый, разсказывалъ мнѣ:

— Младотурки въ Македоніи въ безвыходномъ положеніи. Во время переворота имъ помогли крупные землевладѣльцы мусульмане. Конституціей они не интересовались. Но македонскій комитетъ, тогда очень хорошо организованный, создалъ своего рода крестьянскій союзъ противъ крупныхъ аграріевъ. Это было не трудно, такъ какъ положеніе сельскихъ рабочихъ было отчаянное, и они охотно шли на стачку. Если помѣщикъ не платилъ извѣстной цѣны, или заставлялъ слишкомъ много работать, къ нему не шли, поля его оставались необработанными, а нивы не сжатыми. Турки беки пытались распродать свои земли, но никто не покупалъ. Правительство Абдулъ-Гамида ничего для нихъ не могло сдѣлать. Тогда они бросились къ комитету Единенія и съ тѣхъ поръ связали себя съ нимъ. А съ другой стороны, представители мусульманскаго духовенства не соглашаются ни на какія уступки христіанамъ. И комитетъ вынужденъ подчиняться этимъ двумъ мусульманскимъ силамъ. Теперь христіанъ въ Македоніи просто выживаютъ изъ селъ, гдѣ ихъ семьи жили столѣтія, и колонизируютъ эти деревни турками. И знаете, чѣмъ младотурки себя оправдываютъ?—съ грустной усмѣшкой прибавилъ болгаринъ,—тѣмъ, что даже болѣе сильные и культурные народы, какъ мадьяры въ Венгріи, а въ особенности пруссаки въ Познани, тѣмъ же способомъ ведутъ борьбу съ чуждыми національностями. И тоже съ славянами.

— Ну, а вы сами какъ же представляете себѣ разрѣшеніе македонскаго вопроса?

Мой собесѣдникъ былъ одинъ изъ горячихъ македон-

скихъ патріотовъ, и не удивительно, что онъ отвѣтилъ безъ колебаній:

— Конечно, Македонія должна быть автономна. Но добровольно турки никогда на это не согласятся. Мы пропустили моментъ. Это надо было сдѣлать сразу послѣ объявленія конституціи, пока у нихъ еще не было войска. А теперь поздно.

— Но, можетъ быть, можно договориться?

— Нѣтъ. Если младотурки дѣйствительно дадутъ національностямъ свободу, имъ не удержать Турціи въ своихъ рукахъ. Все расползется.

По его лицу, мягкому и вдумчивому, я вижу, что его горячая политическая мечта—увидать, наконецъ, какъ расползается эта Османская имперія, столько столѣтій державшая балканскіе народы подъ своимъ гнетомъ. Пусть уходятъ въ Азію, тамъ ихъ мѣсто. Здѣсь, въ христіанской Европѣ, нечего имъ дѣлать. И при такомъ подлинномъ, жизнью выработанномъ чувствѣ отталкиванія, какъ-то несерьезно звучатъ разговоры о балканской федераціи, куда „войдетъ и Турція“. Сейчасъ на всемъ полуостровѣ нѣтъ ни одного народа, который искренно хотѣлъ бы дружить съ Высокой Портой.

Пожалуй, кромѣ Румыніи. Тамъ боятся усиленія Болгаріи, или, какъ говорятъ болгары, боятся „Великой Болгаріи“. Есть вѣроятіе, что между румынскимъ королемъ и султаномъ существуетъ тайный военный договоръ. Слухи объ этомъ договорѣ больше всего укротили воинственный пылъ болгаръ, которые, кажется, въ началѣ триполитанской войны не прочь были перейти турецкую границу, но совсѣмъ не хотѣли увидать румынскую армію на своей сѣверо-восточной границѣ.

Впрочемъ, все это разговоры и предположенія, очень вздутыя и преувеличенныя шумной и крикливой болгарской прессой. Да и здѣсь, въ Константинополѣ, пресса не изъ смирныхъ, и кричать тоже есть кому.

Газетъ здѣсь много и турецкихъ, и армянскихъ, и греческихъ, и французскихъ. Отличаются онѣ больше всего

крикливостью и лживостью. Живутъ субсидіями отъ европейскихъ державъ. Особенно много оплоченныхъ друзей-газетчиковъ у Германіи и Австріи. Большинство ихъ сейчасъ настроено противъ правительства. Младотурки и въ „Танинѣ", и въ „Le Jeune Turc" отчаянно защищаются [1]. Но, къ сожалѣнію, не довольствуясь словесной самозащитой, они прибѣгаютъ и къ полицейской. Идетъ самое подлинное гоненіе на оппозиціонную печать. Газеты закрываются и конфискуются. Редакторовъ привлекаютъ къ военному суду. Вчера военный министръ хотѣлъ арестовать редактора газеты „Матбуатъ", депутата Лутфи-Фикри-бея. Но тотъ отказался послѣдовать за офицеромъ, и вмѣсто тюрьмы отправился прямо въ палату. Въ кулуарахъ заволновались, собрали подписи подъ запросомъ, даже младотурки возмущались. Всѣ требовали, чтобы министръ немедленно далъ объясненіе, посылали за нимъ, горячились, но... министръ не пріѣхалъ, объясненій никто не далъ, и депутаты разошлись по домамъ.

---

[1]) Эти двѣ газеты часто считаютъ близкими по духу. Но это не вѣрно. „Танинъ", по крайней мѣрѣ въ то время, былъ настоящимъ органомъ младотурецкаго комитета и издавался на его счетъ. Jeune Turc, печатавшійся по-французски, былъ австрійскимъ органомъ и велъ не столько грамотную, сколько яростную кампанію противъ Россіи. Редактировалъ эту газету бывшій русскій подданный, перешедшій въ турецкое подданство, Самуилъ Гохбергъ. Когда я первый разъ пришла къ нимъ, онъ спросилъ меня, что думаютъ въ Софіи о балканской федераціи?

Я сказала, что однимъ изъ первыхъ условій ея болгары считаютъ автономію Македоніи.

— Но вѣдь это значитъ превратить Турцію въ какую-то Швейцарію,— съ раздраженіемъ отвѣтилъ Гохбергъ,—можетъ быть черезъ 200 лѣтъ такъ и будетъ, но не теперь.

Я указала ему, что младотурокъ упрекаютъ за то, что они закрываютъ газеты, вводятъ военное положеніе и военные суды.

Опять съ тѣмъ же раздраженіемъ Гохбергъ отвѣтилъ мнѣ:

— Это необходимыя мѣры. Два года тому назадъ у насъ была контръ-революція. Надо защищать конституцію.

Сомнѣваюсь, чтобы онъ самъ вѣрилъ въ наличность конституціоннаго строя въ своемъ новомъ отечествѣ, но когда я спросила объ отношеніяхъ между Оттоманской имперіей и Россіей, редакторъ Jeune Turc очень гордо отвѣтилъ мнѣ:

— Мы не можемъ заключать союза съ государствомъ, гдѣ еще нѣтъ конституціоннаго строя.

А Лутфи-Фикри-бей продолжаетъ издавать свою закрытую газету только подъ другимъ названіемъ, и не онъ одинъ такъ дѣлаетъ. Совсѣмъ какъ у насъ въ 1905—6 годахъ. И тонъ у газетъ похожъ на тогдашній тонъ русской печати. Особенно рѣзко нападаютъ на младотурокъ армянскія и греческія газеты. Убійство популярнаго греческаго митрополита Емельяна еще разожгло страсти.

— Кто его убилъ? Конечно, они, правительство,—говорилъ намъ въ ресторанѣ слуга-грекъ, а самъ все оглядывался кругомъ, нѣтъ ли опасныхъ слушателей; потомъ опять нагибался и торопливо разсказывалъ:—При Абдулъ-Гамидѣ и то христіанамъ легче было. Теперь житья нѣтъ. Вотъ выдумали брать всѣхъ на военную службу. Говорятъ, теперь конституція, всѣ равны. А, небось, въ военныя школы насъ не пускаютъ? Мы все внизу остаемся, а они надъ нами.

То же говорятъ и армяне, и болгаре. Всѣ недовольны, всѣ чувствуютъ себя обманутыми, и военныя неудачи вызываютъ какое-то злорадство.

А младотурки не признаютъ неудачъ и пишутъ приподнятыя статьи объ итальянскихъ пораженіяхъ. Но въ ихъ нервности, въ ихъ неспокойномъ тонѣ чувствуется раздраженіе слабости. Гдѣ ихъ друзья? На кого они опираются? Гдѣ найдутъ выходъ изъ всѣхъ противорѣчій и требованій, разгорѣвшихся въ Оттоманской имперіи? А если не найдутъ они, то кто найдетъ? Издалека, по отдѣльнымъ книжнымъ и газетнымъ впечатлѣніямъ, казалось, что положеніе Блистательной Порты безнадежно. Но здѣсь, въ этомъ большомъ, живомъ, разнообразномъ и все-таки крѣпко налаженномъ Стамбулѣ чувствуется, что еще сохранилась въ этомъ мусульманскомъ мірѣ упрямая сила сопротивленія. И возможно, что Турція держится не одной только взаимной жадностью державъ, а еще чѣмъ-то своимъ, внутреннимъ.

---

30 октября.

Узкая улица, которая ведетъ отъ Золотого Рога въ европейскіе кварталы, съ утра до вечера кипитъ людьми:

Турки, Армяне, Греки, Албанцы, Арабы, Евреи,—кого тутъ только нѣтъ. Живописные старые костюмы и обыкновенныя визитки, только увѣнчанныя феской. Турчанки въ одноцвѣтныхъ полуплащахъ, съ лицами, прикрытыми густой черной вуалью, и европейскія женщины, прикрытыя прозрачной черной вуалью, безобразныя негритянки и великолѣпные, расшитые золотомъ лакеи—черногорцы, экипажи, верховые, велосипеды, и среди всей этой мелькающей, торопливой толпы крикливые торговцы всякой дрянью. Покрывая голоса всѣхъ остальныхъ торговцевъ, перекликая грохотъ колесъ и топотъ лошадей, прорѣзая шумъ улицы, пронзительно, точно крики муэзиновъ, раздаются голоса газетчиковъ. Что-то призывное, неотступное, чрезвычайно важное слышится въ этихъ армянскихъ, турецкихъ, греческихъ, французскихъ названіяхъ, которыя, точно боевой кличъ, летаютъ надъ человѣческими головами.

Эти уличные глашатаи создавали какую-то иллюзію политической горячности, заставили меня повѣрить, что толпѣ, кишащей на улицахъ Константинополя, дѣйствительно, очень нуженъ газетный товаръ. Но достаточно было отойти отъ узловыхъ мѣстъ города, чтобы понять, какъ слабо долетаетъ голосъ прессы даже до столичныхъ окраинъ.

Яснымъ луннымъ вечеромъ шли мы по длинной, узкой, кривой улицѣ, которая тянется вдоль Босфора отъ султанской резиденціи, Долма Багче, мимо зданія меджилиса къ городу. Въ этотъ день въ меджилисѣ какъ разъ лились горячія рѣчи изъ-за попытки военнаго министра арестовать депутата оппозиціи. Не только противники правительства, но и сами младотурки, и съ парламентской трибуны, и въ печати заявляли о своей готовности защищать неприкосновенность депутатовъ, а съ ней и неприкосновенность конституціи. Въ политическомъ отношеніи дѣло было серьезное, грозило министерскимъ кризисомъ, да еще въ минуту тяжелой войны.

А въ кофейняхъ и харчевняхъ, ютившихся по обѣимъ сторонамъ улицы, прямо подъ открытымъ небомъ, на скамейкахъ вдоль стѣнъ, невозмутимые и важные, поджавъ

подъ себя ноги, сидѣли турки, пили кофе, тянули кальянъ и изрѣдка обмѣнивались съ сосѣдями отрывистыми фразами. Какой-то бродячій пѣвецъ, съ инструментомъ, похожимъ на гитару, тянулъ въ носъ тоскливый напѣвъ, потомъ налилъ въ мѣдную чашку питья изъ пузатой, глиняной фляги и обнесъ внимательныхъ слушателей. Они покорно пили и давали ему мелкія мѣдныя деньги.

Почти часъ длилась наша прогулка. Надъ нами уступами подымались сѣрые, деревянные, съ рѣшетчатыми окнами турецкіе дома; изрѣдка бѣлѣли каменныя стѣны, темнѣли строгія очертанія кипарисовъ. Внизу, между домами, сверкалъ при лунѣ Босфоръ. Было живописно, какъ въ сказкѣ. Но, — упрямые европейцы, — мы искали признаковъ новой, пробужденной жизни и ея первыхъ провозвѣстниковъ — газетъ. Ихъ почти не было видно. Въ одной просторной кофейнѣ противъ меджилиса, нѣсколько офицеровъ сидѣли съ газетами. Да еще въ другой, низкой и грязной лавочкѣ, какой-то усатый человѣкъ читалъ вслухъ газету, кажется, турецкую. Только когда мы дошли до города, съ его смѣшаннымъ, космополитическимъ населеніемъ, замелькали въ рукахъ большіе газетные листы.

Самый тиражъ здѣшнихъ газетъ показываетъ, что въ Турціи еще нѣтъ ни привычки, ни потребности въ политическомъ чтеніи. Самое большое распространеніе имѣетъ офиціальный „Танинъ" и независимая, армянская, но на турецкомъ языкѣ выходящая, газета „Сабахъ". У каждой изъ нихъ около 20 тыс. тиража. Другія едва доходятъ до 10—15 т. Во всякомъ случаѣ, ни одна изъ нихъ не окупается и не можетъ существовать независимо, на свои собственныя средства. До провинціи столичная печать почти не доходитъ, а мѣстная находится еще въ періодѣ зарожденія.

Въ странѣ нѣтъ крѣпкаго слоя, не только политически воспитаннаго, но даже просто интересующагося политикой. Это не мудрено. Вѣдь еще три года тому назадъ здѣсь царилъ красный режимъ Абдулъ-Гамида. Старый деспотъ подвергалъ пыткамъ, гноилъ людей въ тюрьмѣ по одному

подозрѣнію, что они о чемъ-то думаютъ, что-то хотятъ узнать. Народное просвѣщеніе въ Турціи находится въ зачаткѣ. Грамотны — начетчики, воспитанные на мертвой буквѣ Корана. Или западники, хватившіе, часто поверхностно, такъ называемой франкской культуры.

Въ такихъ условіяхъ создавать конституціонный строй не легко, тѣмъ болѣе, что сторонниковъ стараго порядка, не абдулъ-гамидовскаго, конечно, а такъ, вообще добраго стараго порядка, еще много. Въ самомъ комитетѣ существуетъ рознь между западниками и представителями духовенства, оберегающими неприкосновенность мусульманскихъ традицій, а вмѣстѣ съ ними и стараго уклада жизни.

При такомъ положеніи дѣлъ можно считать, что палата съ честью вышла изъ своего послѣдняго кризиса. Несомнѣнно, что военный министръ Махмудъ-Шефкетъ, дававшій въ парламентѣ объясненія, просто выкручивался, увѣряя, что онъ только вызывалъ Лутфи-Фикри-бея къ допросу, а не собирался его арестовать. Махмудъ-Шефкетъ, черкесъ изъ Багдада, жестокій усмиритель послѣдней контръ-революціи. Въ его грубой, чисто солдатской, рѣчи были, какіе-то странные намеки, похожіе на угрозы. Недаромъ ходятъ слухи, что въ случаѣ переворота, онъ можетъ захватить власть въ свои руки. А все-таки ему пришлось не только отказаться отъ ареста оппозиціоннаго депутата, но и оправдываться передъ палатой, сваливая все на случайную безтактность, и этимъ купить вотумъ довѣрія.

Инцидентъ имѣлъ и практическое послѣдствіе. По предложенію младотурокъ, къ которому присоединились и всѣ остальныя партіи, была принята резолюція: если надо допрашивать депутата, будьте любезны вызывать его черезъ президіумъ.

Но... Тутъ-то и начинаются всякія но. Комитетъ „Единенія и Прогресса“ въ своей послѣдней деклараціи очень увѣренно назвалъ себя „какъ бы воплощеніемъ идеи оттоманизма и конституціонизма“. Но вѣдь этотъ же самый конституціонный комитетъ два съ половиной года тому назадъ, ввелъ въ Константинополѣ военное положеніе и воен-

ные суды, до сихъ поръ не отмѣненные. Махмудъ-Шефкетъ, прямолинейно, но послѣдовательно, истолковалъ это въ свою пользу и счелъ себя въ правѣ по военному распорядиться съ неудобнымъ депутатомъ-редакторомъ. Такъ же, какъ кабинетъ считаетъ себя въ правѣ закрывать газеты. Правда, онѣ сейчасъ же выходятъ подъ другимъ названіемъ, но это уже поблажка, и въ каждую минуту кабинетъ можетъ, не шутя, надѣть „законный“ намордникъ на печать.

Но есть еще болѣе тяжелая сторона въ турецкой общественной жизни — это политическія убійства [1]). Сейчасъ на виду ихъ два. По поводу убійства греческаго митрополита Емельяна Гревенскаго еще ведется слѣдствіе, и разобраться въ немъ трудно. Греки, армяне, вообще не турки, увѣряютъ, что популярнаго и вліятельнаго въ Македоніи священника убрало правительство. А правительство увѣряетъ, что сами греки.

Дѣло объ убійствѣ извѣстнаго финансиста Зеки-бея уже разсматривается судомъ. Это скверная, грязная исторія. Зеки-бей былъ виднымъ лицомъ въ оттоманскомъ, въ сущности, французскомъ, банкѣ. А министромъ финансовъ былъ Джавидъ-бей, который до полученія портфеля былъ участникомъ другого крупнаго банка, національнаго турецкаго, а въ сущности—англійскаго.

Началась конкуренція между банками и личная борьба между дѣльцами. Зеки-бей честолюбивый и не особенно чистоплотный, велъ кампанію противъ министра, противъ заключаемыхъ имъ займовъ. У Джавидъ-бея репутація тоже

---

[1]) Тогда же одинъ изъ драгомановъ нашего посольства разсказывалъ мнѣ, что лѣтомъ 1911 г. въ Монастырѣ члены мѣстнаго младотурецкаго комитета, съ Ніази-беемъ, героемъ свободы во главѣ, сформировали мусульманскія четы и раздавали имъ оружіе. Въ теченіе лѣта эти четники убили человѣкъ 30 мѣстныхъ людей, чѣмъ-нибудь не угодившихъ комитету. Среди бѣла дня былъ убитъ на улицѣ прокуроръ. Онъ самъ былъ раньше комитаджи, т. е. членъ комитета, но въ чемъ то съ нимъ не поладилъ. Разслѣдованіе по убійству вели русскій и англійскій консулы. Они убѣдились, что это дѣло совершено по приказу Ніази-бея. И даже знали, что убійца по вечерамъ ходитъ въ кофейню пить кофе съ жандармами. Но добраться до него не могли.

не изъ важныхъ. Единственнымъ серьезнымъ конкурентомъ на его мѣсто, если бы удалось его свалить, являлся Зеки-бей. Борьба кончилась уголовщиной, Зеки-бея застрѣлили на улицѣ, въ дачномъ мѣстѣ, близко отъ Стамбула. На скамьѣ подсудимыхъ сидитъ черкесъ Ахмедъ и турокъ Мустафа, братъ одного младотурецкаго депутата. На судѣ оглашено письмо Зеки-бея въ салоникскій комитетъ. Онъ обвиняетъ Джавидъ-бея въ разныхъ невыгодныхъ для Турціи финансовыхъ операціяхъ и въ корыстолюбіи.

Плохая репутація Зеки-бея ослабляетъ его обвиненія. Но послѣ отправки этого письма онъ былъ убитъ. Это фактъ.

И врядъ ли судъ найдетъ настоящихъ убійцъ. Слишкомъ еще сильны въ странѣ навыки стараго строя, чтобы можно было разсчитывать на полное выясненіе истины.

Почти три года тому назадъ, въ мартѣ 1908 г., младотурки, укрощая контръ-революцію, безпощадно вѣшали своихъ враговъ. Висѣлицы стояли на самыхъ людныхъ мѣстахъ, на мосту между Стамбуломъ и Галатой, на площади около Ай-Софіи. Съ утра до вечера качались на нихъ трупы казненныхъ. Одинъ умный и безпристрастный наблюдатель-мусульманинъ съ горечью разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ толпа стояла вокругъ висѣлицъ и издѣвалась надъ мертвецами, какъ турецкія женщины дергали ихъ за носъ, старались плюнуть имъ въ лицо.

Говорятъ, турки мягкій и добродушный народъ. Но долгое, жестокое и безстыдное управленіе накопило въ народной душѣ извѣстную жестокость и тупость. Не могутъ не сказаться эти тяжелые пережитки и въ пестромъ составѣ младотурецкихъ комитетовъ.

И все-таки, пока они являются единственной политически мыслящей и сколько-нибудь организованной силой въ странѣ. Оппозиція, насколько она вырисовывается въ парламентской жизни, представляетъ изъ себя нѣчто хаотическое. Изъ двухъ, наиболѣе крупныхъ партій, одна, — „Умѣренные друзья свободы“—объединена, главнымъ образомъ, враждой къ комитету. Въ „Народной партіи“ больше

всего духовенства, которое боится раціонализма младотурокъ. Христіане есть во всѣхъ группахъ. Такъ, часть армянъ въ оппозиціи, а дашнакцутюнъ съ младотурками.

Но все-таки даже такая оппозиція не даетъ правительству зарываться. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій выдающійся греческій депутатъ, Бушо-эффенди, такъ резюмировалъ главныя требованія оппозиціи: общая амнистія, подлинное равноправіе христіанъ и подлинный запретъ офицерамъ и чиновникамъ заниматься политикой.

Могутъ ли младотурки удовлетворить этимъ послѣднимъ требованіямъ? Партія, прежде всего военная и сейчасъ въ ея комитетѣ много офицеровъ, а въ провинціальной администраціи много ея ставленниковъ. Конечно, не въ моментъ войны захотятъ младотурки ссориться, или отдаляться отъ представителей арміи. Турція живетъ подъ страхомъ вторженія итальянцевъ въ Эгейское море. Призракъ державъ, готовыхъ такъ или иначе покончить съ Оттоманской имперіей, расчленить ее, стоитъ передъ глазами здѣшнихъ политиковъ. Армія для нихъ спасительница, любимое дѣтище новой Турціи. И единственныя сколько нибудь серьезныя реформы проведены ради усиленія арміи. Если бы Турція могла переправить хоть часть войскъ въ Триполитанію, положеніе Италіи было бы несравненно хуже, чѣмъ теперь, когда противъ итальянцевъ сражается маленькая горсть регулярнаго войска, да арабы, добровольцы, тайкомъ пробравшіеся въ Триполи.

Впрочемъ, еще лучше объединила арабовъ жестокость самихъ итальянцевъ.

---

8 ноября.

Итальянская эскадра, нѣсколько дней гдѣ-то блуждавшая въ Эгейскомъ морѣ, конечно, сильнѣе тревожила дипломатовъ европейскихъ столицъ, чѣмъ стамбульскихъ политиковъ. Этотъ демонстративный жестъ противника сразу показался имъ только угрозой. На скалистые, естественно защищенные острова послали кое-какія подкрѣпленія. Но

никакого особеннаго движенія войскъ въ сторону не только острововъ, но даже Дарданеллъ и Салоникъ не произошло. Къ чему? Развѣ державы допустятъ итальянцевъ разбойничать въ Егейскомъ морѣ, на этой большой морской дорогѣ, гдѣ скрещиваются торговые интересы всей Европы? И за триполитанскую авантюру приходится платиться всѣмъ, у кого есть коммерческіе интересы въ Средиземномъ морѣ. Пожалуй, меньше всѣхъ пока платятъ сами турки.

— Война не только ничего имъ не стоитъ, но даже приноситъ маленькій доходъ. Они перестали платить жалованье англійскимъ офицерамъ,—съ насмѣшливой улыбкой пояснилъ мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ дипломатовъ.

Это, конечно, слишкомъ розовый взглядъ на вещи, такъ какъ въ концѣ концовъ турки разсчитаются за всѣ итальянскія потери своей послѣдней африканской провинціей. Но, несомнѣнно, что до сихъ поръ война не вызываетъ никакого особеннаго напряженія, ни военнаго, ни финансоваго, ни политическаго. Политическія группы и кружки, потому что здѣсь, кажется, еще рано говорить о партіяхъ, продолжаютъ тратить время на ссоры и счеты, забывая и о войнѣ, и о странѣ, и о реформахъ. Въ бюджетѣ, только что внесенномъ въ палату, расходы на армію и флотъ не только не увеличены, но уменьшены на 20 проц. И весь бюджетъ сведенъ съ меньшимъ дефицитомъ, чѣмъ въ прошломъ году. Сумма прихода опредѣлена въ 30½ милл. турецкихъ лиръ (около 260 милл. руб.). А расходы—34 милл. Между тѣмъ какъ въ прошломъ году превышеніе расходовъ надъ приходами доходило до 5½ милл.

Министерство финансовъ даже имѣетъ еще свободный кредитъ въ Оттоманскомъ банкѣ. Цѣлыхъ 1½ милл. лиръ, т. е. около 12 милл. рублей. Для страны, гдѣ самое понятіе бюджетнаго хозяйства только еще народилось, гдѣ три года тому назадъ вмѣсто росписи была хозяйская рука султана, тратившаго деньги такъ, какъ ему хотѣлось, это хорошій показатель. Особенно, если принять во вниманіе, что эти годы были для Турціи годами усиленныхъ тратъ на армію и флотъ. Имъ пришлось создавать то и другое.

Младотурки прямо говорятъ, что ихъ первая и самая главная задача подготовить военныя силы. Все остальное: административныя реформы, образованіе, опредѣленіе отношеній къ другимъ національностямъ, все отодвигалось и отодвигается на второй планъ. Въ бюджетѣ указано 8 мил. лиръ на армію, 1,3 мил. на флотъ, а на просвѣщеніе 0,9 мил. Да и серьезнаго общаго образовательнаго плана еще не выработано. Зато законъ о воинской повинности уже разсматривается палатой и на половину принятъ [1]).

А деньги на флотъ и армію собираются всѣми способами. Особенно сейчасъ. На мосту изъ Стамбула въ Пера, и кое-гдѣ въ кофейняхъ, и въ театрѣ, во время представленія турецкой патріотической пьесы, ходятъ люди съ кружкой, съ испещренной красной турецкой надписью, бѣлой перевязью на рукѣ. Но не очень щедро сыплются піа-

[1]) Одной изъ большихъ трудностей новаго закона о воинской повинности было отношеніе къ христіанамъ. При старомъ режимѣ ихъ совсѣмъ не брали въ солдаты. При младотуркахъ стали брать, но поставили ихъ въ безправное, подчиненное положеніе. Офицерами могли быть только мусульмане. Въ войскахъ было не мало случаевъ насильственнаго перехода въ исламизмъ и тяжелыхъ извѣвательствъ надъ солдатами греками, армянами и болгарами. Въ началѣ 1911 г. въ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ отъ имени объединенныхъ христіанскихъ общинъ (милетовъ) объ отношеніи новаго рекрутскаго закона къ школьному. По приказу визиря была образована особая комиссія, которая и представила къ ноябрю 1911 г. свои заключенія, типичныя для запутанныхъ отношеній между господствующими мусульманами и подчиненными христіанами. Вотъ главныя требованія объединенныхъ христ. общинъ: Военные законы и указы должны переводится на всѣ христіанскіе языки (ком. согласна). Въ военныя, офицерскія школы принимаются христіане. При вступительномъ экзаменѣ они сдаютъ всѣ науки на своемъ языкѣ. По турецки только чтеніе и письмо. Ком. согласилась и на это, только требовала, чтобы турецкій знали на столько, чтобы слѣдить за лекціями. Согласилась она и на то, чтобы солдатамъ было запрещено переходить въ исламъ и чтобы имѣли своихъ священниковъ. Но не согласилась на то, чтобы солдаты отбывали повинность въ родныхъ вилайетахъ.

Дальнѣйшій ходъ этого законопроекта мнѣ не удалось уже прослѣдить. Но и предварительные переговоры показываютъ, какія закоренѣлыя національныя противорѣчія препятствовали созданію оттоманской имперской арміи. Не трудно предположить, что намъ приходится и сейчасъ имѣть дѣло съ арміей по преимуществу турецкой.

стры въ кружки сборщиковъ на флотъ, и правительство изобрѣтаетъ и другіе источники доходовъ. Въ газетахъ, въ теченіе нѣскольхихъ дней, печатаются объявленія:

Комитетъ Оттоманскаго флота.

„Шкуры и рога барановъ, которые будутъ принесены „въ жертву по случаю „Курбанъ-Байрама въ Стамбулѣ, „Пера, Скутари, на островахъ и въ окрестностяхъ будутъ „собраны и проданы съ торговъ въ пользу флота".

Кто знаетъ, можетъ быть, эти жертвенныя бараньи шкуры, такъ красочно напоминающія о давнихъ, древнихъ обычаяхъ, которыми еще пропитаны старые камни Босфора и Византіи, дадутъ молодому конституціонному правительству больше прибыли, чѣмъ новомодный, по европейскому образцу устроенный кружечный сборъ.

Само собой разумѣется, что турки добиваются поднятія своихъ доходовъ и другими, менѣе оригинальными, болѣе дѣловыми способами. Сейчасъ ведутся переговоры о поднятіи ввозныхъ пошлинъ. Теперь всѣ товары оплачиваются 12 проц. своей стоимости. Турецкое правительство хочетъ, чтобы державы согласились поднять пошлину до 15%. Воспослѣдуетъ ли на это милостивое согласіе экономическихъ властителей Оттоманской имперіи, еще неизвѣстно. Возможно, что будетъ измѣненъ самый порядокъ оплаты. Теперь предметы первой необходимости, какъ, напримѣръ, хлѣбъ, обложенъ такимъ же тарифомъ, какъ и предметы роскоши, такъ какъ процентъ расчисленъ со стоимости товара. Есть предположеніе установить пошлину пропорціональную стоимости товара.

Въ этихъ перемѣнахъ заинтересована и Россія, такъ какъ мы сейчасъ уже ввозимъ въ Турцію на 27 милл. руб. и по ввозу стоимъ даже выше Германіи. Несомнѣнно, что при нѣкоторой предпріимчивости русскихъ фабрикантовъ и коммерсантовъ, мы могли бы имѣть здѣсь хорошій рынокъ, особенно для нашихъ мануфактурныхъ произведеній.

Переговоры о пошлинахъ показываютъ крѣпкую, въ сущности, вассальную зависимость Оттоманской имперіи

отъ великихъ державъ, безъ которыхъ она не можетъ рѣшать свои внутреннія хозяйственныя дѣла. Этимъ въ значительной степени объясняется и внутренняя политика Турціи. Само собой разумѣется, что всякій честный или даже честолюбивый турецкій политикъ не можетъ не стремиться къ сверженію этого европейскаго ига. Самымъ вѣрнымъ орудіемъ освобожденія имъ представляется хорошо организованная, по новому оборудованная и дисциплинированная армія. Къ ней стянуты всѣ симпатіи, вся наличная энергія младотурецкаго правительства. Эта односторонность, можетъ быть, очень опасна въ каждой странѣ, а тѣмъ болѣе здѣсь, гдѣ вся жизнь требуетъ быстрыхъ преобразованій и перестроекъ. Но разъ турки заимствуютъ отъ Европы весь ея укладъ, какъ устоять противъ соблазна взять отъ своей учительницы то, что есть у нея наиболѣе грубаго, но и наиболѣе сильнаго—ея милитаризмъ?

---

11 ноября.

„Даже если вы побѣдите, вы все равно осуждены на гибель!“

Такъ привѣтствуетъ только что народившуюся партію „Свобода и Единеніе“ редакторъ „Танина“, вліятельный членъ младотурецкой партіи Гуссейнъ-Джахидъ-бей. Не безъ труда сдерживая свой боевой темпераментъ, онъ старается быть вѣжливымъ и даже увѣряетъ, что „дружеское единеніе членовъ оппозиціи можетъ принести нашей родинѣ только пользу“. Но за этой сдержанностью не трудно угадать горечь человѣка, который видитъ, какъ его же недавніе политическіе единомышленники и соратники вступаютъ въ оборонительный и наступательный союзъ съ явными врагами комитета единенія и прогресса.

Среди всѣхъ разоблаченій и жалобъ, обвиненій и укоровъ, сыплющихся на комитетъ, это новое сближеніе подъ однимъ знаменемъ людей различныхъ воззрѣній, національностей и,—что еще важнѣе,—людей съ различнымъ политическимъ прошлымъ, рѣзче и краснорѣчивѣе всего вскры-

2

ваетъ неумѣніе младотурокъ создать себѣ прочное и популярное положеніе въ странѣ. Почти всѣ газеты, кромѣ „Танина“ и отчасти „Jeune Turc“, привѣтствуютъ нарожденіе новой партіи, поощряютъ ее къ энергичной и сплоченной борьбѣ противъ гнета, созданнаго салоникскимъ комитетомъ. Что бы ни говорили въ свое оправданіе нынѣшніе заправилы турецкой политики, но этотъ гнетъ, несомнѣнно, чувствуется, особенно въ Константинополѣ, гдѣ какъ разъ и сосредоточена политическая и духовная жизнь. Газеты, выходящія въ Смирнѣ, или въ Адріанополѣ, могутъ свободно высказывать взгляды, за которые стамбульскія газеты конфискуются или закрываются.

Въ Константинополѣ предстоятъ дополнительные выборы депутата. Оппозиція хочетъ устроить митингъ. Имъ отвѣчаютъ, что этого нельзя, такъ какъ городъ на военномъ положеніи и что своевременно они будутъ оповѣщены о порядкѣ выборовъ.

Когда я спрашиваю Гуссейнъ-Джахида, какъ же они, считающіе себя родоначальниками и охранителями оттоманской конституціи, могли создать такое положеніе, онъ морщится. Да, конечно, это не хорошо. Еще Хакки-паша сдѣлалъ ошибку, что не снялъ военнаго положенія. Но съ другой стороны, какъ же его снять, когда еще нѣтъ настоящихъ законовъ о печати и о собраніяхъ? Вотъ его аргументы.

Бѣда въ томъ, что черная память объ апрѣльской контръреволюціи, когда реакціонеры, опираясь на подкупленную султанскимъ золотомъ чернь, произвели подлинный погромъ конституціоналистовъ, память объ этихъ грозныхъ дняхъ еще не разсѣялась въ сердцахъ нынѣшнихъ руководителей политики. Въ самомъ парламентѣ были тогда люди, поддерживавшіе сторонниковъ стараго режима, а вѣдь это тотъ же парламентъ, который и посейчасъ засѣдаетъ. Сколько же въ немъ должно таиться взаимной злопамятности, ненависти, подозрительности, и какъ трудно создать въ такой атмосферѣ условія для серьезной и продуктивной работы. Господствующая младотурецкая партія не сумѣла преодо-

лѣть эти трудности, не сумѣла сплотить и укрѣпить наиболѣе работоспособные элементы, а, наоборотъ, оттолкнула отъ себя даже часть своихъ.

Теперь во главѣ новой партіи, вѣрнѣе, новаго блока, которому какъ будто суждено кристализировать распыленныя частицы оппозиціи, мы видимъ самыхъ разнообразныхъ людей. Прежде всего двухъ выдающихся прежнихъ дѣятелей младотурецкаго комитета — философа и гуманиста Риза-Тевфикъ-бея и полковника Садыкъ-бея. Первый отошелъ отъ младотурокъ потому, что не могъ мириться съ ихъ деспотическими замашками, съ ихъ неуваженіемъ къ правамъ личности и національностей. А второй, наоборотъ, еще весной текущаго года поднялъ бунтъ противъ слишкомъ радикальныхъ тенденцій комитета, который долженъ считаться съ національными и религіозными традиціями. Борьба приняла настолько острый характеръ, что Садыкъ-бей вышелъ изъ комитета, образовалъ свою группу и вынужденъ былъ уйти съ военной службы, несмотря на большую дружбу съ популярнымъ и вліятельнымъ военнымъ министромъ. А теперь, повидимому, Садыкъ-бей и Риза-Тевфикъ работаютъ рука объ руку и являются главными созидателями новорожденной партіи „Свободы и Единенія“.

Они привлекли на свою сторону 55 депутатовъ съ разныхъ скамей. Къ нимъ примыкаетъ шесть болгаръ, двѣнадцать албанцевъ, двѣнадцать независимыхъ. Возможно, что греки будутъ ихъ поддерживать. Мало того, говорятъ, что изъ среды уніонистовъ тоже человѣкъ 15 уже выразило согласіе войти въ новую группу. Если такъ, то около „Свободы и Единенія“ соберется около 100 чел., а такъ какъ голосуетъ въ средніе дни менѣе 200 депутатовъ, то, значитъ, большинство перемѣщается съ правительства на оппозицію.

Что изъ всего этого выйдетъ, — трудно предсказать. Даже оппозиціонныя турецкія газеты, такъ искренно привѣтствующія новую группировку парламентскихъ силъ, не могутъ удержаться отъ скептическихъ замѣчаній.

„Мы прежде всего желаемъ новой партіи, выдержки, — пишетъ безпартійная газета „Ieni Gazetta“,—послѣ конституціи столько уже партій и союзовъ образовалось и въ парламентѣ, и въ странѣ, и всѣ съ такимъ шумомъ. Но, къ сожалѣнію, благодаря полному отстутствію послѣдовательности, всѣ оказались кратковременны и безполезны. Впрочемъ, мы надѣемся, что лица, образующія новую партію, знаютъ, что съ этимъ зломъ надо бороться“.

Въ этихъ руководящихъ лицахъ все дѣло. Если три года пустыхъ и злобныхъ споровъ и раздоровъ ихъ чему-нибудь научили, то, можетъ быть, изъ молодой оппозиціонной партіи и выработается сильная группа, которая сумѣетъ противопоставить себя младотуркамъ и въ парламентѣ и на предстоящихъ общихъ выборахъ. Обнародованная ими программа, осторожная и растяжимая, можетъ и все вмѣстить и ничего не дать. „Дѣйствительное введеніе конституціи,— созданіе подлиннаго политическаго сближенія между разными частями населенія“. Это то же самое, что младотурки обѣщаютъ съ самаго начала конституціи, уже три года. Послѣ общихъ указаній на народное образованіе и на самоуправленіе, идетъ двусмысленная фраза: „Объявляя себя безъ всякихъ оговорокъ сторонницей политической недѣлимости Оттоманской Имперіи, партія признаетъ необходимость особаго временнаго управленія для нѣкоторыхъ провинцій, гдѣ существуютъ спеціальныя мѣстныя условія“.

При нѣкоторомъ желаніи можно подумать, что это касается Македоніи, а что хотятъ съ ней сдѣлать организаторы новой партіи, этого изъ ихъ программы не угадаешь. Но турецкая политика еще въ томъ младенческомъ состояніи, когда программы ничего не значатъ, а люди — все. Въ младотурецкихъ кругахъ идетъ несомнѣнный распадъ. Есть уже слухъ, что даже „Танинъ“ и его руководители оказываются не ко двору комитету, который создаетъ свою новую газету. Возможно, что въ противовѣсъ этому дробленію правительственной партіи, недовольные всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ національностей разовьютъ въ себѣ силу сплоченія, и тогда произойдетъ серьезная борьба. Но что принесутъ

побѣдители усталой отъ безпорядковъ странѣ,—вотъ самый интересный для посторонняго наблюдателя вопросъ.

---

20 ноября.

Паника, точно острый порывъ холодной осенней бури, пролетѣла надъ Стамбуломъ. Турки не покажутъ ни волненія, ни страха. Только менѣе охотно говорятъ о войнѣ, только въ глазахъ что-то мелькаетъ горячее и быстрое.

А подъ высокимъ обрывомъ, въ Старомъ Серайлѣ, гдѣ въ широкихъ, на половину еще византійскихъ крѣпостныхъ стѣнахъ, раскинулись и музеи, и старые дворцы, и казармы, вдругъ закипѣла военная жизнь. Какъ листья, подхваченные этимъ вѣтромъ, солдаты шли, ѣхали, толпились, маршировали. Внизу, на площадкѣ, около устья Золотого Рога, были разбиты палатки. Везли на повозкахъ ящики, тюки и военные припасы, громыхали пушки. Молодые рекруты, сбиваясь въ кучку, конфузливо косились на прохожихъ черными, круглыми, еще по-деревенски простодушными глазами. Они были въ своемъ домашнемъ платьѣ, живописные, пестрые, согнанные сюда изъ Малой Азіи, изъ Македоніи, изъ Румеліи, изъ Сиріи, со всѣхъ концовъ просторной и многоязычной Оттоманской имперіи. Новый военный законъ привлекаетъ къ солдатчинѣ всѣхъ гражданъ—и мусульманъ, и христіанъ. Всѣ теперь равно имѣютъ право умереть на полѣ битвы.

Сейчасъ въ Турціи это не пустыя слова. Это реальность. Можетъ быть, этотъ длинновязый темнокожій турокъ въ широчайшихъ домотканныхъ штанахъ и съ ситцевымъ платочкомъ, повязаннымъ кругомъ фески, который такъ запросто обращается къ намъ и спрашиваетъ по-турецки, гдѣ чешмэ, очевидно, даже не подозрѣвая, что могутъ быть люди, которые не знаютъ, что чешмэ значитъ источникъ,— можетъ быть, черезъ мѣсяцъ этотъ деревенскій парень полѣзетъ убивать итальянцевъ, или самъ будетъ убитъ осколкомъ шальной бомбы. Послушный и темный, онъ бросаетъ деревню, домъ, все привычное, близкое, дорогое,

чтобы отдать свою молодую, мощную энергію на дѣло разрушенія, чтобы вмѣстѣ съ другими, такими же послушными и безпомощными, создать то, что зовется среди людей силой страны.

Толпа за толпой пробѣгали солдаты мимо насъ внизъ, къ берегу. Въ серебристомъ туманѣ нѣжилось и блестѣло море. Сколько разъ его измѣнчиво-зеленыя волны обагрялись кровью побѣжденныхъ, носили на своихъ волнахъ новыхъ и новыхъ побѣдителей. Неужели опять приспѣлъ для этихъ манящихъ береговъ часъ новыхъ битвъ?

— Полноте. Никогда итальянцевъ не пустятъ сюда. Вѣдь есть же какая-нибудь польза и въ томъ, что всѣ державы у насъ хозяйничаютъ?—съ горечью говорилъ мнѣ редакторъ „Танина", Гуссейнъ-Джахидъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ турецкихъ журналистовъ.

Онъ настоящій турецкій патріотъ и я вижу въ его умныхъ, красивыхъ глазахъ облако тревоги, которую онъ хочетъ скрыть отъ меня.

Теперь берегъ опустѣлъ. Палатокъ нѣтъ. Войска ушли. Вѣрнѣе, ихъ увезли, частью къ Дарданелламъ, частью на Малоазіатскіе берега, и вмѣсто этихъ человѣческихъ жертвъ, предназначенныхъ ненасытному богу войны, по городу ходятъ другія менѣе трагическія жертвы.

Пришелъ Курбанъ-Байрамъ. Каждый благочестивый поклонникъ пророка спѣшитъ купить жирнаго барана, чтобы зарѣзать его во имя Аллаха. Когда-то давно, давно, когда пастухи были властителями, а цари были пастухами, гдѣ-то въ голубомъ просторѣ Ханаанской земли старый шейхъ, охваченный безпредѣльной покорностью передъ божественной волей, готовъ былъ собственноручно принести въ жертву своего единственнаго сына. Съ тѣхъ поръ тысячелѣтія пронеслись надъ землей. Возвышались и падали народы и царства, какъ пыль въ пустынѣ, вздымались и исчезали поколѣнія, смѣнялись нравы и мысли, характеры и религіи. Но образъ стараго пастуха, благочестиво занесшаго ножъ надъ головой своего любимца, сохранилъ таинственную власть, живетъ въ обычаяхъ милліоновъ мусульманъ, рас-

кинутыхъ по всѣмъ частямъ свѣта. Но они подмѣнили Исаака Измаиломъ, отъ котораго, по ихъ преданію, и произошли арабы. Въ память Измаила и празднуется Курбанъ-Байрамъ, то есть праздникъ жертвы.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ по улицамъ Стамбула, особенно на площадяхъ около мечетей, жмутся и толпятся отары мохнатыхъ, жирныхъ барановъ и козловъ. Пастухи изъ Кони, въ короткихъ курткахъ, съ пестрыми узорами на спинѣ, и пастухи изъ Албаніи, въ широчайшихъ бѣлыхъ, похожихъ на громадные конверты, буркахъ, терпѣливо и упрямо торгуются съ покупателями. Старая турчанка, откинувъ вуаль съ лица, которое все равно уже не соблазнитъ ни одного правовѣрнаго, сидитъ на корточкахъ и щупаетъ живую покупку со всѣхъ сторонъ. Надо воздать Аллаху должное, но и земное не слѣдуетъ забывать. Мальчишки въ фескахъ трутся около, съ тѣмъ озабоченнымъ и озорнымъ видомъ, который одинаково свойственъ мальчикамъ всѣхъ расъ, особенно передъ большими праздниками.

Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, старуха вытаскиваетъ изъ-подъ своихъ ватныхъ грязныхъ халатовъ мѣшочекъ съ деньгами и со вздохомъ достаетъ золотую монету и какую-то серебряную мелочь въ придачу. Происходитъ заключительная перебранка между ней и чабаномъ. Должно быть, изъ-за размѣна денегъ. Я всей душой принимаю въ турчанкѣ участіе. Размѣнъ денегъ здѣсь—это ежечасная биржевая игра, и надо быть маклеромъ, чтобы твердо понимать, сколько у тебя денегъ въ карманѣ.

Но мальчишкамъ до этого нѣтъ дѣла. Они торопятъ бабушку и крутятся, какъ чертенята, около носильщика. Молодой курдъ, хамалъ, этотъ живой символъ экономическаго убожества Турціи, связываетъ огромному барану лапы и при помощи многихъ добровольныхъ участниковъ взваливаетъ его себѣ на спину. У барана спина, какъ у степного помѣщика: широченная, внушительная, жирная. Шерсть на немъ расчесанная, мохнатая. Маленькая, черная, узкомордая голова съ блестящими, глупенькими глазами, дружески тычется въ феску хамала или припадаетъ къ его

плечу. Десятки такихъ носильщиковъ встрѣтили мы на своемъ пути. Они идутъ по городу, по узкимъ крутымъ улицамъ, съ горы на гору, пока не доползутъ до того двора, гдѣ съ наступленіемъ вечера благочестивая рука хозяина, бормочущаго соотвѣтственныя молитвы, зарѣжетъ барана по всѣмъ жертвеннымъ правиламъ. Если домъ богатый, то сначала барана украсятъ, позолотятъ ему рога, копыта, даже уши. Позовутъ муллу, чтобы зарѣзать жертву. Купятъ не одного, а двухъ, чтобы раздать мясо сосѣднимъ бѣднякамъ, и всюду будетъ праздникъ, и всѣ, дѣти и взрослые, богатые и убогіе, будутъ испытывать приподнятое, возбужденное настроеніе. А когда стемнѣетъ, на минаретахъ зажгутся огни, и Стамбулъ станетъ похожъ на городъ-сказку, на декорацію къ роскошной оперѣ. Муэзины выступятъ солистами, и, перекрикивая другъ друга, на нѣсколько мгновеній примѣшаютъ къ суетному земному шуму города молитвенныя слова, напоминающія о небѣ, о безконечномъ, непреходящемъ.

Съ холоднымъ, чуждымъ любопытствомъ слѣдимъ мы, чужестранцы, за приготовленіями къ не-нашему празднику. Мы такъ много уже разбили традицій, такъ много критическаго яда просочилось въ наши мозги. Эти простодушные и грубоватые обряды такъ легко соблазняютъ, вызываютъ насмѣшливое высокомѣріе. Но меня лично спасъ отъ него крикъ муэзина.

Неожиданно и некстати раздался онъ надъ моей головой. Уже два часа возились мы въ таможнѣ, добывая ящикъ книгъ. Люди въ фескахъ посылали насъ изъ этажа въ этажъ, изъ склада въ складъ. Наконецъ, счастье уже было близко. Ящикъ съ надписью „Петербургъ—Константинополь" лежалъ передъ нами. И вдругъ, въ эту минуту, среди большого, грязнаго, пыльнаго, шумнаго, заваленнаго кладью, заполненнаго рабочими, казалось бы, совсѣмъ непригоднаго для молитвы, сарая, покрывая весь дѣловой грохотъ, пронесся пронзительный голосъ муэзина.

Онъ стоялъ на верхней галлереѣ и, закинувъ голову, закрывъ глаза, кричалъ во весь ротъ, точно надъ нимъ

была не крыша таможни, а звѣздное небо. Сразу все остановилось. Чиновники ушли, носильщики тоже. Наступилъ полнѣйшій перерывъ, и нашъ ящикъ безпомощно лежалъ въ опустѣвшемъ сараѣ.

Ушли и мы, проклиная турецкіе порядки, и вернулись, когда кончился полдневный отдыхъ, вернулись, напередъ готовясь къ скучнымъ допросамъ о содержимомъ ящика. Вставали въ памяти всѣ переѣзды черезъ русскую границу и ощущеніе своей преступности, когда глаза таможеннаго чиновника, или жандарма находили въ чемоданѣ десятокъ книгъ.

Хамалъ открылъ крышку. Знакомые переплеты дружески глянули на насъ.

— У васъ тутъ что?—спросилъ чиновникъ въ фескѣ, съ янтарными четками на рукѣ.

— Книги,—раздался мой, почти вызывающій, отвѣтъ.

— Только книги? Больше ничего? Ну, такъ берите ихъ.

Хамалъ захлопнулъ крышку.

Вотъ вамъ и Турція. Барановъ здѣсь рѣжутъ, а книги щадятъ.

Оттого-то крикъ муэзина въ моемъ русскомъ сердцѣ не вызываетъ высокомѣрія, и когда я слышу, какъ сейчасъ, пушечную пальбу въ память того, что когда-то Господь милостиво остановилъ руку Авраама, я думаю, какъ медленно и извилисто течетъ исторія, все вбирая въ свои нѣдра.

---

27 ноября.

Каждую ночь по улицамъ Стамбула, Галата и Пера, бѣгутъ скороходы, полуголые, босоногіе, даже безъ неизбѣжной фески и тягучимъ, настойчивымъ голосомъ вопятъ:

— Янгинъ ва-а-аръ! Стамбулъ да-а!

Это глашатаи пожара. Въ темнотѣ, въ непогоду, мчатся они по крутымъ и каменистымъ улицамъ этого страннаго, стараго города и, точно ночныя птицы, бросаютъ въ воздухъ свой тревожный кличъ. Жители привыкли. Они

знаютъ, что въ Константинополѣ огонь—бытовое явленіе, и только сквозь сонъ прислушиваются, гдѣ „янгинъ",—въ близкой улицѣ, или подальше? Но на меня, какъ на новичка, этотъ кличъ все еще дѣйствуетъ. Я вскакиваю и подбѣгаю къ окну. За окномъ тихая улица, большія деревья англійскаго посольскаго сада, яркія звѣзды на небѣ и яркіе огни судовъ на Золотомъ Рогѣ. Больше ничего. Значитъ пожаръ гдѣ-нибудь далеко отъ насъ слизываетъ и рушитъ хрупкіе, деревянные, турецкіе дома.

Когда я прислушиваюсь къ шуму политическихъ споровъ и вожделѣній, кипящихъ кругомъ и около Турціи, мнѣ кажется, что я слышу тотъ же тоскливый и призывной ночной крикъ:

— Я-а-нгинъ в-а-а-аръ! Ста-амбулъ да-а!

И хочется понять, хочется угадать, что же это—послѣдняя, рѣшительная, трагическая катастрофа? Или только одна изъ повторныхъ вспышекъ, похожихъ на приступы хронической болѣзни?

Сейчасъ осложненія, трудности и угрозы скопились со всѣхъ сторонъ. Война, правда, еще не захватила сердце страны, а держится въ предѣлахъ далекой африканской окраины.

Но самый фактъ войны то, что одна изъ европейскихъ державъ отрѣзаетъ отъ имперіи халифовъ цѣлую территорію, уже нарушаетъ хрупкое равновѣсіе Турціи.

— Скажите, почему Европа не хочетъ оставить насъ въ покоѣ? Почему не хотятъ дать намъ докончить дѣло реформъ? Мы не просимъ о помощи, мы только хотимъ, чтобы намъ не мѣшали. И еще хотимъ, чтобы симпатіи честныхъ людей были на нашей сторонѣ,—съ горечью сказалъ мнѣ предсѣдатель парламента Ахметъ Риза.

Что можно было ему возразить? Изъ громадныхъ оконъ предсѣдательскаго кабинета, гдѣ онъ принималъ меня, видны были серебристыя волны Босфора, и темныя очертанія Принцевыхъ острововъ, и гористый склонъ азіатскаго берега. Маленькія пассажирскія лодочки, парусныя фелуки, которыя везутъ съ греческихъ острововъ всякую живность

и зелень, громадныя суда и пароходы, обслуживающіе сложную международную торговлю, все это плыло мимо сераиля, гдѣ засѣдаютъ турецкіе депутаты. Кипучая портовая жизнь подчеркивала, усиливала красоту этой очаровательной и соблазнительной полуевропейской-полуазіатской гавани. Но нельзя же было такъ прямо и сказать Ахметъ-Ризѣ, одному изъ немногихъ подлинныхъ и цѣльныхъ турецкихъ идеалистовъ, что Европа оттого и не оставляетъ ихъ въ покоѣ, что ей самой нравится этотъ заливъ, плодородныя поля Румеліи и Малой Азіи, тѣ еще нетронутыя богатства, которыя таятся въ нѣдрахъ оттоманской земли. Нельзя же сказать ему, что сильныя державы, гордыя своей цивилизаціей, болѣе чѣмъ равнодушны къ турецкимъ реформамъ и реформаторамъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ свои аппетиты на востокѣ, что въ нихъ и надо искать ключъ къ восточному вопросу, а не во внутреннемъ положеніи Турціи.

Хотя видимость, декорумъ, показная сторона дипломатіи, конечно, говоритъ иное. И когда въ Македоніи опять взорвались бомбы, и опять мусульмане расправились съ болгарами, представители всѣхъ сильныхъ государствъ поѣхали въ Блистательную Порту,—которая, кстати сказать, наполовину обгорѣлая и облѣзлая, рѣшительно ничѣмъ не блещетъ,—и заявили, что они не любятъ такихъ безпорядковъ, даже и въ чужой странѣ [1]).

Бѣдные турецкіе государственные дѣятели. Во внутреннихъ дѣлахъ ихъ наставляютъ и учатъ чужіе послы, а ихъ внѣшнія дѣла, хотя бы тотъ же вопросъ о проливахъ, рѣшается гдѣ-то за тридевять земель, не то въ Парижѣ, не то въ Лондонѣ, но ужъ, конечно, не въ Блистательной

---

[1]) Депутатъ изъ Искюба, болгаринъ Павловъ, въ частной бесѣдѣ съ англійскимъ корреспондентомъ, не отрицалъ возможности, что бомбы были брошены въ мечеть македонскими четниками. Военныя затрудненія Турціи и внутренніе политическіе раздоры могли пробудить въ нихъ надежду, что настало время для *австрійскаго* (!) вмѣшательства. Ему говорили въ Портѣ, что послѣ взрыва было убито 12 болгаръ и 100 раненыхъ. Это уже былъ настоящій погромъ.

Портѣ. Все, что узнается здѣсь о ходѣ переговоровъ, есть только отголосокъ какой-то далекой, большими игроками разыгрываемой игры. Въ Стамбулѣ идетъ только подготовка, взрыхляютъ и удобряютъ почву, но выращивается этотъ геллеспонтскій фруктъ не на Золотомъ Рогѣ, а скорѣе на Quai D'Orsey или на Wilhelm Strasse.

А турецкая печать съ гораздо меньшей страстностью обсуждаетъ вопросъ о проливахъ, чѣмъ свои внутреннія даже не дѣла, а распри.

Опять и тутъ, какъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, мнѣ чудится тотъ же тревожный, призывный крикъ о пожарѣ, тотъ же трескъ падающихъ балокъ. Македонскія бомбы еще сильнѣе взволновали и взбаламутили внутреннюю политику. Безъ нихъ уже положеніе правительства, и въ лицѣ кабинета и въ лицѣ салоникскаго комитета, было не завидное. Новая партія „Свободы и Соглашенія“ подхватываетъ и выдвигаетъ, и раздуваетъ всѣ ошибки своихъ политическихъ враговъ. Дѣло объ убійствѣ Зэки-бея, гдѣ свидѣтельскія показанія бросили черную тѣнь на двухъ младотурецкихъ министровъ изъ кабинета Хакки-паши, является очень острымъ орудіемъ въ рукахъ оппозиціи. Настолько, что даже салоникскій комитетъ, имѣющій привычку въ трудныхъ случаяхъ отмалчиваться, нашелъ нужнымъ выпустить декларацію. Нельзя сказать, чтобы очень убѣдительную. Непріятенъ въ ней хвастливый грубый тонъ, уклончивы и неубѣдительны фразы, оправдывающія заподозрѣнныхъ министровъ.

Комитетъ отвергаетъ ходячее и, повидимому, дѣйствительно, не основательное обвиненіе, будто бы онъ представляетъ изъ себя тайное общество. „Комитетъ, являющійся самой вѣрной и самой незыблемой опорой конституціи, имъ же введенной, не составляетъ никакой оккультной организаціи: сотни его клубовъ и отдѣловъ насчитываютъ милліоны членовъ, всецѣло преданныхъ „Единенію и прогрессу“ и заключаютъ въ себѣ всѣ наличные элементы, жаждущіе прогресса и согласія“.

Само собой разумѣется, что представители оппозиціи

подхватили эту черезчуръ широкую партійную статистику. Въ газетѣ „Алемдаръ“ Измаилъ Хакки-бей, предсѣдатель новой оппозиціонной партіи, напечаталъ рѣзкую и злую сводку всѣхъ грѣховъ, числящихся за комитетомъ. На первомъ мѣстѣ триполитанская война. Она началась въ министерствѣ Хакки-паши. Это былъ первый младотурецкій кабинетъ. Что же онъ сдѣлалъ? Война застигла его врасплохъ. Въ Триполисѣ не было ни начальства, ни войскъ. Войска были даже вывезены, говорятъ, по совѣту нѣмцевъ, гарантировавшихъ миролюбіе итальянцевъ. Теперь Хакки-паша подъ судомъ, а два члена его кабинета, Джавидъ-бей и Талаатъ-бей, обвиняются общественнымъ мнѣніемъ въ причастности къ политическому убійству.

„Вы говорите о вашихъ клубахъ,—пишетъ дальше руководитель оппозиціи. Но изъ кого же они состоятъ? Все изъ тѣхъ же несчастныхъ чиновниковъ, которыхъ вы поработили, потому что имъ надо получать жалованье; они волей-неволей записываются въ клубы, чтобы не потерять заработокъ.

„А что вы за все это время сдѣлали? Вы всѣ должности наполнили своими ставленниками, обязанными васъ поддерживать.

„Откуда вы берете деньги, тѣ громадныя суммы, которыя вы тратите на ваши, такъ называемые, клубы, не могущіе существовать безъ субсидій? Или ваши расходы все еще покрываются тысячами фунтовъ бывшаго султана, которыми вы такъ ловко завладѣли?“

Трудно не только свѣжему человѣку, но даже мѣстнымъ наблюдателямъ турецкой политики разобраться въ такихъ обвиненіяхъ. Темныя деньги, тайные источники, захваченныя тысячи,—какъ ихъ проконтролировать? Но когда въ отвѣтъ на страстную филиппику лидера оппозиціи салоникскій комитетъ ничего не говоритъ, правительство молча закрываетъ „Алемдаръ“, а черезъ три дня закрываетъ и другую газету, возникшую на мѣсто закрытой, тогда невольно думается: однако, здѣсь дѣло нечисто.

Но все-таки всѣхъ собакъ вѣшать на комитетъ, какъ это дѣлается и здѣсь, и за границей, конечно, нельзя. Они

запутались, они не съумѣли сразу взяться за органическую работу,—хуже того, не съумѣли отдѣлаться отъ темныхъ привычекъ стараго режима, но, несомнѣнно, что въ ихъ средѣ есть подлинные, и искренніе конституціоналисты. Озлобленіе, паника, вызванная попыткой свалить конституцію, мало-по-малу разсѣивается, уступая мѣсто болѣе трезвымъ жизненнымъ требованіямъ. Въ переговорахъ съ христіанскими общинами о военномъ и школьномъ законѣ кабинетъ пошелъ на крупныя уступки. Правда, это не что-нибудь закрѣпленное, это обѣщанья à la turca, но обѣщанья разумныя и отнюдь не шовинистическія.

Желаніе правительства улучшить свои отношенія съ національностями—несомнѣнно. Не убѣдительно звучитъ, высказываемое нѣкоторой частью болгарской печати предположеніе, что это младотурки сами устроили македонскіе взрывы. Имъ сейчасъ македонскія отношенія совсѣмъ не на руку, такъ же какъ и новыя столкновенія въ Анатоліи между курдами и армянами, о которыхъ армяне-депутаты уже получаютъ тревожныя телеграммы.

Да и къ чему искать виновниковъ взрывовъ, когда болгарскій комитетъ въ Македоніи самъ напередъ возвѣстилъ, что скоро приступитъ къ ряду террористическихъ дѣйствій для того, чтобы снова привлечь вниманіе державъ къ Македоніи. Не особенно удачно выбрали болгары моментъ. Вниманіе державъ отдано цѣликомъ Криту и проливамъ. Сейчасъ не до Македоніи. Да и самый пріемъ, это бросанье бомбъ въ мечеть, взрывы въ поѣздахъ, все это вызываетъ рѣзкую критику даже болгарской печати. Но осуждая руководителей четъ, они также осуждаютъ и правительство, которое не съумѣло или не захотѣло во-время пресѣчь и терроризмъ четниковъ, и мусульманскую расправу.

Выходящая въ Царьградѣ болгарская газета „Вѣсти" требуетъ привлеченія виновныхъ въ этой расправѣ къ „политической и уголовной отвѣтственности". „Моментъ важенъ и „судьбоносенъ", — говоритъ газета, употребляя краснорѣчивое славянское слово, которое такъ и хочется перенести безъ измѣненія въ русскую рѣчь.

По иниціативѣ болгарскихъ депутатовъ, въ Иштибъ, на мѣсто взрыва и погрома, ѣдетъ своего рода парламентская комиссія. Оффиціально она не будетъ такой. Младотурки въ нее не входятъ. Оппозиція, послѣ очень рѣзкихъ и бурныхъ партійныхъ преній, тоже отклонила формальное участіе въ поѣздкѣ, и только частнымъ образомъ посылаетъ въ Македонію двухъ своихъ членовъ. Посмотримъ, какія свѣдѣнія они привезутъ. Дѣйствительно ли большой пожаръ опять занялся въ этой несчастной провинціи, которую опустошаютъ то банды, то войска, то тѣ и другіе вмѣстѣ, или это только очередная, предвесенняя македонская тревога?

Но, во всякомъ случаѣ, нынѣшняя зима для Турціи, а вмѣстѣ съ ней и для всего Ближняго Востока, вѣроятно, будетъ „судьбоносной".

ГЛАВА II.

Выборы и открытіе парламента.

6 марта.

Телеграммы оттоманскаго агентства извѣщаютъ со всѣхъ сторонъ объ ожидаемыхъ выборныхъ побѣдахъ младотурецкаго большинства [1]. Но, кажется, побѣды эти не столько политическаго, сколько административнаго характера. Салоникскій комитетъ, четыре года тому назадъ давшій Турціи новый, конституціонный режимъ, теперь, въ разгарѣ борьбы за власть, отбрасываетъ въ сторону основныя начала права и конституціонности. Пользуясь перерывомъ въ парламентской жизни, кабинетъ только что ввелъ новый законъ о печати. Для здѣшнихъ газетъ онъ явится болѣе тяжкимъ бременемъ, чѣмъ даже военное положеніе, подъ гнетомъ котораго до сихъ поръ жила пресса. Предварительный взносъ въ 500 лиръ, обезпечивающій штрафы, налагаемые на газеты, сумма очень большая для турецкихъ общественныхъ дѣятелей. Это лишаетъ ихъ возможности на слѣдующій же день послѣ закрытія снова выпустить га-

[1] Въ декабрѣ 1911 г. мнѣ пришлось уѣхать изъ Константинополя въ Россію и вернуться только въ мартѣ. За время моего отсутствія младотурки распустили палату, напуганные тѣмъ шумомъ, который лидеры оппозиціи вели около сърганизованной ими новой партіи „Единеніе и Свобода". Были назначены выборы, которые и прошли подъ знакомъ борьбы между Иттихадомъ (партія Единенія и Прогресса) и Иттилафомъ (партія Единенія и Свободы). Но борьба была неравная, такъ какъ въ рукахъ комитета младотурокъ были всѣ способы административнаго давленія, которыми они очень широко воспользовались при выборахъ.

зету подъ новымъ названіемъ, какъ до сихъ поръ дѣлала оппозиція.

Но наибольшимъ нарушеніемъ политическихъ правъ оттоманскихъ подданныхъ является способъ распредѣленія избирательныхъ округовъ... По закону выбирается одинъ депутатъ отъ 50,000 населенія. Это средняя цифра, но уже тамъ, гдѣ есть свыше 25 тыс., можетъ быть намѣченъ округъ, или санджакъ, имѣющій своего представителя. Санджакъ, населеніе котораго не доходитъ до 75 тыс., тоже выбираетъ только одного депутата. Изъ этой цифровой растяжимости турки сдѣлали очень выгодный для себя избирательный инструментъ. Тамъ, гдѣ населеніе турецкое или мусульманское, они нарѣзаютъ мелкіе избирательные округа, предоставляя 25 тысячамъ правовѣрныхъ послать своего представителя въ парламентъ. А тамъ, гдѣ много армянъ, грековъ или болгаръ, округа разростаются, и одинъ депутатъ приходится уже на 60—70 тысячъ избирателей.

Бывшій македонскій депутатъ изъ Сереса, болгаринъ Далчевъ, напечаталъ открытое письмо въ „Jeune-Turc“, гдѣ подробно разсказываетъ, какъ администрація искромсала избирательные округа въ его санджакѣ, съ такимъ разсчетомъ, что 1912 турецкихъ избирателей будутъ имѣть столько же голосовъ, сколько ихъ имѣютъ 5,500 христіанъ, изъ которыхъ 5,280 болгаръ. Карта, которую Далчевъ приложилъ къ своему письму, нагляднѣе всего показываетъ, сколько изобрѣтательности и математической сметки проявили турецкія власти, чтобы путемъ перенесенія границъ мелкихъ избирательныхъ волостей (нахій) такъ просто обойти избирательный законъ, который въ принципѣ здѣсь всеобщій, но не прямой. На этомъ и идетъ игра. Количество и составъ выборщиковъ правительство такъ перетасовываетъ, что численное преимущество всегда остается за мусульманами. Болгарскія деревни прирѣзаны къ далекимъ избирательнымъ центрамъ, куда крестьянамъ трудно добираться, а тамъ, гдѣ нельзя было это сдѣлать, болгарскія волости увеличены и въ нихъ включено до 1,000 человѣкъ, которые дадутъ только одного выборщика. Рядомъ нѣ-

сколько турецкихъ деревенекъ, въ 200—300 человѣкъ жителей, тоже составятъ одну нахію и тоже дадутъ въ санджакъ одного выборщика.

Далчевъ обращается въ своемъ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ и напоминаетъ ему, что въ законѣ сказано: „Избирательные округа должны быть такъ раздѣлены, чтобы голоса избирателей не пропадали". Но врядъ ли это обращеніе къ законности принесетъ какіе-нибудь реальные результаты. Изъ Серреса уже шлютъ въ газеты оффиціальную телеграмму, что населеніе санджака предано комитету „Единеніе и Прогрессъ" и выберетъ его кандидата.

Такія же жалобы изъ другой части Македоніи, печатаются въ греческихъ газетахъ. Въ округѣ Кошани, близко отъ греческой границы, гдѣ двѣ трети населенія состоитъ изъ грековъ, избирательныя единицы такъ распредѣлены, что христіане остаются въ меньшинствѣ.

---

23 марта.

Правительственная партія побѣждаетъ на выборахъ. Ревнивые къ власти младотурки успѣли распустить палату, прежде чѣмъ оппозиція, только что сорганизовавшаяся въ партію „Entente liberale", сумѣла по настоящему сплотиться и создать ячейки въ странѣ. Да и самый составъ оппозиціи настолько пестрый, что спѣться, даже при нормальномъ теченіи парламентской жизни, имъ было бы не легко. Выборы застали ихъ врасплохъ и вызвали въ ихъ рядахъ окончательный распадъ, такъ какъ сразу стало ясно, что надежды на успѣхъ мало.

Въ Константинополѣ только статьи въ газетахъ напоминаютъ, что въ странѣ идетъ выборная кампанія, что черезъ три недѣли долженъ собраться новый парламентъ. Въ Стамбульскомъ округѣ военное положеніе, и никакіе митинги на открытомъ воздухѣ и въ мечетяхъ не допускаются. Происходятъ только собранія въ клубахъ, а такъ какъ большинство клубовъ принадлежитъ младотуркамъ, то они и въ этомъ отношеніи оказались хозяевами поло-

женія. Одинъ изъ вождей оппозиціи, профессоръ философіи Риза Тефикъ-бей, попробовалъ произнести рѣчь съ балкона на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, но за противозаконное общеніе съ избирателями поплатился мѣсяцемъ тюрьмы. Сидѣлъ онъ довольно весело, принималъ гостей, писалъ статьи въ газетахъ и вообще отнесся къ своему заключенію, какъ къ одному изъ довольно легкихъ видовъ выборной агитаціи.

Гораздо болѣе тяжкое испытаніе ждало его послѣ выхода изъ тюрьмы. Онъ поѣхалъ агитировать въ Гюмюльджину, маленькій городокъ въ Адріанопольскомъ санджакѣ. Греки, во главѣ со своимъ архимандритомъ, пришли къ нему сговариваться. Въ это время въ гостиницу ворвалось человѣкъ двадцать избирателей соперничающей партіи, которые накинулись на Риза Тефикъ-бея, избили его, вытащили на улицу и приволокли на вокзалъ. Жандармамъ пришлось вмѣшаться и освободить философа изъ рукъ не въ мѣру страстныхъ сторонниковъ младотурокъ.

Въ другихъ мѣстахъ къ физическимъ способамъ воздѣйствія прибѣгала и другая сторона. Такъ, въ Анатоліи, въ Эски-Шехирѣ, либералы провалились на первыхъ выборахъ. Не дожидаясь второго окончательнаго голосованія, они устроили буйную уличную демонстрацію и съ криками „да здравствуетъ шеріатъ!“—бросились на членовъ избирательной комиссіи. Чтобы усилить недовѣріе мусульманъ къ младотуркамъ, члены оппозиціи волновали умы Эски-Шехирскихъ гражданъ, увѣряя ихъ, что пресловутая ст. 35, изъ-за которой распущенъ парламентъ, имѣетъ тайный смыслъ. Цифра 5 значитъ пять дневныхъ намазовъ, которые обязанъ творить каждый правовѣрный. Тридцать—это значитъ тридцать дней поста Рамазана. И вотъ, нечестивые младотурки задумали уничтожить и намазы, и Рамазанъ. Вотъ и вся 35 статья.

Безъ курьезовъ вообще не обходится. Чтобы поднять мусульманскій духъ въ Албаніи, изъ Стамбула послали туда хранящіеся въ старомъ дворцѣ волосы изъ бороды пророка. Повезли эту святыню муллы, преданные младотуркамъ. Но

оппозиція распустила среди албанцевъ слухъ, что это подлогъ, что обманщики привезли не бороду Магомета, а клочекъ изъ бороды военнаго министра Махмудъ-Шефкета. Произошелъ скандалъ, такъ какъ албанцы потребовали провѣрки святыни.

Извѣстно, что останки пророка не боятся огня. Подожгите волосы; если они подлинные, то имъ ничего не сдѣлается.

Муллы-делегаты не отважились на такое испытаніе, поспѣшили вернуться обратно въ Стамбулъ и уложить опять бороду въ Сералѣ, на почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ плащемъ Магомета.

Сами младотурки, въ большинствѣ очень склонные къ вольнодумству на старый французскій манеръ, со смѣхомъ разсказываютъ эту исторію. Но это не мѣшаетъ имъ на каждомъ шагу не только оглядываться на духовенство, но постоянно считаться съ нимъ, громогласно заявлять о своей преданности старымъ обычаямъ. Особенно тщательно это продѣлывается сейчасъ, чтобы во время выборовъ крѣпче держать мусульманскихъ избирателей. Только что изданный указъ Шейхъ-уль-Ислама, напоминающій мусульманкамъ, что онѣ подъ страхомъ уголовной отвѣтственности обязаны закрывать лицо, согласно незыблемымъ требованіямъ шеріата, является однимъ изъ такихъ лицемѣрныхъ выборныхъ пріемовъ.

Врядъ ли можно оправдать необходимостью какъ этотъ пріемъ, такъ и административныя мѣры, вродѣ закрытія газетъ и запрещенія собраній. Побѣда младотурокъ и безъ того обезпечена. Единственное, что могло бы быть для нихъ опаснымъ, это соглашеніе всѣхъ христіанскихъ партій между собой. Вѣдь турки составляютъ только 33% населенія. Если прибавить сюда мусульманъ не турокъ, то вмѣстѣ они составятъ 50%. Причемъ, это будетъ самая некультурная, самая не сорганизованная половина гражданъ.

Но пока общехристіанскаго движенія противъ младотурокъ еще нѣтъ.

Армяне-дашнакцутюны, наиболѣе сплоченная и вліятель-

ная христіанская группа, идутъ съ правительствомъ. Армяне-католики и протестанты съ оппозиціей. Греческая конституціонная партія примкнула къ оппозиціи, но часть грековъ осталась съ младотурками. И самое это дробленіе успокоительно дѣйствуетъ на уніонистовъ, которые довольно снисходительно совѣтуютъ грекамъ во время одуматься и перейти на сторону правительства, такъ какъ отъ оппозиціи имъ нечего получить.

Вообще, тонъ младотурецкой печати по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ сталъ куда спокойнѣе и увѣреннѣе, чѣмъ онъ былъ во время парламентскаго кризиса.

---

7 апрѣля.

Въ Салоникахъ выходитъ болгарская газета „Свѣтлана", органъ Панче Дарева, который только что вторично выбранъ въ Салоникскомъ вилайетѣ депутатомъ. Въ разгаръ избирательной борьбы газета напечатала статью, отлично характеризующую средній уровень политическихъ нравовъ въ странѣ. Авторъ статьи недоволенъ, что со всѣхъ сторонъ приходятъ свѣдѣнія объ избирательномъ террорѣ, „но нигдѣ до сихъ поръ не вспомнили о другомъ террорѣ, который на нашу простую массу оказываетъ несравненно большее вліяніе, чѣмъ какія бы то ни было бастонады, сыплющіяся на спину несчастнаго избирателя. Религіозный терроръ, которымъ пользуются органы экзархата, куда страшнѣе для нашихъ крестьянъ, издавна привыкшихъ къ побоямъ и насиліямъ, откуда бы они ни исходили. Есть ли для простого болгарина что-нибудь страшнѣе риска, что его объявятъ недобрымъ христіаниномъ, измѣнникомъ церкви, если онъ не подчинится приказамъ агитаторовъ митрополита? Кто будетъ голосовать за оппозицію, тотъ „турчинъ", въ его домъ никогда не войдетъ священникъ, онъ недостоинъ святого причастія, и пр. и пр. Вотъ какъ агитируютъ у насъ сельскіе попы".

Тутъ все хорошо: и эпическое отношеніе болгарскихъ друзей комитета къ палочнымъ пріемамъ на выборахъ къ

бастонадамъ (которые, впрочемъ, и въ самой Болгаріи не рѣдкость), и способъ дѣйствія ихъ противниковъ, такъ неразрывно сплетающимъ земное съ небеснымъ. Положимъ, опять-таки, въ католической Европѣ, гдѣ, казалось, уже было время выработаться гражданскимъ навыкамъ, развѣ не происходитъ такое же суевѣрное давленіе на души избирателей?

— Насъ всѣ бранятъ за то, что администрація ведетъ выборы,—сказалъ мнѣ одинъ видный младотурокъ.—Но вѣдь когда я спросилъ во Франціи одного француза, какія обязанности у префекта и су-префекта, онъ мнѣ прямо сказалъ, что они должны руководить избирательной кампаніей.

Вотъ вамъ и примѣръ Европы. Правительственная младотурецкая партія прониклась имъ и противникамъ пришлось круто. Что дѣлается въ провинціи—разобрать трудно. Газетные отклики доходятъ оттуда глухо и скупо. А на словахъ добиться отъ политиковъ правды всегда и всюду не легко. Но въ самомъ Константинополѣ оппозиція въ сущности почти не боролась. Предвыборныя собранія устраивали главнымъ образомъ Иттихатъ и дашнакцаканы. Они же вели послѣднюю агитацію около избирательныхъ камеръ.

Процедура выборовъ крайне стѣснительная для малограмотнаго населенія. Напримѣръ, отъ Пера и Галата каждый избиратель долженъ избрать 92 выборщика. Гдѣ же какому-нибудь хамалу, который съ трудомъ можетъ подписать собственное имя, вписать столько именъ? Правда, выборы длятся четыре дня, такъ что можно сегодня взять бюллетень, а завтра его принести. Но еще проще воспользоваться услугами агитатора, который предлагаетъ заполненный листъ и объясняетъ, почему слѣдуетъ голосовать за комитетъ. Надо отдать должное Иттихату: они, не жалѣя ни силъ, ни времени, съумѣли подойти къ демократической части населенія и склонить ее на свою сторону. Во многихъ избирательныхъ участкахъ хамалы, мусорщики, лодочники въ полномъ составѣ, всѣмъ цехомъ, приходили къ избирательнымъ ящикамъ и какъ одинъ человѣкъ голосовали за правительственныхъ кандидатовъ. Это были настоящія ше-

ствія: съ флагами, съ криками „Ватанъ“, съ тѣмъ самымъ, достаточно нескладнымъ, барабаннымъ боемъ, подъ звуки котораго тюрки когда-то двинулись изъ Азіи и докатились до завѣтныхъ стѣнъ города Св. Константина.

Даже въ такихъ клерикальныхъ и черносотенныхъ кварталахъ, какъ кварталъ мечети Завоевателя, Фатихъ-джами, откуда три года тому назадъ вышло контръ-конституціонное движеніе, даже здѣсь Иттихатъ одержалъ блестящую побѣду—13,000 голосовъ за 1,200 противъ.

При такомъ соотношеніи силъ всѣ насилія и беззаконія, учиненныя на выборахъ, являются проявленіемъ какой-то трусости и политической неразсчетливости. Слабость оппозиціи какъ бы задрапирована беззастѣнчивостью ихъ противниковъ. Партія Итилафа (либеральное соглашеніе) имѣетъ возможность кричать, что это фальсифицированное большинство, что оно не выражаетъ настроенія страны. Довѣріе и расположеніе болѣе развитыхъ слоевъ народа отъ такихъ пріемовъ не усиливается. А національныя группы раздражены, потому что комитетчики, хотя и уступаютъ кое-гдѣ депутатскія мѣста представителямъ другихъ національностей, но сами намѣчаютъ этихъ представителей. Такъ, въ Салоникахъ отъ еврейскаго населенія будетъ выбранъ Карассо, человѣкъ малоспособный и крайне непопулярный среди своихъ единовѣрцевъ. Евреи пробовали выставить своего кандидата, но Иттихатъ на него не согласился. . . . .

У нихъ вообще своя рука владыка. Въ константинопольскомъ округѣ выборы выборщиковъ уже заканчиваются, но избиратели не знаютъ, кому ихъ голоса открываютъ дорогу въ парламентъ, такъ какъ комитетъ до сихъ поръ не опубликовалъ списка депутатовъ, хотя до открытія парламента осталось только нѣсколько дней.

На этотъ разъ представители Иттихата войдутъ въ него въ побѣдоносномъ большинствѣ. Злые языки увѣряютъ, что и это большинство не будетъ очень устойчивымъ, что скоро начнутся тренія въ депутатскихъ рядахъ, такъ какъ правительственная партія внутри себя полна разногласій и вражды, не однородна и не единомышленна. Но возможно, что

угрозы внѣшней политики, военная опасность, общая неурядица, анархія и экономическое убожество большой и нищей страны, откроютъ имъ глаза, заставятъ политическихъ дѣятелей не шутя приняться за законодательную работу. Передъ Турціей нѣтъ выбора. Или реформы, или гибель.

Это какъ будто сознается въ высшихъ административныхъ кругахъ. Совѣтъ министровъ послѣ роспуска спѣшно выработалъ нѣсколько важныхъ законопроектовъ. Прежде всего будетъ поставленъ на обсужденіе палаты новый законъ объ управленіи вилайетами и законъ, регулирующій владѣніе недвижимымъ имуществомъ. Реформа очень важная, такъ какъ землевладѣніе находится въ состояніи полнаго хаоса.

Если парламентъ въ своемъ новомъ составѣ дѣйствительно проведетъ такія насущныя законодательныя преобразованія, тогда можно будетъ сказать, что побѣдителей не судятъ. Но удастся ли имъ это? Война съ Италіей тянется и тянется. Чтобы кончить ее, нужно или вмѣшательство державъ, оскорбляющее національное самолюбіе, или появленіе итальянскаго флота въ Дарданеллахъ и на Золотомъ Рогѣ. Недаромъ военный министръ уже осмотрѣлъ пекарни, чтобы знать, сколько онѣ могутъ выпекать хлѣба, недаромъ казна уже вывезена изъ Стамбула въ какое-то другое болѣе вѣрное мѣсто. Ну, а если придется заключить невыгодный миръ, тогда тѣ же хамалы, мусорщики и лодочники, которые только что отдали свои голоса правительству, могутъ сразу перейти на сторону оппозиціи и учинить ту очередную расправу съ неудачными правителями, которая изъ вѣка въ вѣкъ творилась на улицахъ Константинополя.

---

11 апрѣля.

Красные музыканты въ фескахъ стояли шпалерами въ узкомъ дворѣ парламента, рѣзко выдѣляясь на бѣломъ фонѣ стѣны. Солнце блестѣло на мѣдныхъ трубахъ, на высокихъ, унизанныхъ бубенчиками, литаврахъ. Весело, бодро, молодо летѣли къ голубому небу воинственные

звуки турецкаго гимна. И въ отвѣтъ на нихъ тихо кланялась сѣдая голова стараго султана Махмудъ-Решада V.

Онъ сидѣлъ одинъ въ открытой, запряженной четверкой, коляскѣ, медленно въѣзжавшей въ подъѣздъ парламента. За бока экипажа держались скороходы въ алыхъ съ золотомъ костюмахъ. Позади, непринужденно болтая между собой, небольшой кучкой шли свитскіе генералы и принцы. А дальше, за открытыми воротами, гудѣла и шумѣла улица.

Сѣрымъ амфитеатромъ сбѣгаютъ съ крутаго холма, къ Босфору деревянные, перекосившіеся турецкіе дома. Въ обыденные дни это тихій, сонный кварталъ, которому придаютъ еще болѣе сонный видъ деревянныя рѣшетки, прикрывающія окна. Но сегодня открытіе парламента, сегодня праздникъ, сегодня всѣ рѣшетки подняты. Во всѣхъ окнахъ, на всѣхъ крышахъ, на террасахъ, на уступахъ улицъ, лѣстницами поднимающихся къ городу, виднѣются человѣческія фигуры. Сегодня даже женщины не прячутся.

На одномъ изъ балконовъ расположилась арабская семья, издали бѣлѣющая своими покрывалами. Вдоль высокой стѣны, террасой поднявшейся надъ улицей, сидятъ на корточкахъ турчанки въ шелковыхъ черныхъ, зеленыхъ, темнокрасныхъ мантильяхъ и, откинувъ съ лица ревнивую вуаль, любуются на солдатъ. Солдатъ много, пѣшихъ и конныхъ, сѣрыхъ армейцевъ и нарядныхъ, одѣтыхъ въ бѣлое съ краснымъ, гвардейцевъ. Офицеры гарцуютъ на своихъ небольшихъ, красивыхъ, арабскихъ лошадкахъ. Солдаты стоятъ неподвижно, молодецъ къ молодцу, и по ихъ загорѣлымъ, сосредоточеннымъ лицамъ видно, что они изо всѣхъ силъ стараются въ такой торжественный моментъ исполнить все, чему ихъ научили.

Впрочемъ, слово торжественность не совсѣмъ подходитъ. Вѣрнѣе сказать праздничность, потому что вся церемонія—и на улицѣ, и въ парламентѣ, носила отпечатокъ чего-то простого, непритязательнаго, но радостнаго. Когда старый султанъ показался въ парламентѣ въ своей ложѣ,

расположенной сбоку надъ предсѣдательскимъ мѣстомъ, зала уже была наполнена депутатами въ черныхъ сюртукахъ и министрами въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ. Золотомъ блеститъ вся толпа: и чиновники и священники. Тонкій бѣлый халатъ шейхъ-уль-ислама весь расшитъ искусными золотыми узорами. Широкая парчевая лента спадаетъ съ его бѣлой чалмы на спину. Мусульманскій первосвященникъ занимаетъ мѣсто рядомъ съ свѣтскимъ руководителемъ халифата, съ великимъ визиремъ Саидъ-пашой, который послѣ болѣзни какъ будто сталъ еще больше похожъ на Карлу-Черномора. Остальные члены кабинета расположились кругомъ нихъ на переднихъ депутатскихъ скамьяхъ. Чиновники толпятся въ боковыхъ проходахъ. Предсѣдательская трибуна, такъ какъ президіума еще нѣтъ, пуста.

Пусты и заднія депутатскія скамьи. Только 99 членовъ налицо. Остальные еще не выбраны, или не успѣли пріѣхать. Но по конституціи надо, чтобы палата собралась ровно черезъ три мѣсяца послѣ роспуска, и эту букву конституціоннаго закона правительство точно выполнило.

Падишахъ, съ благодушіемъ усталаго, но добраго старика, смотритъ внизъ на народныхъ представителей, съ которыми ему приходится дѣлить свою власть, и видъ у него такой, точно онъ радъ, что эти милые люди снимаютъ съ него часть тяжкой царственной ноши.

Первый секретарь падишаха, извѣстный турецкій романистъ Халидъ-Зія съ низкимъ придворнымъ поклономъ принимаетъ изъ рукъ повелителя атласный красный мѣшочекъ. Черезъ минуту секретарь уже внизу опять-таки съ поклономъ, но уже чуть-чуть менѣе низкимъ, передаетъ мѣшочекъ великому визирю. Саидъ-паша подноситъ шелкъ къ губамъ, потомъ ко лбу и, тяжело ступая дряхлыми ногами, ползетъ къ трибунѣ. Тамъ онъ вынимаетъ изъ алыхъ складокъ шелка тронную рѣчь, еще разъ прикладывается къ ней губами и начинаетъ не спѣша читать.

Не только онъ самъ, вмѣстѣ съ совѣтомъ министровъ выработавшій текстъ тронной рѣчи, но и всѣ присутствующіе уже знаютъ ея содержаніе, такъ какъ пристава заранѣе

роздали отпечатанные экземпляры и депутатамъ, и министрамъ, и журналистамъ, и дипломатамъ. Въ ней нѣтъ, какъ ожидали многіе, программы парламентской работы для новой палаты. Только смутно сказано, что „необходимо закончить пересмотръ конституціонныхъ законовъ“. Зато совершенно категорически заявлено: „Миръ желателенъ и для насъ; но войнѣ можетъ быть положенъ мирный конецъ только при условіи сохраненія за нами суверенныхъ правъ полностью и во всей неприкосновенности“.

Читая эти слова, Саидъ-паша слегка повышаетъ свой тихій, но внятный голосъ. Его прерываютъ взрывомъ апплодисментовъ. Глубоко запавшіе, умные, старческіе глаза зорко смотрятъ на тѣхъ, кто рукоплещетъ, точно взвѣшивая цѣну ихъ патріотическихъ чувствъ.

Какое у него выразительное и въ то же время непроницаемое лицо, у этого мудраго стамбульскаго политика, сумѣвшаго такъ хорошо поладить съ Иттихатомъ. Когда послѣ тронной рѣчи шейхъ-уль-исламъ гнусаво и нараспѣвъ, читаетъ положенную молитву, великій визирь не только обращается, но какъ-то весь устремляется въ сторону султана. Въ его поднятыхъ кверху глазахъ, въ жестѣ рукъ, съ молитвенно вытянутыми впередъ ладонями, выражается безконечная преданность конституціонному султану Махмудъ-Решаду V. Но вѣдь сколько лѣтъ подрядъ эти самые острые, умные глаза такъ же преданно смотрѣли на неограниченнаго султана Абдулъ-Гамида, у котораго Саидъ-паша дважды былъ великимъ визиремъ. Врядъ ли это смиренное преклоненіе передъ носителемъ высшей власти слѣдуетъ объяснять только банальнымъ лицемѣріемъ куртизана. Въ этомъ типичномъ оттоманскомъ сановникѣ есть подлинный культъ государственности, привычная связанность съ самой идеей власти, каковы бы ни были принятыя ею формы.

Молитвы прочитаны. Султанъ, стоявшіе рядомъ съ нимъ принцы, свита, муллы, въ прекрасныхъ шелковыхъ зеленыхъ и бѣлыхъ и шоколадныхъ кафтанахъ, расшитыхъ

золотомъ, наполнявшіе ложу у другой стѣны министры и депутаты, стоявшіе внизу, всѣ одновременно подняли руки, которыя до сихъ поръ держали вытянутыми, и погладили себѣ лицо ладонями тѣмъ традиціонно-мусульманскимъ, клятвеннымъ жестомъ, о которомъ говоритъ Толстой въ „Хаджи-Муратѣ“.

Церемонія открытія палаты закончилась. Султанъ, все время стоявшій у края ложи, повернулся, чтобы уйти, потомъ вспомнилъ, что не простился съ народными представителями, вернулся и съ добродушной, точно оправдывающейся улыбкой раскланялся. Видъ у старика былъ спокойный и удовлетворенный. Зналъ ли онъ въ эту минуту то, что уже было извѣстно въ дипломатической ложѣ,—что итальянцы, наконецъ, осуществили угрозу и бомбардируютъ Дарданеллы? Говорятъ, что нѣтъ, говорятъ, что военный министръ только полчаса спустя, въ мечети Топъ-Ханэ, куда султанъ поѣхалъ изъ парламента, доложилъ своему государю объ этомъ новомъ вражескомъ ударѣ.

Вѣрно не хотѣли портить падишаху народный праздникъ.

Но и для министровъ, уже знавшихъ о бомбардировкѣ, праздникъ, повидимому, не былъ испорченъ. Всѣ они, кромѣ хмураго Ассимъ-бея, министра иностранныхъ дѣлъ, выглядѣли именинниками. Внутреннюю побѣду они одержали. Болѣе трехъ четвертей палаты состоитъ изъ ихъ сторонниковъ. Никакихъ безпорядковъ, никакого серьезнаго сопротивленія ихъ выборному походу страна не оказала. Праздничныя процессіи, съ верблюдами, везущими избирательныя урны, со знаменами и дѣтскими хорами, которыя устраивалъ Иттихатъ по всему Константинополю, увлекали за собою довольную, веселую толпу. Византійская привычка къ процессіямъ и сейчасъ сильна на этихъ древнихъ улицахъ.

Но есть ли въ правителяхъ древняя византійская увертливость передъ врагомъ? Онъ уже у воротъ, такъ какъ Дарданеллы—ворота Стамбула, и если итальянцы прорвутся сквозь нихъ, имъ ничего не стоитъ поставить

эскадру противъ столицы или передъ султанскимъ дворцомъ Долма-Багче. Бомбардировать городъ, конечно, не къ чему. Это вѣдь не крѣпость. Да и слишкомъ въ немъ много европейскаго добра, больше чѣмъ турецкаго. Само по себѣ появленіе судовъ на Марморѣ и въ Босфорѣ было бы уже достаточно сильнымъ жестомъ. Но можно ли прорваться сквозь Дарданеллы, между плавающими минами, разбросать которыя помогли нѣмецкіе инструкторы, мимо хорошихъ береговыхъ укрѣпленій? Турки вѣрятъ въ свой Чепакъ-калэ, какъ зовутъ они древній Геллеспонтъ. Газеты острятъ, что итальянцы захотѣли прибавить свое привѣтствіе къ пушечнымъ салютамъ при открытіи парламента. Въ городѣ спокойно. Въ кофейняхъ, гдѣ за чашкой кофе и кальяномъ турки любятъ вести безконечныя спокойныя политическія бесѣды, выражается увѣренность, что на этотъ разъ Иттихатъ покажетъ, какъ онъ умѣетъ расправляться съ врагами.

А итальянцы уже заняли для своего флота военную базу на Лемносѣ, въ 50 верстахъ отъ входа въ Дарданеллы.

---

20 апрѣля.

Триполи, Дарданеллы, итальянскія угрозы, европейское вмѣшательство, неугомонный Критъ, македонская внутренняя организація, партійныя и національныя распри,—все это, вѣроятно, придаетъ издали Турціи видъ какого-то котла кипящаго. Читая европейскія газеты, легко можно подумать, будто вся страна повергнута въ тревогу и смятеніе. Но дѣйствительность гораздо жизнерадостнѣе и красочнѣе абстрактныхъ газетныхъ выжимокъ, и до сихъ поръ война только ускоряетъ обычное, черезчуръ ужъ медленное, теченіе турецкой жизни.

Вчера весь день былъ праздникъ въ Константинополѣ. Столица торжественно справляла четвертую годовщину царствованія султана Решада. Старый, тихій, добродушный, онъ, несомнѣнно, пользуется популярностью, главнымъ образомъ,

потому, что онъ султанъ волею народной. Къ тому времени, когда революція освободила его отъ дворцоваго заключенія, въ которомъ Абдулъ-Гамидъ продержалъ своего брата чуть не 30 лѣтъ, принцъ Решадъ такъ отвыкъ отъ людей, что почти разучился говорить. Но младотурки, сдѣлавшіе его падишахомъ, считаютъ свой выборъ удачнымъ, потому что ихъ избранникъ честно уважаетъ законы, искренно любитъ свою родину и сознательно мирится съ ролью конституціоннаго монарха, который царствуетъ, но не управляетъ. Оттого-то, когда въ открытой коляскѣ, безъ охраны, съ небольшой свитой, медленно проѣзжаетъ султанъ по городу, прохожіе съ искренней привѣтливостью кричатъ ему:

— Падишахимъ чокъ яша!—Да здравствуетъ мой султанъ!

Вчера эти крики все утро висѣли въ воздухѣ. Около памятника свободы, за предмѣстьями Пера, былъ большой парадъ. Въ присутствіи дипломатовъ, журналистовъ и именитыхъ турецкихъ гражданъ, а главное, въ присутствіи громадной толпы гражданъ и гражданокъ, султанъ дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ. Около 40,000 пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи прошли мимо алой палатки, откуда окруженный придворными въ золотыхъ мундирахъ, старый, сѣдобородый падишахъ отечески улыбался своей реформированной, щеголеватой арміи. Вѣдь не сегодня-завтра придется отправить этихъ загорѣлыхъ молодцовъ подъ итальянскія пули... Но эта мысль, быть можетъ, и мелькавшая въ душѣ у многихъ, не мѣшала зрителямъ любоваться военнымъ спектаклемъ. Всякая толпа любитъ зрѣлища, а здѣсь вѣдь югъ, здѣсь, быть можетъ, сохранилась въ народѣ безсознательная память о византійскихъ нравахъ, когда властители, управляя толпой, смягчали жесткость деспотизма яркостью ловко обставленныхъ зрѣлищъ.

Какъ радовалась вчерашняя, расходившаяся съ парада, толпа, когда надъ ней раздался четкій стукъ мотора. Первый разъ дерзкія крылья аэроплана парятъ надъ древнимъ городомъ. Капитанъ турецкой арміи, Кенаанъ-бей, отлично научился во Франціи летать. Его Блеріо кружится надъ городомъ, надъ моремъ, надъ полемъ, подымается на 1000 ме-

тровъ, плавно и увѣренно опускается и снова, и снова рѣжетъ голубой воздухъ. Странно видѣть среди острыхъ восточныхъ минаретовъ легкое очертаніе стальной птицы, этой вѣстницы послѣднихъ изобрѣтеній западной науки. И правительство хорошо разсчитало, прибавивъ къ военной праздничности этого дня первый воздухоплавательный опытъ нарождающейся турецкой авіатики.

А вечеромъ была иллюминація. По всему амфитеатру, гдѣ разбросанъ Стамбулъ, горѣли нитки огней. На балкончикахъ минаретовъ блѣдно мерцали, точно вися въ воздухѣ, старыя лампадки. Въ темнотѣ между домами вспыхивали бенгальскіе огни, летали ракеты. По Золотому Рогу и Босфору горѣли огни судовъ. Только коммерческій флотъ, вынужденно отстаивающійся въ прелестномъ рейдѣ, угрюмо темнѣлъ. На немъ не было огней. Ему нечего праздновать.

ГЛАВА III.

Проливы и Россія.

9 марта.

Чего хочетъ Россія? Вотъ вопросъ, который держитъ въ состояніи нервной напряженности турецкихъ политиковъ. Всѣ реальныя потери, порожденныя триполитанской войной, не вызывали и не вызываютъ такой тревоги, какъ тѣ, пока еще неопредѣленныя угрожающія возможности, которыя надвигаются на Оттоманскую имперію съ сѣвера. Еще никто не знаетъ въ чемъ дѣло, еще не произошло никакихъ конкретныхъ перемѣнъ, кромѣ отозванія туркофильскаго посла [1]). Самъ по себѣ фактъ не такой уже зна-

[1]) Мотивы отозванія нашего посла Н. В. Чарыкова были, да и остались совершенно неясны для непосвященныхъ. Вѣроятно когда-нибудь мы прочтемъ въ историческомъ журналѣ какъ и почему это вышло. Но тогда положеніе было такое: Н. В. Чарыковъ былъ посломъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Много прилагалъ усилій, чтобы завязать дружескія отношенія съ лидерами комитета. Отзывался о нихъ очень благосклонно. Въ кровавые дни контръ-революціи, когда младотуркамъ приходилось скрываться, нѣкоторые изъ нихъ нашли убѣжище въ нашемъ посольствѣ, что не помѣшало имъ потомъ избѣгать того же посольства. Правда, осенью 1911 г. несомнѣнно подъ вліяніемъ переговоровъ съ нашими дипломатами, Гуссейнъ-Джахидъ напечаталъ въ „Танинѣ" статью о проливахъ. Въ ней онъ очень осторожно, съ оговорками, предлагалъ открыть русскимъ военнымъ судамъ проходъ черезъ проливы. Конечно, укрѣпленія не только не должны быть срыты, но даже усилены. „Чѣмъ лучше будутъ укрѣплены проливы, чѣмъ труднѣе черезъ нихъ проникнуть, тѣмъ лучше защитятъ они и насъ и Россію, врагамъ которой придется прорваться черезъ проливы, чтобы попасть въ Чер-

чительный, тѣмъ болѣе, что часть европейской прессы приписываетъ отставку Н. В. Чарыкова личнымъ его разногласіямъ съ министерствомъ. Но совпаденіе этой перемѣны со всѣми слухами и шопотами, раздающимися по Европѣ, не можетъ не волновать турокъ. Вѣдь въ дипломатіи шопоты всегда предшествуютъ событіямъ, а Турція по многолѣтнему опыту знаетъ, что исторія давно уже повернулась къ ней спиной и всѣ событія разыгрываются въ ущербъ великому царству халифовъ.

Чего же имъ ждать теперь? Великія державы любезно

ное море". Такимъ образомъ, Гуссейнъ Джахидъ какъ бы намѣчалъ возможность союза, очертанія общихъ интересовъ. Но эта робкая попытка кончилась ничѣмъ. „Jeune Turc", открылъ яростный походъ. „Какой-то шутникъ вздумалъ проповѣдывать Гуссейнъ-Джахиду союзъ съ Россіей". „Пропаганда идей союза съ Россіей вредна, такъ какъ она уничтожаетъ въ народѣ чувство патріотизма". Всѣ эти выпады теперь становятся еще понятнѣе. Вліятельнымъ сотрудникомъ „Jeune Turc" былъ Парвусъ, тотъ самый Парвусъ, котораго Амфитеатровъ и Алексинскій уличили въ томъ, что онъ былъ агентомъ австрійскаго правительства. Въ русскихъ эмигрантскихъ кругахъ въ Константинополѣ, онъ выдавалъ себя за активнаго революціонера.

Несомнѣнно, что уже тогда, въ годъ Триполитанской войны, Германія и Австрія вели въ Оттоманской имперіи скрытую, но очень умѣлую игру. Но дипломатія союзниковъ не сумѣла не только бороться съ ней, но даже разгадать ее. Представителемъ Великобританіи былъ сэръ Дж. Лаутеръ, человѣкъ высокомѣрный, старый и неумный. Н. В. Чарыковъ въ бесѣдѣ со мной заявилъ:

— Младотурки ищутъ союзниковъ. Вѣра во всемогущество Германіи поколеблена въ Мароко. Вѣра въ ея вседоброту поколеблена въ Триполисѣ.

Онъ намекалъ на коварные совѣты, данные нѣмцами туркамъ передъ тѣмъ какъ итальянцы напали на Триполисъ. Я ему напомнила, что въ Константинополѣ очень умный и энергичный посолъ Маршалъ Биберштейнъ. Н. В. Чарыковъ снисходительно сказалъ: „Да. Но положеніе его очень, очень трудное. И онъ изъ него еще не вышелъ".

Въ это время германскіе инструкторы строили на Босфорѣ укрѣпленія противъ Россіи.

На мѣсто Н. В. Чарыкова присланъ былъ г. Гирсъ. Эта смѣна лица не сдѣлала нашу ближневосточную политику ни болѣе энергичной, ни болѣе прозорливой. Должно быть дѣло не въ послахъ, а въ отсутствіи правильной политической оріентаціи въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

взяли на себя переговоры о мирѣ, отъ котораго Турція отбивается руками и ногами, такъ какъ ей война почти ничего не стоитъ, ни деньгами, ни людьми. Органъ младотурокъ, „Танинъ“, считаетъ, что миръ возможенъ только при трехъ условіяхъ: 1) Итальянцы уходятъ изъ Триполиса, такъ какъ до сихъ поръ они его, въ сущности, не завоевали. 2) Итальянцы больше не будутъ пользоваться правомъ капитуляціи, которымъ пользуются остальные европейцы въ Турціи и 3) Италія выплачиваетъ контрибуцію, хотя бы и небольшую, такъ какъ всякій знаетъ, что война ихъ разорила.

Со стороны эти условія кажутся почти шуткой, но на самомъ дѣлѣ, если бы не посредничество, или проще сказать, если бы не давленіе державъ, турки могли бы еще на долго затянуть войну. Ну, а теперь врядъ ли имъ это удастся. Война надоѣла европейскимъ купцамъ и биржевикамъ, которые дѣлаютъ отличныя дѣла и на Босфорѣ, и въ Левантѣ, и въ Анатоліи. Благодаря этимъ подлиннымъ владыкамъ міра, итальянцы до сихъ поръ не смѣютъ броситься на Смирну, въ Салоники, пробиться сквозь Дарданелы къ Царьграду. Но самая возможность такихъ нападеній уже колеблетъ налаженное теченіе промышленности и торговли и создаетъ невыгодныя для денегъ условія. Значитъ, хочетъ этого Турція или нѣтъ, но карѳагенскую авантюру надо прекратить.

Наиболѣе оптимистически настроенная турецкая печать предполагаетъ, что извѣстія о посылкѣ войскъ на Кавказъ, есть только способъ запугиванія, жестъ, при помощи котораго легче будетъ вырвать у Высокой Порты согласіе на миръ. Но другія газеты гораздо болѣе пессимистически смотрятъ на дѣло. По словамъ „Jeune Turc“, одинъ изъ министровъ сказалъ имъ:

— Ради пустого bluff'а не станутъ стягивать на Кавказѣ 100,000 войскъ. Это слишкомъ дорогая игра.

Но мало того, что двинуты войска. Упорно говорятъ еще о соглашеніи Россіи съ одной стороны съ Италіей, а съ другой—съ Австріей и Болгаріей. Это все ближайшіе

самые наступательные враги Оттоманской имперіи. Но Россія врагъ еще болѣе исконный, историческій. Вѣдь это Россія въ своемъ непрерывномъ движеніи на югъ оторвала отъ Турціи всѣ ея сѣверныя провинціи. Россія возродила балканскія славянскія государства, въ Россіи, наконецъ, столько разъ говорилось о крестовомъ походѣ на древній Царьградъ, который пора вырвать изъ рукъ басурманъ.

Это уже не далекій, давно заброшенный турками Триполисъ, это самое сердце халифата, самъ Стамбулъ, ставшій за пять вѣковъ султанскаго владычества средоточіемъ мусульманскаго духа. Мудрено ли, что тѣ начатки дружелюбія, которые такъ усердно насаждалъ Н. В. Чарыковъ, сразу завяли. Вся печать, безъ различія направленій, съ одинаковой враждебной недовѣрчивостью ловитъ каждое движеніе, каждый отголосокъ, доносящійся изъ Россіи. Было время, когда Русская и Оттоманская имперіи сражались другъ противъ друга, какъ равные. Но соотношеніе силъ уже давно измѣнилось. Россія выросла въ громадную державу, гдѣ 165 милліоновъ подданныхъ даютъ казнѣ 3-хъ-милліардный бюджетъ. А Турція одряхлѣла, съежилась, въ ней 35 милліоновъ жителей, а бюджетъ едва достигаетъ 300 милліоновъ. И даже турецкіе политики, съ ихъ патріотической чванливостью, съ ихъ привычкой къ самообману, не могутъ не понять, съ какимъ противникомъ имъ придется имѣть дѣло, если Россія не шутя захочетъ занять враждебную, а тѣмъ болѣе наступательную позицію.

Отсюда и та политическая тревога, которой полно оттоманское общественное мнѣніе. Конечно, сейчасъ они опасаются не за Стамбулъ, а за азіатскія провинціи, прилегающія къ Кавказу и расположенныя вдоль Чернаго моря. Прибить славянскій щитъ на вратахъ Царьграда, это не такъ то просто. Слишкомъ много стяжаній, захватовъ, аппетитовъ и интересовъ скрещивается на этомъ очаровательномъ, измѣнчивомъ древнемъ Босфорѣ. Климатъ, красота природы, естественныя богатства, удобство сообщеній со всѣми частями стараго свѣта, наконецъ, традиція давнихъ переживаній, цѣлой смѣны народовъ и царствъ, какая-то

крѣпкая, изъ вѣка въ вѣкъ идущая культура,—все это дѣлаетъ берега Золотого Рога и Мраморнаго моря исключительно цѣнными и манящими. Власть турокъ надъ этими мѣстами все слабѣетъ, но кто властители, идущіе имъ на смѣну? Даже если, какъ говорятъ многіе, Австрія намѣрена пробиться въ этомъ году до Салоникъ, а Болгарія получитъ, наконецъ, выходъ къ морю около Кавалы, какъ предполагалось сдѣлать по первому проекту Санъ-Стефанскаго мира, даже и тогда завѣтный городъ, древняя Византія, можетъ еще надолго остаться подъ знакомъ полумѣсяца. Вѣдь и турки цѣлое столѣтіе обкладывали ее медленно, съ сѣвера и съ юга, стягивая ее обручемъ войскъ.

— Нѣтъ, это пора кончить,—рѣшительно сказалъ мнѣ одинъ французъ, ученый и вдумчивый наблюдатель, который уже давно живетъ въ Турціи и по своимъ служебнымъ обязанностямъ постоянно поддерживаетъ отношенія съ турками,—Византія опять должна стать христіанской.

— То-есть, какъ? Отдать ее одной изъ европейскихъ державъ?

— Нѣтъ. Такъ нельзя. Слишкомъ каждая изъ нихъ заинтересована. Пусть греки опять станутъ хозяевами.

— Да развѣ здѣшніе греки лучше турокъ?

Мой собесѣдникъ на минуту задумался, потомъ признался:

— Немногимъ лучше. Но имъ надо дать независимаго христіанскаго государя. Надо создать новое государство и призвать опять какого-нибудь нѣмецкаго князя [1]). Пусть управляетъ. А съ турками мы никогда никакого порядка не дождемся.

Это одинъ изъ фантастическихъ проектовъ, которые кружатся надъ больной Турціей.

---

[1]) Очень любопытно теперь вспомнить этотъ планъ, посадить въ Стамбулѣ нѣмецкаго принца. Онъ былъ высказанъ мнѣ *французскимъ* офицеромъ, однимъ изъ организаторовъ турецкой жандармеріи. Человѣкъ образованный, долго жившій и въ Салоникахъ, и въ Македоніи, и въ Стамбулѣ, онъ все-таки не разгадалъ надвигавшуюся германскую опасность.

Все рѣже встрѣчаются люди, которые вѣрятъ въ ея выздоровленіе, все тѣснѣе кольцо европейскихъ вожделѣній, замкнувшее ее такъ же плотно, какъ когда-то войска правовѣрныхъ замыкались вокругъ Царьграда. Кто второй послѣ Италіи подастъ знакъ къ нападенію, Россія или другая страна?—вотъ мысль, которая у всѣхъ здѣсь на умѣ. Передъ лицомъ этой основной, смертельной опасности, не важными и мелкими становятся всѣ внутреннія, выборныя, партійныя дѣла. Хотя сами турки по-прежнему ссорятся, клевещутъ, препираются, политиканствуютъ, устраняютъ противниковъ при помощи администраціи. Точно и нѣтъ надъ ними нависшей угрозы.

Но вѣдь и въ Польшѣ, вплоть до самаго раздѣла, кипѣли и боролись маленькія, мѣстныя политическія страсти и тамъ всю энергію, всю силу сопротивленія направляли на внутреннія междоусобицы, забывая, что врагъ стоитъ у воротъ. Можетъ быть, это и есть главный признакъ полнаго государственнаго распада, неспособности даннаго народа къ самостоятельной государственной жизни? И тогда новый хозяинъ въ странѣ неизбѣженъ.

---

25 марта.

— Я не понимаю, почему итальянцы до сихъ поръ не перенесли войны въ Эгейское море и къ Дарданелламъ? Это единственный способъ ускорить миръ, который имъ необходимъ,—сказалъ мнѣ редакторъ „Танина“, Гуссейнъ-Джахидъ-бей.

И тутъ же, съ неожиданно прорвавшейся тревогой, которую турки такъ умѣло скрываютъ подъ видимой невозмутимостью, прибавилъ:

— А какъ вы думаете, неужели всѣ державы станутъ на сторону Италіи? Или, какъ всегда, расколются? Вѣдь, если онѣ дадутъ намъ только свободу дѣйствій, мы сумѣемъ оказать итальянцамъ сопротивленіе.

На этотъ разъ, дѣйствительно, вся Турція готовится къ сопротивленію. Даже греки, которыхъ всегда и довольно

справедливо обвиняютъ въ сепаратизмѣ, вытекающемъ изъ неискоренимаго чувства, что на этой землѣ исконные хозяева они, а не турки, даже греки увѣряли меня, что они не отдадутъ итальянцамъ островов, сумѣютъ показать, что греки не разучились защищать свою родину.

Итальянцы, уже истощенные затянувшейся войной на африканскомъ побережьи, находятся сейчасъ въ гораздо менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Турція. Здѣсь свѣжее войско, которое будетъ защищаться, будетъ отстаивать родную территорію отъ вражескаго вторженія. За четыре года конституціоннаго режима нѣмецкіе инструкторы помогли турецкому правительству создать сильную, отлично дисциплинированную армію. Старое вооруженіе замѣнено новымъ, орудія и маузеры пріобрѣтены на нѣмецкихъ заводахъ.. Вообще Германія передала сюда свою милитарную науку и даже штабные офицеры командировались для обученія въ Берлинъ, а военная молодежь старается во всемъ подражать пруссакамъ. По внѣшнему виду пѣхота и артиллерія выглядятъ стройно и не шуточно. Солдатъ часто можно видѣть маневрирующими то на площади Таксима, гдѣ два года тому назадъ произошло кровопролитное сраженіе между реакціонными и конституціонными войсками, то въ глубинѣ Золотого Рога, около большихъ старыхъ казармъ, то на пустынныхъ поляхъ, которыя начинаются сейчасъ же за городомъ.

Константинополь вообще военный городъ. Здѣсь со всѣхъ сторонъ казармы, и въ Стамбулѣ, и въ Пера, и Галата и въ Скутари, и по Босфору, и даже на островахъ, гдѣ помѣщаются морскія казармы. Солдаты въ сѣрыхъ, цвѣта хакки, удобныхъ курткахъ, и въ такого же цвѣта сѣрыхъ фескахъ, постоянно попадаются на улицѣ. Въ пятницу солдаты-мусульмане толпами бродятъ около мечетей. А въ воскресенье мимо насъ, къ греческой церкви, попарно маршируютъ греки, главнымъ образомъ, матросы, составъ которыхъ пополняется преимущественно изъ островитянъ. Новая армія перестала быть чисто-мусульманской, она принимаетъ въ свои ряды всѣ національности. Въ этомъ году

былъ первый смѣшанный выпускъ офицеровъ, гдѣ рядомъ съ турками, албанцами, арабами, курдами и другими мусульманами, были христіане, греки, армяне, болгаре.

Отоманскія войска имѣли возможность изучать военное дѣло и на практикѣ. Плевненская бригада, которую на-дняхъ на парадномъ смотру турки показывали иностраннымъ военнымъ агентамъ, демонстрируя передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ успѣхи своей арміи, уже понюхала пороху въ албанскихъ усмиреніяхъ. Это вѣдь не карательная экспедиція противъ безоружнаго населенія, а подлинная междуусобная война, гдѣ повстанцы сильны не только знаніемъ родныхъ горъ, но и рѣдкимъ умѣніемъ владѣть оружіемъ.

Турецкая печать съ удовольствіемъ приводитъ отвѣтъ одного солдата, котораго во время парада спросили:

— Сколько вражескихъ солдатъ нужно, чтобы заставить отступить османскаго солдата?

— Отоманскій солдатъ не можетъ отступить даже передъ цѣлой арміей,—бойко отвѣтилъ рядовой.

Мнѣ вспоминается разсказъ солдата-лодочника воевавшаго въ Аравіи. Тамъ было испытаніе не на храбрость, а на выносливость. Полтора года бродили войска по пустынѣ безъ хлѣба и воды. И непріятеля не было видно. Только изрѣдка вдали мелькнетъ одинокій верблюдъ, раздастся мѣткій выстрѣлъ, и опять никого нѣтъ. Лодочникъ разсказывалъ объ этомъ очень образно, съ чисто-турецкимъ краснорѣчіемъ, но безъ всякой горечи, съ фаталистической невозмутимостью человѣка, готоваго тащить всякое бремя, которое судьба взвалитъ ему на плечи. Итальянцамъ, если они вторгнутся въ коренную Турцію, придется очень и очень считаться съ этимъ основнымъ историческимъ свойствомъ отоманской арміи.

А пока турки спѣшно готовятся къ бою. Идетъ экстренное торопливое и, говорятъ, очень успѣшное обученіе новобранцевъ нынѣшняго призыва. Вчера на Золотомъ Рогѣ, близко отъ стараго серайля, стоялъ пароходъ, полный солдатами. Ихъ отправляли въ Дарданеллы, а можетъ быть и

дальше на острова. Несмотря на острое, настойчивое любопытство иностранцевъ, а въ особенности иностранныхъ корреспондентовъ, турки умѣютъ прятать свои военныя приготовленія. Телеграфная цензура послѣдовательно вычеркиваетъ изъ корреспондентскихъ телеграммъ все, что касается отправки или размѣщенія войскъ, вообще военныхъ дѣлъ.

---

5 апрѣля.

Золотой Рогъ, гдѣ раньше кипѣла портовая жизнь, затихъ. Бѣгаютъ небольшіе пароходы, обслуживающіе Босфоръ и Принцевы острова, снуютъ пассажирскія лодки, но нѣтъ громоздкихъ магонъ, длинныхъ грузовыхъ барокъ, на которыхъ доставлялись къ берегу товары съ коммерческихъ судовъ. Нѣтъ тяжелыхъ, важныхъ пароходовъ дальняго плаванья. Только нарядный, бѣлый румынскій пароходъ, приготовлявшійся какъ разъ въ день бомбардировки идти въ Эгейское море, все еще стоитъ около Галатской набережной. Рядомъ съ нимъ еще два парохода поменьше. Идти имъ некуда. Дарданеллы закрыты. Людской и товарный потокъ, ритмически стремившійся изъ Средиземнаго моря въ Константинопольскій рейдъ, остановленъ. И хамалы, эти выносливые вьючные люди, черезъ спины которыхъ проходитъ все торговое богатство востока, сидятъ живописными, но унылыми группами на опустѣвшей набережной. Бомбардировка пролива сразу превратила ихъ въ безработныхъ. Они все-таки не уходятъ съ берега, терпѣливо ждутъ чего-то. Живое воплощеніе трудящихся народныхъ массъ, которыя всегда и во всякой странѣ должны расплачиваться за военныя авантюры плохихъ правителей.

Но въ общемъ пока экономическая жизнь Турціи не такъ ужъ сильно платится за войну. За эту зиму цѣны на припасы почти не поднялись. Теперь боятся повышенія, такъ какъ подвозъ остановленъ, но если русскіе коммерсанты обнаружатъ должную гибкость и направятъ сюда муку, сахаръ, мануфактуру, то это можетъ обезпечить потребности

турецкаго населенія, и за русской промышленностью утвердить здѣшній рынокъ. Это тѣмъ легче сдѣлать, что наши товары несомнѣнно лучше того, что шлютъ сюда австрійцы и нѣмцы.

Турція живетъ ввозомъ, и Константинополь—главный портъ для всей страны, черезъ который проходитъ около трети всего ввозимаго товара. Само собой разумѣется, что перерывъ, временная пріостановка портовой жизни не можетъ не отозваться и на Турціи, тѣмъ болѣе, что сто съ лишнимъ милліоновъ піастровъ, которые собираетъ константинопольская таможня, являются крупнымъ вкладомъ въ государственный бюджетъ. Но главный ударъ блокада наноситъ, конечно, не Турціи съ ея жалкой и бѣдной экономической жизнью, а равновѣсію европейской торговли. Если итальянцы ищутъ способа сдѣлать войну настолько неудобной для международной коммерціи, чтобы вынудить вмѣшательство державъ, то Дарданеллы самый удобный пунктъ нападенія. По подсчету турецкихъ журналистовъ, артиллерійскіе снаряды, выпущенные 5 апрѣля итальянцами, обошлись нападающимъ въ 800 тысячъ франковъ. Они не причинили урона фортамъ, только разрушили одну, не имѣющую значенія казарму. Но все-таки этотъ расходъ можетъ и оправдаться, если онъ напугаетъ европейскихъ купцовъ, которые окажутъ давленіе на дипломатовъ.

Сами турки не проявляютъ ни испуга, ни растерянности, и съ фаталистическимъ высокомѣріемъ слѣдятъ за дѣйствіями непріятеля. Оффиціально считается, что Дарданеллы очень хорошо укрѣплены. Но при неофиціальныхъ разговорахъ турецкіе политики сами смѣются надъ дарданельскими фортами и, повидимому, не считаютъ ихъ особенно крѣпкимъ оплотомъ. Возможность, что итальянцы прорвутся сквозь проливъ и приведутъ свою эскадру въ мирный и незащищенный стамбульскій рейдъ, не отрицается турецкими патріотами. Бомбардировка Константинополя ихъ какъ будто тоже мало пугаетъ.

— Что они намъ сдѣлаютъ? Подожгутъ своими выстрѣлами наши дома? Да мы и такъ каждый годъ выгораемъ.

Разрушать Ай-Софію? Тѣмъ стыднѣе для націи, которая считается художественной.

— Ну, а если десантъ спустятъ?

— И отлично,—сразу оживился мой собесѣдникъ,—мы только этого и хотимъ. Флота у насъ почти нѣтъ, зато наша армія въ боевой готовности.

Кто его знаетъ, правъ онъ или нѣтъ.

Боевыя качества любого войска познаются въ сраженіи, а реформированная турецкая армія до сихъ поръ училась только на внутреннихъ, междуусобныхъ войнахъ. А теперь передъ ними будетъ подлинный внѣшній врагъ, да еще вторгающійся на ихъ родную территорію. И, конечно, военачальники сдѣлаютъ все, чтобы укрѣпить и поднять духъ войска, такъ какъ турецкое общественное мнѣніе отлично знаетъ, что побѣда Италіи еще усилитъ и безъ того тягостную зависимость Турціи отъ Европы, а побѣда надъ Италіей неизбѣжно ослабитъ давящія петли этой зависимости.

---

13 іюнь.

Минувшей зимой въ Петербургѣ мнѣ пришлось услыхать отъ одного довольно виднаго и, во всякомъ случаѣ, властнаго чиновника:

— Мы должны подумать о самозащитѣ. Вѣдь того и гляди, турки отнимутъ у насъ Закавказье.

Мнѣ стало смѣшно и досадно.

— Однако, ваше превосходительство, плоха наша государственность, если мы и турокъ боимся. Вѣдь въ Россіи въ шесть разъ больше населенія, чѣмъ въ Оттоманской имперіи.

— Ну, что тамъ населеніе,—равнодушно отмахнулся штатскій генералъ,—вѣдь всѣ кавказскіе инородцы примутъ этихъ басурманъ съ распростертыми объятіями. Очень опасное положеніе, очень...

А здѣсь, въ Турціи, съ такой же тревогой смотрятъ въ сторону Россіи. Сколько разъ приходилось мнѣ слышать

отъ турецкихъ журналистовъ и политиковъ опасливый вопросъ:

— Да что же это такое, неужели правда, Россія хочетъ воевать съ нами?

Со стороны Турціи этотъ страхъ болѣе понятенъ, такъ какъ не можетъ ослабѣвшая имперія не сознавать свою слабость передъ могучей сосѣдкой. И понятно, что телеграммы, извѣщавшія о 500 милліонахъ рублей, ассигнованныхъ Государственной Думой на флотъ, не могли не взволновать оттоманское общественное мнѣніе. Турецкій оффиціозъ „Танинъ", комментируя думскіе дебаты и въ особенности рѣчь П. Н. Милюкова, указываетъ на агрессивный смыслъ новыхъ ассигновокъ и усиленія русскаго флота. Гуссейнъ-Джахидъ-бей,—онъ ведетъ „Танинъ" и пишетъ политическія передовицы,—считаетъ, что остріе этой агрессивности направлено, главнымъ образомъ, противъ Турціи. За послѣднее время Россія придерживалась во внѣшней политикѣ ультимативнаго тона. Правда, она не разъ брала свои ультиматумы обратно. „Но возможно,—говоритъ органъ младотурокъ,—что эти отступленія были разсчитаннымъ шагомъ назадъ, чтобы удобнѣе было, когда обстоятельства позволятъ, ринуться впередъ. Оттого-то Россія увеличиваетъ и флотъ, и армію до размѣровъ, не отвѣчающихъ ея потребностямъ".

Весь тонъ комитетской газеты теперь ничѣмъ не напоминаетъ того дружественнаго отношенія къ Россіи, которое сказывалось въ рядѣ статей, печатавшихся минувшей осенью, въ самомъ началѣ войны съ Италіей. Съ тѣхъ поръ утекло много дипломатической воды, много пролито чернилъ, къ счастью, гораздо больше, чѣмъ крови на Триполитанскихъ пескахъ. Но мы живемъ въ такой вѣкъ, когда чернила порой сильнѣе крови вліяютъ на судьбы государствъ, когда не только дипломатическія ноты, но и журнальныя статьи связываютъ и развязываютъ дружбы народовъ.

Турція, въ горькую для себя годину, убѣдилась, что друзей у нея нѣтъ. Въ томъ же „Танинѣ" Гуссейнъ Джахидъ, самый вліятельный и, быть можетъ, самый талантли-

вый изъ турецкихъ публицистовъ, съ горечью писалъ о полномъ одиночествѣ Оттоманской имперіи, о томъ, что туркамъ ни на кого нельзя разсчитывать, кромѣ самихъ себя. Надо заняться внутреннимъ пересозданіемъ страны, поднять ее экономически и культурно, а пока... Ну, пока все-таки выгоднѣе искать дружбы съ Англіей, потому что это единственная держава, не заинтересованная въ томъ, чтобы немедленно вырвать у Турціи кусокъ территоріальной добычи. Раньше такимъ безкорыстнымъ другомъ считали Германію, но послѣ ея двусмысленной роли въ триполитанской авантюрѣ довѣрія въ Стамбулѣ къ ней больше нѣтъ.

Желаніе связать себя тѣснѣе съ Англіей уже проявляется реально. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Хаджи-Адилъ-бей, который цѣлыхъ три мѣсяца возилъ спеціальную комиссію по Македоніи, въ интервью, напечатанномъ на дняхъ въ „Танинѣ", заявилъ, что по его убѣжденію, установить какой-нибудь порядокъ въ странѣ нельзя безъ помощи иностранныхъ чиновниковъ. А потому надо создать коллегію иностранныхъ совѣтниковъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Иностранцы-совѣтники и раньше были на службѣ министерства финансовъ, юстиціи, просвѣщенія; они же реформировали, вѣрнѣе, создали, жандармерію. Но проектъ, который предлагаетъ новая комисія—нѣчто новое. Это первый случай, чтобы Оттоманское правительство, очень ревнивое къ дѣламъ внутренняго управленія, само признало полезнымъ ввести чужестранцевъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Комиссія, которую Хаджи-Адилъ-бей предполагаетъ учредить, будетъ засѣдать въ Стамбулѣ. Предсѣдателемъ будетъ англичанинъ, вѣроятно, здѣшній финансовый агентъ, вмѣстѣ съ министромъ ѣздившій по Македоніи. Пока предполагаютъ послать инспекторовъ-иностранцевъ только въ сѣверную Арменію. Но вѣдь и другія турецкія провинціи благоустройствомъ не отличаются. Мало-по-малу придется разослать такихъ управителей по всей странѣ. Это, конечно, будетъ на пользу Турціи, гдѣ до сихъ поръ по дорогамъ

хозяйничаютъ разбойники, а богатые помѣщики при помощи своей челяди обстрѣливаютъ сборщиковъ податей, когда они являются за земельнымъ налогомъ. Но какъ бы проектъ не остался проектомъ? Кажется, нѣтъ страны, гдѣ бы коридоры министерскихъ канцелярій были такъ густо устланы добрыми намѣреніями и реформаторскими планами, какъ въ царствѣ халифовъ.

Но сейчасъ жизнь стала требовательна и настойчива, и никакъ не хочетъ считаться съ восточными обычаями. Трудно отдѣлаться одними словами и обѣщаніями, когда итальянцы отобрали цѣлый архипелагъ, русскіе такъ и заглядываютъ въ сосѣдскій садъ черезъ кавказскія горы, а въ собственной неугомонной Македоніи происходятъ военные безпорядки, чуть не 50 офицеровъ бросаютъ ряды арміи и уходятъ за границу, уводя съ собой и часть солдатъ. Въ чемъ тамъ дѣло, пока понять трудно, но, судя по слухамъ, доходящимъ до столицы, взбунтовались не албанцы, а турки-офицеры, недовольные младотурецкимъ правительствомъ. Если это такъ, то значитъ оппозиція не на шутку забралась въ армію. А такъ какъ и въ палатѣ депутаты, избранные подъ знакомъ партіи „Единенія и Прогресса“, очень быстро стали группироваться въ оппозицію, то вѣроятно, во внутренней политикѣ снова начнется канитель, которая уже три года тянется въ конституціонной Турціи, гдѣ партійные и личные счеты совершенно затираютъ и застилаютъ государственныя дѣла и требованія народной жизни.

ГЛАВА IV.

Армяне.

16 марта.

Великій визирь Саидъ-паша, лукавый и опытный политикъ, сказалъ какъ-то въ разговорѣ съ армянскимъ депутатомъ [1]).

— Въ Оттоманской имперіи есть только двѣ народности, одинаково заинтересованныя въ сохраненіи Турціи,— это турки и армяне. Греки только и ждутъ, какъ бы перейти къ Греціи, болгары—къ Болгаріи. Намъ съ вами некуда переходить, и мы должны работать сообща.

Несомнѣнно, что въ разноголосицѣ сталкивающихся, и враждующихъ, и противоположныхъ національныхъ интересовъ, которая такъ задерживаетъ и уродуетъ ходъ государственной жизни Турціи, армяне заняли совершенно особенное положеніе. Больше, чѣмъ всѣ остальные христіане, терпѣли они отъ холодной жестокости стараго режима. Описаніе армянскихъ погромовъ напоминаетъ страшныя лѣтописи древнихъ истребленій, когда побѣдители убивали, и мучили, и насиловали, и грабили побѣжденныхъ съ той разнузданностью, на которую изъ всѣхъ звѣрей способенъ только человѣкъ. Въ 1896 г. въ самомъ Константинополѣ было убито въ теченіе трехъ дней около 10.000 армянъ, не говоря о десяткахъ тысячъ убитыхъ, раненыхъ и разорен-

---

[1]) Если память мнѣ не измѣняетъ, депутатъ этотъ былъ Вратьянъ. Лѣтомъ 1915 г., во время армянскаго истребленія онъ также былъ убитъ.

ныхъ въ большихъ и малыхъ провинціальныхъ городахъ. Послѣ сверженія Абдулъ-Гамида, тотчасъ послѣ объявленія конституціи, произошелъ погромъ въ Аданѣ, недалеко отъ Сиріи. Враги младотурокъ ставятъ этотъ погромъ имъ въ вину, но сами армяне нашли въ себѣ достаточно благоразумія, чтобы понять, что это вспышка подлиннаго турецкаго черносотенства, съ которымъ младотуркамъ все время приходится бороться.

Изъ всѣхъ національныхъ группъ, существующихъ въ Оттоманской имперіи, армяне, повидимому, обладаютъ наибольшей долей политическаго благоразумія, да и вообще наибольшей политической воспитанностью и организованностью. На ихъ примѣрѣ можно изучать живучесть народа. Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ потеряли они свою государственную самостоятельность, были раздѣлены между персами и византійцами и съ тѣхъ поръ, мѣняя государственныхъ владыкъ, сохранили языкъ, литературу, обычаи, сохранили подлинное національное лицо, которое и сейчасъ отстаиваютъ упорно и умѣло.

Ихъ въ Турціи немного, только два милліона, но съ ними считаются, потому что въ этой хаотической, разрозненной странѣ армянскій народъ представляетъ изъ себя сплоченную силу. И сейчасъ, во время выборовъ, комитетъ не только вошелъ съ ними въ соглашеніе, но и принялъ большинство ихъ требованій. Переговоры велись съ самой сильной и вліятельной армянской партіей, съ дашнакцутюномъ, у которой и въ Константинополѣ и въ армянскихъ вилайетахъ организованы комитеты, клубы, и созданы очень хорошія газеты.

Союзъ между ними и салоникскимъ комитетомъ былъ заключенъ еще до революціи, когда армяне помогали заговорщикамъ агитировать и распространять конституціонную литературу. Когда младотурки оказались у власти, дашнакцаканы заключили съ ними формальный договоръ, и копія съ него, подписанная тремя комитетчиками и тремя армянами, виситъ на стѣнѣ въ редакціи офиціальнаго органа дашнакцутюна „Азатамарта". Въ этой бумагѣ подтвержда-

лась совмѣстная защита общей конституціи и неприкосновенность той внутренней армянской конституціи, которая постепенно сложилась около армянской церковной общины.

Любопытно, что армянская соціалистическая партія, въ программѣ которой значится среди многихъ другихъ пунктовъ, общихъ съ западными соціалистическими программами, необходимость отдѣленія церкви отъ государства, при первомъ столкновеніи съ практической политикой была вынуждена настаивать именно на государственныхъ правахъ своей церкви.

Подробности новаго соглашенія пока еще не опубликованы. Но въ немъ опять-таки подтверждаются права „милетовъ", т. е. церковныхъ общинъ. Затѣмъ идетъ школьный земельный вопросъ и административныя и судебныя реформы.

Относительно школъ армяне, кромѣ уже фактически существующаго права учиться на своемъ языкѣ, настаиваютъ на полученіи изъ казны субсидій. Такъ какъ бюджетъ министерства просвѣщенія пополняется налогами, которые платятъ представители всѣхъ національностей, не выключая и армянской, то справедливость требуетъ, чтобы эти деньги оплачивали и школьные расходы всѣхъ національностей.

Администрація и судъ нуждаются въ реформахъ по всей Турціи, и всюду разноплеменное населеніе настаиваетъ на томъ, чтобы чиновники не были исключительно турки, а назначались также изъ представителей мѣстныхъ народностей. Въ этомъ отношеніи Македонія и Эрзерумскій или Ванскій округъ выступаютъ съ приблизительно одинаковыми требованіями.

Иначе обстоитъ дѣло съ земельнымъ вопросомъ, который въ Турціи вообще запутанъ, а въ послѣдніе годы безсмысленнаго царствованія Абдулъ-Гамида особенно запутался благодаря тому, что султанъ дарилъ своимъ любимцамъ огромныя помѣстья. Если разгорѣвшіеся аппетиты не удовлетворялись подареннымъ, то беки сами захватывали все, что имъ хотѣлось. Шло форменное расхищеніе казенныхъ земель и грабежъ частновладѣльческихъ. Такъ, въ

Албаніи знаменитый фаворитъ бывшаго султана, начальникъ дворцовой гвардіи Исаболетинъ завладѣлъ десятками тысячъ десятинъ, на которыхъ пасутся несчетныя стада овецъ. Когда младотурки захотѣли взять отъ него непринадлежащія ему земли и заставить его платить налоги, то онъ отвѣтилъ имъ на это организаціей албанскаго возстанія.

Борьба съ такими хищниками-феодалами, которые какъ средневѣковые бароны, сидятъ въ неприступныхъ горныхъ замкахъ, составляетъ одну изъ трудныхъ задачъ теперешняго турецкаго правительства. Надъ большинствомъ отдаленныхъ провинцій до сихъ поръ оно не имѣетъ настоящей власти. Беки терпѣть не могутъ платить налоги, и когда приходятъ сборщики, или откупаются отъ нихъ нѣсколькими золотыми, или выгоняютъ ихъ при помощи своей вооруженной челяди. Есть помѣщики, за которыми числятся десятки тысячъ турецкихъ золотыхъ недоимки, но эти долги нисколько не нарушаютъ пріятной и богатой жизни турецкихъ феодаловъ. Зато крестьяне отдуваются за всѣхъ и аккуратно вносятъ такъ называемую dîmes, т. е. около $12^1/_2$% сбора натурой со всего урожая и производства. Причемъ беззаконіе доходитъ до того, что тамъ, гдѣ вліятельные беки захватили чужія земли, налогъ собирается не съ бековъ, не съ фактическихъ владѣльцевъ, а съ земледѣльца, который, такимъ образомъ, за свою землю платитъ не только правительству, но и захватчику.

Особенно безнаказанно и жадно производились земельные грабежи въ армянскихъ провинціяхъ, гдѣ курды-мусульмане, привыкшіе считать армянъ внѣ закона, хватали все, что имъ хотѣлось. Во многихъ мѣстахъ подлинные владѣльцы сохранили документы на свое право на землю, но и это не даетъ возможности возстановить фактическое владѣніе. Партія дашнакцакановъ одной изъ первыхъ своихъ задачъ ставитъ возвращеніе этихъ участковъ армянскимъ собственникамъ. Младотурки признаютъ это требованіе справедливымъ, и уже снаряжается комиссія реформъ, на манеръ той, что была въ Македоніи. Армяне ничего не

ждутъ хорошаго отъ турецкаго суда и поэтому ставятъ условіемъ, чтобы комиссія рѣшала земельные споры административнымъ порядкомъ, а не представляла ихъ суду.

Это самый коренной и въ то же время самый опасный для правительства вопросъ. Теоретически оно знаетъ, что армяне правы. Но, съ другой стороны, беки-феодалы сильны своимъ богатствомъ, вліяніемъ, и оказываютъ давленіе всѣми способами, которые всегда находятся въ распоряженіи крупныхъ землевладѣльцевъ тамъ, гдѣ народъ теменъ и несорганизованъ. Бороться съ ними не легко и если сейчасъ на выборахъ младотурки все-таки побѣждаютъ оппозицію, въ рядахъ которой не мало феодаловъ, то вѣдь эта побѣда дается господствующей партіи цѣной далеко не конституціонныхъ выборныхъ пріемовъ. Да и въ своихъ рядахъ, въ самой партіи „Единенія и Прогресса", они, конечно, найдутъ не мало явныхъ или тайныхъ противниковъ возстановленія правъ крестьянъ на землю. Даже 10 тыс. лиръ, ассигнованныхъ правительствомъ на принудительный выкупъ, врядъ ли притупятъ остроту недовольства турецкихъ аграріевъ.

Насколько они сильны, видно изъ того, что дашнакцутюны, которые ставятъ въ своей программѣ усиленіе мѣстнаго самоуправленія, если не автономію, теперь, на практической политикѣ, начинаютъ склоняться въ сторону централизаціи, а не децентрализаціи власти. Они убѣдились, что въ Турціи надо сначала создать одинъ законъ, обязательный для всѣхъ, а потомъ заботиться объ усиленіи мѣстной жизни. И въ этомъ опять-таки они ближе къ младотуркамъ, добивающимся сосредоточенія всей власти въ рукахъ правительства, чѣмъ къ партіи „Либеральнаго соглашенія", поставившей въ свою программу децентрализацію управленія.

— Младотурки, прежде всего потому ближе къ намъ, что они искренніе конституціоналисты,—сказалъ мнѣ бывшій депутатъ отъ Эрзерума, Пастермаджьянъ, человѣкъ съ большимъ и разнообразнымъ политическимъ прошлымъ, который отъ рѣзкаго революціонизма перешелъ къ прак-

тической и упорной парламентской работѣ.—Я не буду рыться у нихъ въ душѣ, разбирать идейные они конституціоналисты или нѣтъ. Но они хотятъ во что бы то ни стало сохранить цѣлость Турціи и знаютъ, что, помимо конституціоннаго строя, этого нельзя сдѣлать. Кромѣ того, они сожгли свои корабли и назадъ имъ возврата нѣтъ. Если наступитъ реакція, ихъ ждетъ гибель. Они борются и за свою жизнь и за жизнь своей родины. Но мы, армяне, оставляемъ за собой полную свободу дѣйствій. Мы заключили теперь соглашеніе и будемъ поддерживать младотурокъ на выборахъ, но въ парламентѣ мы будемъ голосовать, какъ найдемъ нужнымъ.

— Но все-таки вы считаете партію „Единенія и Прогресса" надежнымъ союзникомъ?

Армянскій депутатъ, прошедшій сквозь всѣ испытанія достаточно мучительной турецкой политики, пристально посмотрѣлъ на меня, точно взвѣшивая, что можно мнѣ сказать, чего нельзя. Потомъ осторожно отвѣтилъ:

— Младотурки теперь въ такомъ положеніи, что вынуждены дать реформы. Но они далеко не всегда исполняли то, что обѣщали намъ. И на этотъ разъ мы ставимъ имъ нѣчто въ родѣ ультиматума. А что изъ этого выйдетъ— посмотримъ.

---

1 іюня.

На турецкой политической аренѣ кипитъ честолюбивая борьба двухъ партій. Офицеры, засѣвшіе въ македонскихъ горахъ, повидимому, являются только орудіемъ въ рукахъ политиковъ, которые управляютъ ими, сидя въ Стамбулѣ, такъ какъ здѣсь легче и слѣдить за противникомъ, т. е. за правительствомъ и, въ случаѣ возможности, торговаться съ нимъ, какъ торгуются теперешніе кандидаты въ военные министры. Время и силы страны уходятъ на эти междоусобныя распри и маленькая кучка людей, вскарабкавшихся на вершину общественной пирамиды, забываетъ изъ-за разбушевавшихся личныхъ счетовъ о томъ, что за ихъ спиной

жалкой, нищенской жизнью живетъ двадцать пять миллiоновъ населенiя, для процвѣтанiя или хотя бы для благополучiя котораго государство пока еще ничего не сдѣлало. Политическiя страсти немногихъ, забравшихъ власть, всегда и всюду заглушаютъ ежедневныя потребности большинства. Но въ другихъ государствахъ для этого большинства кое-что уже сдѣлано, и самъ народъ уже умѣетъ увеличивать и расширять свои права, умѣетъ напоминать государству и государственнымъ людямъ о своихъ потребностяхъ и желанiяхъ.

Въ Турцiи этого еще нѣтъ. Распыленная человѣческая толпа, не привыкшая ни думать, ни жить политически, покорно принимаетъ жизнь, какъ она есть. Конституцiя расшевелила только населенiе большихъ городовъ, да и то ровно настолько, чтобы заставить его рукоплескать побѣдителямъ. Если завтра на площади св. Софiи появится побѣдоносная македонская армiя, ее будутъ привѣтствовать всѣ стамбульцы, которымъ, благодаря новому режиму, пришлось платить подати и служить въ солдатахъ, отъ чего при Абдулъ-Гамидѣ они были свободны. Хотя четыре мѣсяца тому назадъ, во время выборовъ, тѣже стамбульцы также горячо привѣтствовали Талаатъ-бея и Джавидъ-бея, противъ которыхъ сильнѣе всего направлено негодованiе оппозицiи.

Въ одномъ оппозицiя, несомнѣнно, права. Новые государственные люди слишкомъ увлеклись погоней за крѣпкой властью и слишкомъ мало позаботились о реальныхъ интересахъ страны, о поднятiи народнаго хозяйства, которое въ Турцiи стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ.

Первая и самая насущная потребность, это улучшенiе дорогъ, желѣзныхъ и шоссейныхъ. За пять лѣтъ конституцiоннаго строя для расширенiя путей сообщенiя почти ничего не сдѣлано, а то, что сдѣлано, носитъ характеръ случайности и непродуманности.

Вотъ что разсказалъ мнѣ о желѣзнодорожныхъ дѣлахъ армянскiй депутатъ Пастермаджьянъ, котораго уже вторично выбираетъ въ палату городъ Эрзерумъ. Пастермаджьянъ специалистъ по дорогамъ, его нѣсколько разъ прочили въ министры общественныхъ работъ, несмотря на то, что онъ

бывшій „бомбаджи". Онъ человѣкъ еще не старый, очень спокойный, съ обдуманной и трезвой рѣчью и слушая его трудно себѣ представить, какъ онъ могъ, съ бомбой въ рукѣ, осаждать оттоманскій банкъ. Это было давно, лѣтъ 15 тому назадъ. Пастермаджьянъ учился тогда въ швейцарскомъ университетѣ. Произошла армянская рѣзня. Пастермаджьянъ и еще нѣсколько его товарищей рѣшили, что надо привлечь вниманіе Европы и всколыхнуть притупившееся армянское общественное мнѣніе. Они пріѣхали въ Константинополь, приготовили бомбы, вошли въ оттоманскій банкъ въ Галатѣ и завладѣли имъ. Ихъ было 15 человѣкъ, но въ теченіе 36 часовъ цѣлый батальонъ солдатъ не могъ съ ними справиться. Бомбисты грозили взорвать банкъ, а въ банкѣ было слишкомъ много цѣнныхъ бумагъ.

Всѣ посольства переполошились, вступили въ переговоры и съ осажденными, и съ Абдулъ-Гамидомъ и наконецъ старшему драгоману русскаго посольства удалось вырвать у султана согласіе на то, что бомбисты будутъ выведены изъ банка, посажены на французскій стаціонеръ и отправлены во Францію. Такъ и сдѣлали. Ихъ провели подъ охраной иностранныхъ конвоировъ, такъ какъ боялись, что толпа ихъ растерзаетъ. А въ Марселѣ ихъ посадили въ тюрьму, какъ анархистовъ. Армянѐ запротестовали. Вѣдь представители посольства гарантировали имъ внѣ Турціи свободу и неприкосновенность. Тогда ихъ снова посадили на пароходъ и отправили въ Америку. Тамъ и анархисты безвредны.

При конституціонномъ режимѣ Пастермаджьянъ отстаиваетъ права народа уже не бомбами, а парламентскими рѣчами и политическими памфлетами. Съ противниками онъ не церемонится и обличаетъ ихъ безхозяйственность съ упорствомъ хорошо изучившаго вопросъ человѣка.

— Все наше желѣзнодорожное дѣло стоитъ на ложномъ фундаментѣ, — говоритъ онъ мнѣ. — Правительство даетъ безъ конца деньги нѣмцамъ за Багдадскую дорогу, а кому она нужна? Только нѣмцамъ, для политическаго и эко-

номическаго захвата. Вѣдь эта линія идетъ по пустынѣ. Она даже не можетъ вызвать экономическаго подъема, потому что край населенъ кочевниками. Ихъ еще надо сначала пріучить къ труду.

— Но вѣдь съ нѣмцами заключено условіе. Нельзя же его нарушить?

— Нарушить нельзя, но прекратить выдачу денегъ, можно. Есть такой пунктъ, гдѣ говорится, что государство дастъ на эту постройку деньги, когда сможетъ. Зачѣмъ они теперь опять возобновили постройку изъ Кони? Можно было подождать. Вѣдь за каждый километръ постройки государство платитъ нѣмецкой компаніи 269 тысячъ франковъ. А на самомъ дѣлѣ наиболѣе дорогіе горные километры обходятся въ 300 тысячъ, но ихъ немного, не болѣе 200 изъ 1500 кил. Вся остальная прокладка колеблется отъ 75 до 55 тысячъ франковъ за километръ. Вотъ вы и разсчитайте, сколько правительство переплачиваетъ. Но и этого мало. Эксплоатація линіи также гарантирована въ 155 тысячъ франковъ за километръ въ годъ. Нѣмцамъ прямо выгоднѣе вести линію тамъ, гдѣ будетъ поменьше ѣзды, чтобы не было ремонта, не изнашивался бы подвижной составъ. А денежки свои они все равно получатъ.

— Значитъ, Вильгельмъ не даромъ ѣздилъ къ Абдулъ-Гамиду въ гости?

— Не даромъ. Онъ свои путевыя расходы окупилъ. Но, къ сожалѣнію, и нынѣшнее правительство поступаетъ не многимъ умнѣе Абдулъ-Гамида. Вмѣсто того, чтобы тратить деньги на эту нѣмецкую линію, они должны были бы начать постройку изъ Самсуна черезъ Сивасъ на Эрзерумъ. Эта самая богатая и самая населенная часть Анатоліи. Вилайетъ Сивасъ полонъ естественныхъ богатствъ. Въ вилаейтѣ Харпута приходится на кв. километръ 30 жителей, а желѣзной дороги нѣтъ. Тамъ, гдѣ предполагается линія багдадской дороги,—населенія пять человѣкъ на километръ, а мѣстами и одного жителя на километръ не насчитается. Въ Харпутскомъ округѣ производится хлопокъ, шелкъ, виноградъ, хлѣбъ. Но все это некуда дѣвать, такъ какъ

нѣтъ вывоза. Одинъ вилайетъ Битлиса можетъ дать полмилліона тонъ хлѣба въ годъ.

— Куда же сейчасъ дѣвается этотъ хлѣбъ?

— Во-первыхъ, многія земли остаются необработанными и многія руки незанятыми. Изъ одного Битлиса эмигрируетъ въ Америку ежегодно 30000 армянъ. А вѣдь это все работники, производители. Во-вторыхъ, кое-что вывозится, но какъ! Хлѣбъ везутъ на мулахъ, на ослахъ, на лошадяхъ, главнымъ образомъ, на волахъ. Но не въ телѣгахъ, такъ какъ дорогъ нѣтъ, а вьюками. Багдадъ, къ которому они ведутъ свою дорогу, кормится хлѣбомъ съ сѣвера, отъ насъ, изъ Арменіи. Везутъ сначала на волахъ. Потомъ на плотахъ спускаютъ по Тигру, внизъ.

— Какъ можно хлѣбъ спускать на плотахъ. Вѣдь онъ вымокнетъ?

— Тамъ особая система, старинная, ей уже не менѣе 4000 лѣтъ,—съ улыбкой говоритъ эрзерумскій депутатъ.— Подъ плоты подводятъ бараньи шкуры, надутыя воздухомъ, въ родѣ курдюковъ, въ которыхъ вино возятъ. Эти мѣха подымаютъ плоты высоко надъ водой. Даже черезъ пороги можно на нихъ переплывать. Но, конечно, хлѣбъ, стоющій на мѣстѣ 50—60 франковъ тонна, обходится въ Багдадѣ 150—200 франковъ. Если-бы они провели отъ Битлиса прямую линію къ Средиземному морю, прямо на Александрету, то для хлѣба былъ бы отличный вывозъ. А по этой линіи всего 700 километровъ долинами.

— Но почему же до сихъ поръ нѣтъ этой дороги изъ Самсуна къ Эрзеруму?

— Отчасти, ваше русское правительство мѣшаетъ. Есть вѣдь договоръ, по которому безъ согласія Россіи нельзя отдавать концессій иностранцамъ въ Анатоліи. Но это, конечно, пустяки, договоръ не трудно и обойти: можно строить дорогу безъ концессіи, занявъ деньги у иностранныхъ капиталистовъ и имъ же сдавъ работы съ подряда. Но бѣда въ томъ, что въ Турціи до сихъ поръ соблюдаются только интересы иностранныхъ капиталовъ, а не свои собственные. А когда иностранцы приходятъ съ выгод-

нымъ предложеніемъ, ихъ водятъ за носъ. Тутъ два года жили американцы, съ такъ называемымъ проектомъ Честера. Они предлагали даромъ выстроить дорогу до Эрзерума. Въ обмѣнъ просили только концессіи на рудники. Имъ обѣщали, обѣщали, и такъ и не дали.

— Но можетъ быть не выгодно было отдавать рудники?

— А выгодно сидѣть безъ желѣзныхъ дорогъ? Выгодно, чтобы руда лежала неиспользованная? Выгодно, чтобы въ странѣ не было промышленности? Просто у насъ никто не думаетъ объ экономическихъ интересахъ населенія. Да и не знаютъ въ чемъ они состоятъ. Въ Турціи нѣтъ никакой статистики, никакихъ свѣдѣній о количествѣ жителей, объ ихъ промыслахъ и занятіяхъ. Посмотрите что дѣлается съ нашими шоссейными дорогами. Проведеніе десяти тысячъ километровъ шоссейныхъ дорогъ сдано французской компаніи. Компанія сама распредѣлила эти километры между разными областями, не считаясь съ интересами края, а только со своими собственными. Поэтому шоссе будутъ проведены не тамъ, гдѣ экономическая жизнь можетъ особенно успѣшно развиваться, а тамъ, гдѣ это выгоднѣе строителямъ. Условія сдачи довольно сложныя. Платятъ за кубикъ песку, камня, платятъ отдѣльно за работы, но вся пріемка производится послѣ окончанія постройки, такъ что истраченный матеріалъ опредѣляется на глазъ. Французскіе инженеры и намѣчаютъ линіи будушихъ путей сообщеній въ зависимости отъ самыхъ прибыльныхъ для нихъ условій. Такимъ способомъ трудно поднять экономическую жизнь оттоманскаго населенія.

— Такъ почему же эти дороги сданы на такихъ условіяхъ?

— Тутъ опять тонкая политика съ иностранцами. Когда намъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ надо было заключить большой заемъ, французскій премьеръ Кайо сказалъ министру финансовъ, Джавидъ-бею, что мы только просимъ у нихъ денегъ, а ничего имъ не даемъ. Тогда въ двѣ-три недѣли, состряпали акціонерную компанію и съ закрытыми глазами отдали ей концессію. А денегъ намъ французы

все-таки не дали, потому что Джавидъ-бей очень безтактно взялся за дѣло.

— Короче говоря, нынѣшнее правительство плохо ведетъ народное хозяйство? Ну, а если оппозиція будетъ у власти?

— Тогда будетъ еще хуже,—съ грустью сказалъ армянскій депутатъ.—Все, что есть въ странѣ наиболѣе способнаго въ политической и общественной работѣ, группируется около младотурокъ. Внѣ ихъ партіи нѣтъ въ странѣ силъ. Но и у нихъ настоящихъ силъ нѣтъ... Оттого и скверно... Всѣмъ скверно.

Въ редакціи „Азатамарта". [1])

Смуглый коридорный, поблескивая черными съ желтыми бѣлками, глазами и слегка наклоняясь къ намъ, точно сообщалъ какую-то тайну, разсказывалъ:

— Завтра воскресенье. Пойду въ клубъ. Въ нашъ клубъ... Тамъ депутатъ скажетъ намъ рѣчь... Такую умную рѣчь... Турки не бываютъ такіе умные, какъ нашъ депутатъ.

Говоритъ онъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, обильно примѣшивая къ нему турецкія и въ особенности англійскія слова. Ему льститъ наше свѣжее любопытство новыхъ пріѣзжихъ, еще не разобравшихся въ пестрой сложности Константинополя. Какъ всякій хорошій христіанинъ, Арамъ сейчасъ же начинаетъ ругать турокъ. За что, мнѣ трудно разобрать изъ его путаной болтовни, но я вижу, что его глаза блестятъ ненавистью, когда онъ говоритъ о нихъ.

— А у турокъ тоже есть клубы, какъ и у армянъ?— спрашиваю я его.

— Йокъ,—презрительно говоритъ онъ.—Развѣ они могутъ?

Нѣсколько дней спустя знакомый журналистъ повелъ меня въ редакцію армянской газеты „Азатамартъ", органа партіи дашнакцутюнъ.

Съ узкой, шумной главной улицы европейскаго квартала свернули мы въ сторону, прошли мимо маленькаго базара,

---

[1]) Эта глава написана позже, для книги и была напечатана въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" въ 1916 г.

гдѣ висѣли бараньи туши, лежали на мраморныхъ прилавкахъ пестрыя, невиданныя морскія рыбы, гдѣ продавцы часами сидѣли на корточкахъ, торгуя грошовыми лакомствами, или жаренымъ горохомъ. Тутъ-же рядомъ въѣздъ въ огороженное высокимъ каменнымъ заборомъ англійское посольство, съ его пышнымъ, старымъ садомъ. На кривой, крутой, усыпанной неравными острыми камнями улицѣ Хамалъ-Баши, въ каменномъ трехэтажномъ домѣ помѣщается главный штабъ самой сильной и многочисленной армянской партіи. Тутъ у нихъ и клубъ, куда ходитъ нашъ Арамъ, и библіотека, и редакція.

Когда мы подымаемся по полутемнымъ лѣстницамъ, я уже чувствую, что здѣсь кипитъ жизнь, несравненно болѣе энергичная и стремительная, чѣмъ вся остальная турецкая, левантинская жизнь.

По силѣ національнаго самосознанія, по умѣнью сорганизоваться, сплачиваться не только въ интеллигентскихъ верхахъ, но и въ демократическихъ низахъ, дашнакцаканы занимаютъ совершенно особое мѣсто въ Турецкой имперіи. Въ парламентѣ, въ комиссіяхъ, всюду, гдѣ нужна планомѣрная и систематическая работа, они являются учителями неопытныхъ и невыдержанныхъ турокъ. Это признаютъ и сами турки.

— Армяне умѣютъ работать. Въ этомъ мы съ ними не можемъ состязаться,— говорилъ мнѣ Гуссейнъ-Джахидъ.

Насъ встрѣтили въ редакціи очень привѣтливо. Сразу обступили меня, заговорили по-русски, стали разспрашивать о томъ, что дѣлается въ Россіи, въ Государственной Думѣ, какія есть надежды на политическія перемѣны. И тутъ же начались споры. Нападали на кадетовъ, заставляли меня защищаться, требовали самыхъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что думаетъ Милюковъ, чего можно ждать отъ октябристовъ, какія настроенія существуютъ въ лѣвыхъ кругахъ?

Было такое чувство, точно я попала въ редакцію большой русской газеты. Даже чай съ баранками подали. И кричали, и перебивали другъ друга, и острили надъ русскими депутатами и министрами съ такимъ знаніемъ вся-

кихъ кулуарныхъ анекдотовъ и словечекъ, точно у насъ въ Россіи.

Только фески и у сторожей, которые подавали чай, приносили и уносили статьи и корректуры и у части сотрудниковъ, напоминали мнѣ о томъ, что я не на берегахъ Невы, а на Босфорѣ.

Позже я поняла, что сходство съ Россіей не только внѣшнее.

Многіе изъ армянъ, группирующихся около „Азатамарта", въ Россіи родились, учились думать надъ тѣми же книжками, среди тѣхъ же общественныхъ теченій, разочарованій, партійныхъ противоположностей, литературныхъ воздѣйствій и идеаловъ, которые наложили свою печать на разноплеменную, но чѣмъ-то внутреннимъ объединенную, русскую интеллигенцію.

Въ средневѣковую, полувоенную, полухищническую левантинскую среду, вносили они демократическіе навыки, народническія устремленія и политическія потребности, вынесенныя изъ Россіи. И несмотря ни на что, тянулись къ ней, ловили вѣсти изъ-за рубежа, томились обычнымъ эмигрантскимъ томленіемъ по оставленной родинѣ. Логически нѣкоторые изъ нихъ тогда считали, что турецкая оріентація можетъ больше дать ихъ народу. Но все-таки оглядывались на насъ, наши русскія дѣла считали своими, волновались рѣчами въ Государственной Думѣ, читали наши либеральныя газеты, негодовали на статьи Меньшикова.

Немало споровъ бывало у нихъ съ турецкими армянами, не знавшими по-русски.

Во главѣ ихъ стоялъ редакторъ „Азатамарта", съ которымъ я тогда же познакомилась.

Въ комнату вошелъ невысокій человѣкъ, въ которомъ все: и движенья, и игра лица, и глаза, и голосъ носили своеобразную печать сдержанности и быстроты.

Такимъ можетъ быть капитанъ парохода, когда онъ стоитъ на мостикѣ и знаетъ, что времени терять нельзя. Надо плыть впередъ и впередъ. Ясна цѣль передъ нимъ. Еще яснѣе рифы, противныя теченія, всѣ трудности пути. А все-

таки впередъ и впередъ. И пусть никто кругомъ не занимается пустяками, пусть всѣ дружно гребутъ.

Это былъ редакторъ „Азатамарта“, Врамьянъ. Его товарищи пояснили ему что-то по-армянски. Онъ подошелъ ко мнѣ и очень привѣтливо заговорилъ со мной по-французски. Русскаго языка онъ не зналъ, такъ какъ родомъ былъ изъ Вана, и получилъ образованіе въ Парижѣ. При этой первой встрѣчѣ Врамьянъ говорилъ со мной о младотуркахъ, какъ ихъ прочный союзникъ.

— Да, конечно, у Иттихада много ошибокъ. Но давно-ли они у власти? Не забывайте, какое ужасное наслѣдство получили они отъ гамидовскаго режима. Они стараются создать законность. Во всякомъ случаѣ ихъ слѣдуетъ считать искренными друзьями конституціи. Если бы вы знали, подъ какимъ ужаснымъ гнетомъ страна жила до революціи. И потомъ, среди младотурокъ есть честные люди, на которыхъ можно положиться. Нынѣшній предсѣдатель парламента Ахмедъ-Риза-бей. Гуссейнъ-Джахидъ. Наконецъ, Талаатъ-бей. Онъ человѣкъ необразованный. Но это пламенный и честный патріотъ. Онъ понимаетъ, что спасеніе Турціи въ реформахъ.

— Это для турокъ? А для армянъ, гдѣ спасеніе? Вѣдь все-таки и при младотуркахъ была рѣзня въ Аданѣ? Развѣ вы гарантированы отъ повтореній?

Оживленныя лица моихъ собесѣдниковъ сразу затуманились. Рѣзня. Погромъ. Какой ужасный отзвукъ, какія воспоминанія подымаютъ эти омерзительныя, гнусныя слова въ душѣ народа подчиненнаго, надъ которымъ, какъ постоянная угроза, занесенъ окровавленный кулакъ господина...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Это не можетъ повториться,—рѣзко и торопливо, преувеличенно торопливо, заговорилъ Врамьянъ.— Аданская рѣзня была пережиткомъ стараго режима. Иттихадъ самъ былъ возмущенъ. Они все сдѣлали... Но, конечно, я не скрываю. Положеніе наше, дашнакцакановъ, очень трудное...

Изъ перекрестнаго разговора, гдѣ французская рѣчь

мѣшалась съ русской, а иногда и съ армянской, когда мои собесѣдники, увлеченные желаніемъ какъ можно лучше уяснить русскому коллегѣ положеніе армянъ въ Турціи, спорили или поправляли другъ друга, вотъ какая картина вырисовалась тогда передо мной.

Въ Константинополѣ армянъ около 200 тысячъ. Они пользуются полной безопасностью и равной съ турками свободой. Живутъ они и въ европейскихъ кварталахъ, и въ самомъ Стамбулѣ. Армяне народъ предпріимчивый и торговый. Въ торговлѣ они берутъ уже верхъ надъ греками. На-ряду съ богатой и довольно косной буржуазіей есть очень живая армянская интеллигенція, — врачи, адвокаты, инженеры, писатели, учителя. Немало армянъ среди хамаловъ и ремесленниковъ. Живутъ они довольно сплочено. Главное объединеніе происходитъ около милета, церковной общины. Послѣ конституціи дашнакцаканы стали очень популярны. Какъ партія не только демократическая, но и соціалистическая, они ищутъ и добиваются вліянія на массы. Устраиваютъ школы, читаютъ лекціи, популярные курсы, организуютъ политическія собранія, кооперативы. Правительство имъ въ этомъ не мѣшаетъ.

Такъ живутъ столичные армяне. А тамъ въ азіатскихъ вилайетахъ, гдѣ армяне являются исконнымъ населеніемъ, когда-то составлявшимъ великое армянское царство, дѣла идутъ куда хуже.

Столичные политики дашнакцаканы все время заняты тѣмъ, что отстаиваютъ интересы своихъ провинціальныхъ единоплеменниковъ. Это дѣлается, главнымъ образомъ, въ парламентѣ. Не столько даже въ открытыхъ засѣданіяхъ, сколько въ комиссіяхъ, въ кулуарахъ, въ непрестанномъ общеніи и съ господствующей партіей Иттихада и съ представителями другихъ группъ и національностей.

Между дашнанцутюномъ и иттихадомъ состоялось формальное политическое соглашеніе, текстъ котораго, вставленный въ раму, виситъ на стѣнѣ въ редакціи „Азатамарта“. Я поглядывала на него, когда армянскіе заправилы разсказывали мнѣ:

— Да, и въ Ванскомъ и въ Мушскомъ вилайетахъ до сихъ поръ происходятъ убійства. Совершаютъ ихъ курды. Одинъ изъ главныхъ разбойничьихъ атамановъ, Саидъ, до сихъ поръ остается безнаказаннымъ. Теперь въ Ванъ назначенъ новый вали, Измаилъ Хакки-бей. У него хорошая репутація. Но, конечно, и онъ будетъ стараться не отталкивать курдовъ. Турки считаютъ ихъ самымъ надежнымъ элементомъ въ этихъ вилайетахъ, граничащихъ съ Россіей. А насъ, армянъ,—ненадежными. Во-первыхъ, потому, что мы—христіане и насъ не можетъ не тянуть къ Россіи, гдѣ такъ много нашихъ единоплеменниковъ. Кромѣ того, у насъ репутація революціонеровъ. Хотя на самомъ дѣлѣ постоянныя гоненія и притѣсненія сдѣлали армянъ черезчуръ терпѣливыми.

— Въ чемъ же теперь состоитъ ваша политическая тактика?

— Да главнымъ образомъ въ союзѣ съ Иттихадомъ. Мы потеряли всякую надежду на то, что реформы придутъ черезъ вмѣшательство христіанскихъ державъ. Англія ничего не провела и ничего не добилась.

Потерявъ надежду на европейскія державы дашнакцаканы приняли участіе въ персидской революціи, старались поддержать тамошнихъ націоналистовъ, считая, что судьба крѣпко связала ихъ съ народами Азіи. Не мало силъ положили они тогда въ Персіи. Съ гордостью говорили они о знаменитомъ Ефремѣ, который сыгралъ такую видную роль въ персидской революціи. Да и самъ редакторъ „Азатамарта" принималъ въ ней участіе. А потомъ понялъ, что его мѣсто не въ солдатскихъ рядахъ, и пріѣхалъ въ Константинополь для политической работы.

Ему и его товарищамъ приходилось не только бороться съ оттоманскимъ беззаконіемъ, но и въ средѣ своего народа вести нелегкую борьбу. Есть другая болѣе старая партія армянъ - націоналистовъ, консервативная, буржуазная и осторожная.

Представители ея не одобряли дашнаковъ за ихъ соціализмъ и сами больше тяготѣли къ умѣренной оппо-

зиціи, чѣмъ къ младотуркамъ. Но это скорѣе столичная партія. Тамъ, въ Азіи, въ армянскихъ вилайетахъ не только не хотѣли итти на сдѣлки и сговоры со старыми турками, но, Врамьяну и его товарищамъ приходилось отстаивать свое право на соглашенія съ младотурками.

— Но мы все-таки настаиваемъ на своемъ,—разсказывали они мнѣ.—Мы упорно добиваемся, чтобы не было вспышекъ, вооруженныхъ столкновеній, отдѣльныхъ стычекъ. Мы работаемъ надъ просвѣщеніемъ и организаціей. Почти въ каждой деревнѣ основали мы школу, библіотеку. У насъ растетъ кооперація. Въ городахъ есть профессіональные союзы. Сами курды,—вѣдь, не всѣ же они разбойники,—видятъ, что у насъ есть чему научиться и часто завидуютъ намъ, просятъ насъ помочь имъ, иногда даже посылаютъ дѣтей своихъ въ наши школы. Но, конечно, все это еще отдѣльные случаи. Настоящей связи между армянами и курдами не можетъ быть, пока не будетъ упорядоченъ земельный вопросъ. Дашнакцутюнъ много работаетъ надъ его разрѣшеніемъ. Мы дѣйствуемъ, опираясь, главнымъ образомъ, на лѣвое крыло младотурокъ.

— Кого же вы считаете среди нихъ лѣвыми?

— Да всѣхъ настоящихъ конституціоналистовъ: Талаать-бей, Джавидъ-бей, Халилъ-бей, Хаджи-Адилъ-бей, Назимъ-бей... Мы съ ними ближе всего. Только очень трудно заставить ихъ поднять политическіе вопросы. Очень ужъ они невѣжественны. Приходится мѣсяцами втолковывать имъ такія простыя понятія, какъ пропорціональное представительство. Единственный образованный человѣкъ среди нихъ его—Джавидъ-бей. При всей близости съ комитетомъ, мы часто голосуемъ не съ ними и вообще сохраняемъ полную независимость. Но опираемся и надѣемся только на нихъ. Если младотурки сорвутся, мы тоже пропали.

Такъ опредѣляли положеніе вожди-дашнаки въ декабрѣ 1911 г. Но уже къ веснѣ, когда послѣ роспуска палаты, Иттихадъ такъ откровенно беззаконничалъ на выборахъ, тотъ же Врамьянъ говорилъ мнѣ:

— Кажется, мы ошиблись. Мы считали ихъ невѣжественными, но честными людьми. А они просто обманщики политическіе негодяи, готовые на все, чтобы цѣпляться за власть. Если и этотъ разъ они насъ надуютъ, тогда у меня руки развязаны. Тогда мы будемъ дѣйствовать иначе.

Его предположенія сбылись. На выборахъ младотурки надули армянъ самымъ откровеннымъ образомъ, не сдержали ничего изъ того, что обѣщали, вертѣли выборнымъ закономъ и проводили въ палату, кого хотѣли.

Никто изъ насъ не могъ думать тогда, что всѣ эти обманы были дѣтской игрой, сравнительно съ тѣми ужасами, которые ждали впереди и армянскую массу, и ея идеалистовъ-вождей.

Главный руководитель Иттихада, Талаатъ-бей, котораго Врамьянъ считалъ однимъ изъ самыхъ честныхъ и чистыхъ младотурокъ, оказался палачемъ армянскаго народа, убійцей Врамьяна и его товарищей.

ГЛАВА V.

Военное броженіе и провалъ младотурокъ.

14 іюня.

На этотъ разъ въ Македоніи не шутя неладно. Теперь уже дѣло не въ четникахъ, пытавшихся вызвать европейское вмѣшательство. Опасность грозитъ не отъ непримиримой вражды національностей, не отъ албанцевъ, требующихъ то автономіи, то широкаго національнаго самоуправленія. Духъ мятежа вспыхнулъ въ самихъ турецкихъ войскахъ и грозитъ разгорѣться въ опасный для правительства пожаръ.

Офиціальныя сферы все опровергаютъ и отрицаютъ, газеты помалкиваютъ, цензура не пропускаетъ телеграммъ иностранныхъ корреспондентовъ, но всѣ знаютъ, что въ Монастырѣ опять закипаетъ военная трагедія. Изъ этой безпокойной Македоніи вышли военныя отряды конституціоналистовъ-заговорщиковъ, тѣ офицеры-освободители, Энверъ-бей, Ніази-бей, Садыкъ-бей, которые заставили Абдулъ-Гамида возстановить парламентъ. Оттуда же, полгода спустя, Махмудъ-Шефкетъ паша привелъ войска, при помощи которыхъ онъ побѣдилъ анти-конституціоналистовъ, силой овладѣвшихъ столицей. Попытка возстановить старый абдулъ-гамидовскій режимъ и истребить руководителей младотурецкаго движенія окончилась разгромомъ реакціонеровъ и заключеніемъ подъ стражу на этотъ разъ окончательно свергнутаго „краснаго“ султана.

Новое движеніе, разростающееся въ Македоніи, напра-

влено не противъ Абдулъ-Гамида, а за него. Солдаты-бунтовщики кричали:

— Мы за Абдуль-Гамида. Кто съ нами?

По словамъ газетъ, раздался изъ солдатскихъ рядовъ дружный возгласъ:

— Да здравствуетъ Решадъ V!

Можетъ быть, это такъ и было, но уже одно то, что изъ арміи опять слышатся возгласы въ пользу свергнутаго султана, потерявшаго въ своемъ почетномъ заключеніи разсудокъ, уже это одно показываетъ, что глухая борьба за власть все еще кипитъ, что, несмотря на все упорство, несмотря на всѣ выборныя побѣды, младотурецкій комитетъ долженъ считаться съ ловкой и лукавой оппозиціей.

Еще зимой кто-то изъ политиковъ, кажется Гуссейнъ-Джахидъ, говорилъ, что въ арміи они совершенно увѣрены, такъ какъ солдаты находятся подъ строгимъ надзоромъ и никакая агитація между ними невозможна. А теперь оказывается, что агитація шла очень усиленно и что сами офицеры занимаются ею. Требованія, которыя они прислали султану, не представляютъ опредѣленной политической программы. Это, какъ всегда въ Турціи, борьба противъ группы людей, а не противъ идей.

Македонскіе мятежники хотятъ трехъ вещей. Палата должна быть распущена, такъ какъ выборы производились не свободно. Кабинетъ долженъ выйти въ отставку, потому что онъ только игрушка въ рукахъ младотурецкаго комитета. Въ составъ новаго смѣшаннаго министерства должны войти представители обѣихъ партій, какъ „Единенія и прогресса", такъ и „Либеральнаго соглашенія".

Нѣтъ сомнѣнія, что правительство отвѣтитъ на эти требованія посылкой войскъ въ Монастырь. Упорный слухъ о томъ, что вали уже взятъ въ плѣнъ и городъ находится во власти возставшихъ войскъ, можетъ и не подтвердится. Но что внутреннее положеніе Турціи не лучше внѣшняго, это несомнѣнно, и даже если Монастырскій вали успѣлъ вовремя укрыться отъ мятежныхъ офицеровъ въ стѣнахъ своего дворца, положеніе отъ этого становится не многимъ лучше.

20 іюня.

Македонія и Албанія совсѣмъ заслонили всѣ остальные интересы. Идутъ бюджетныя пренія, развязный и лукавый Джавидъ-бей, министръ финансовъ, прославившійся очень неудачными заграничными займами, красуется на трибунѣ, доказывая все великолѣпіе оттоманскаго бюджета и кредита. Но все это пропускается мимо ушей, всѣ ловятъ другіе отклики и слухи, которые вотъ уже двѣ недѣли держатъ въ напряженіи здѣшніе политическіе круги. Даже война отодвинулась, отошла. О ней вспоминаютъ больше для того, чтобы покорить оппозицію за непатріотичность.

— Врагъ у воротъ, а вы смѣете бунтовать...

Но гдѣ и кто эти бунтари? Неизвѣстно. Если бы дѣло шло только о десяткѣ, даже о двухъ десяткахъ офицеровъ, которые ушли изъ Монастыря въ горы, то правительство, конечно, не проявляло бы столько нервности.

Въ томъ-то и бѣда нынѣшнихъ хозяевъ положенія, что они со всѣхъ сторонъ чувствуютъ къ себѣ наростающую враждебность, а врага лицомъ къ лицу не видятъ. И даже къ членамъ палаты, профильтрованнымъ сквозь всѣ зубья и заставы младотурецкихъ комитетовъ, относятся съ опаской и недовѣріемъ. Недавно былъ такой случай. Депутатъ, грекъ изъ Малой Азіи, проситъ слова. Джавидъ-бей подходитъ къ нему и спрашиваетъ:

— Вы о чемъ? Если хотите о томъ-то говорить, такъ не надо.

И грекъ не говорилъ о чемъ не надо. Это не свидѣтельствуетъ о его гражданскомъ мужествѣ. Но съ другой стороны, въ палатѣ такіе нравы, большинство ведетъ себя съ такой дикой непринужденностью, что на борьбу съ этимъ бóльшинствомъ греческой храбрости, конечно, не хватитъ. Если албанецъ, представитель племени извѣстнаго своей неустрашимостью и тотъ, не договоривъ рѣчи, покинулъ трибуну, чего ужъ ждать отъ людей, менѣе привыкшихъ къ воинскимъ подвигамъ.

Было это вчера, на засѣданіи, гдѣ Хаджи-Адиль-бей,

министръ внутреннихъ дѣлъ, проѣздившій съ комиссіей эту весну три мѣсяца по Македоніи и Албаніи, давалъ объясненія на запросъ албанскихъ депутатовъ. Безпросвѣтной наивностью, или цинизмомъ, вѣяло отъ его примирительной, все смягчающей рѣчи.

Конечно, бывали въ Албаніи драки и стычки, но стоитъ ли такъ громко кричать, когда убитыхъ всего 200 человѣкъ? Правда, населеніе чувствуетъ себя неважно и „тамъ, гдѣ проходили войска, жители изъ страха передъ солдатами бѣжали въ горы", но „все-таки, слѣдуя разумнымъ совѣтамъ, они опять постепенно спускаются и приступаютъ къ своимъ работамъ".

Развѣ не эпическимъ простодушіемъ полны слова министра? Точно онъ разсказываетъ не про давнюю часть имперіи, а про провинцію, только что покоренную. Но на этотъ разъ его рѣчь почему-то не вызвала никакихъ быстрыхъ острыхъ репликъ, на которыя такъ щедры оттоманскіе депутаты.

А вотъ рѣчи двухъ албанцевъ, Сюрейа-бея и Шахинь-бея, особенно перваго, прямо потонули въ репликахъ. Первый ораторъ упрекалъ правительство за то, что оно держитъ въ Албаніи 80.000 войскъ, создавая въ краѣ тяжкій, насильническій строй. Палата сразу заворчала.

— Вы напрасно раздражаете населеніе, въ сущности, лояльное,—продолжалъ Сюрейа-бей.—Зачѣмъ, напримѣръ, издавать фетву для рѣшенія вопроса объ албанской азбукѣ?

Это упоминаніе о фетвѣ привело большинство въ такую ярость, что депутату такъ и не дали договорить. Необыкновенно характерно для младотурецкихъ политическихъ нравовъ, что громче всѣхъ кричалъ Измаилъ-Хакки-Бабанъ-Задэ. Депутатъ съ этимъ длиннѣйшимъ, чисто-турецкимъ именемъ—человѣкъ въ здѣшнемъ мірѣ видный. Онъ очень близокъ къ комитету. Пишетъ въ „Taнинѣ" статьи по иностранной политикѣ, а сейчасъ, въ отсутствіи Гуссейнъ-Джахида, редактируетъ эту газету. Измаилъ-Хакки-Бабанъ-Задэ былъ уже разъ министромъ народнаго просвѣщенія и часто упоминается, какъ возможный министръ иностран-

ныхъ дѣлъ. Это не первый встрѣчный, и въ его словахъ и статьяхъ слышатся отголоски комитетскихъ настроеній.

Смыслъ фразы Сюрейа-бея, относительно албанской азбуки и фетвы состоялъ въ томъ, что нельзя чисто культурный вопросъ о томъ, какимъ алфавитомъ должны пользоваться албанцы, удобнымъ латинскимъ или неудобнымъ арабскимъ, рѣшать при помощи фетвы, (приказа Шейхъ-уль-Ислама). Въ отвѣтъ на это, совершенно разумное замѣчаніе, Измаилъ-Хакки Бабанъ-Задэ, охваченный врядъ ли искренней преданностью къ непогрѣшимости мусульманскаго первосвященника, крикнулъ:

— Какъ вы смѣете съ парламентской трибуны критиковать фетву!?

Произошелъ скандалъ и такой, что Сюрейа-бей даже на слѣдующій день, вспоминая въ разговорѣ со мной о своемъ уходѣ съ трибуны, волновался:

— Я человѣкъ нервный, я не могу говорить рѣчи при такихъ условіяхъ, — жаловался онъ мнѣ, — но все равно, я по поводу бюджета скажу имъ все, что я обязанъ сказать отъ имени Албаніи.

Этотъ албанецъ представитель одного изъ самыхъ разбойничьихъ округовъ Турціи, но отнюдь не похожъ на разбойника. Это человѣкъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, въ хорошо сшитомъ сюртукѣ, съ отличнымъ изумрудомъ въ галстукѣ. Братъ извѣстнаго Феридъ-паши, великаго визиря, правившаго дѣлами при Абдулъ-Гамидѣ, какъ разъ тогда, когда младотурки объявили конституцію, онъ происходитъ изъ помѣщичьей семьи. Сюрейа-бей, одинъ изъ тѣхъ крупныхъ аграріевъ, которымъ принадлежитъ большинство земли въ Албаніи. Когда онъ, смакуя цифру, сказалъ размѣръ своихъ владѣній, получилось что-то похожее на Балашовскія земли. Только, въ противоположность Балашову, Сюрейа-бей находится въ острой оппозиціи къ правительству.

— До конституціи было лучше. Тогда мы всѣ ждали, что вотъ будетъ конституція, а теперь и надежды нѣтъ.

— Какія же ваши главныя неудовольствія?

— Прежде всего школы. Они насъ все время обманываютъ со школами. Тамъ, гдѣ обѣщали дать 1.200 лиръ, дали 200. Гдѣ 1.000—50. И все такъ. Существующія школы въ самомъ скверномъ видѣ. У насъ, въ Бэрратѣ, есть идадіэ (лицей), гдѣ подготовляютъ чиновниковъ. Въ этомъ лицеѣ нѣтъ не только учебныхъ пособій, но даже стульевъ. Ученики сидятъ на полу. Два года уже въ лицеѣ не проходятъ ни турецкій языкъ, ни литературу. Учителя нѣтъ. Чему же они научатъ будущихъ администраторовъ? А вы знаете, сколько они платятъ у насъ въ Албаніи народнымъ учителямъ? Семь—восемь меджидовъ въ мѣсяцъ (10—12 руб.). Квартиры не даютъ. Учитель ходитъ изъ дома въ домъ, какъ пастухъ. Гдѣ покормятъ, гдѣ спать уложатъ.

— Это въ турецкихъ школахъ, или въ албанскихъ?

— Конечно, въ турецкихъ. Албанскихъ школъ нѣтъ. Ихъ не позволяютъ открывать. И съ учебниками насъ притѣсняютъ, изъ-за азбуки. Вотъ изъ-за этой фетвы Шейхъ-уль-Ислама... Я о ней нѣсколько статей написалъ...

— То-есть о чемъ? Объ азбукѣ?

— Нѣтъ, — съ важностью возразилъ представитель Албаніи, и, съ трудомъ подыскивая французскія слова, которыя его вообще плохо слушались, пояснилъ: — О фетвѣ, я опровергъ Шейхъ-уль-Ислама съ богословской точки зрѣнія. Доказывалъ, что въ коранѣ объ азбукѣ ничего не сказано. Я изучалъ теологію. Я, собственно, профессоръ...

— Гдѣ же вы профессорствуете?

— Нигдѣ. Но я могъ бы быть профессоромъ.

— Ахъ, да, такъ...

Въ Турціи ко многому привыкаешь, и такія заявленія уже выслушиваешь безъ улыбки. Сюрейа-бей продолжалъ:

— Мы должны получить право учиться по-своему. Намъ нужны школы и дороги. Намъ нужны чиновники изъ мѣстныхъ людей.

— Хаджи-Адиль такъ долго объѣзжалъ вашъ край, говорилъ о реформахъ. Теперь вамъ, вѣроятно, все это дадутъ?

— Хаджи-Адиль! — пренебрежительно усмѣхнулся албанецъ.—Онъ честный, неглупый человѣкъ. Онъ 8 лѣтъ слу-

жилъ у меня. Я его и вытащилъ. Оттого онъ и въ палатѣ такъ передо мной, — онъ втащилъ голову въ плечи, точно прячась.—Онъ хорошій человѣкъ и я не жалѣю, что помогъ ему подняться. Но что же онъ можетъ сдѣлать?

— Вы полагаете, что правительство ничего не можетъ сдѣлать?

— Ничего.

— Значитъ, вы надѣетесь только на смѣну кабинета?

— Ну, конечно!

— Но вѣдь и новый кабинетъ будетъ въ рукахъ комитета?

— А тутъ ужъ на помощь должны придти войска, — живо отвѣтилъ албанецъ.

— Какъ войска?! Да вѣдь въ войскахъ движеніе подавлено?

— Ну, этого я не знаю. Въ этомъ я не увѣренъ,—еще живѣе отвѣтилъ Сюрейа-бей, и сразу спохватился.—А, впрочемъ, я не знаю. Я ничего не знаю...

Но мнѣ и этого было довольно, чтобы лишній разъ почувствовать всю хаотичность турецкой политики.

Тутъ и національныя требованія, и раздраженіе богатаго аграрія, которому конституція дорого стоитъ и шеріатъ, за который хватается бывшій министръ просвѣщенія, съ одной стороны, представитель оппозиціи, съ другой, и требованія школьныхъ и дорожныхъ ассигновокъ и напряженное выжиданіе военнаго переворота. Недовольство правительствомъ горитъ въ каждомъ словѣ. Но сами такіе господа, что они принесутъ странѣ, если имъ удастся столкнуть все менѣе и менѣе популярныхъ младотурокъ и сѣсть на ихъ мѣсто? Вѣдь нѣтъ у нихъ никакого государственнаго багажа, никакихъ политическихъ мыслей, а только голая жажда власти, пожалуй, еще болѣе примитивная, чѣмъ властолюбіе теперешнихъ заправилъ.

---

29 іюня.

Военный переворотъ, пронунціаменто, революція,—эти слова такъ и жужжатъ кругомъ. Со дня на день ждутъ

катастрофы и ждутъ не безъ злорадства. Якобинство комитета всѣмъ надоѣло, и если офицерство дѣйствительно сплотилось, чтобы свергнуть „десятокъ проходимцевъ“, какъ называетъ албанская прокламацiя младотурокъ, то вѣроятно новыхъ хозяевъ ждетъ трiумфъ, хотя бы и кратковременный.

Но именно „если“. Тамъ гдѣ идетъ подпольное дѣйство, гдѣ плетутся сѣти какого-то заговора, точныхъ подсчетовъ силъ быть не можетъ, а слухи, предположенiя и намеки неизбѣжны. Заговоръ несомнѣнно существуетъ. Въ прошломъ году весной, полковникъ Садыкъ-бей, одинъ изъ офицеровъ, водворявшихъ въ 1908 году конституцiю, поссорился съ комитетомъ. Въ Турцiи политическiя связи и репутацiи вырастаютъ не столько изъ идей и программъ, сколько изъ-за личныхъ счетовъ и голоднаго честолюбiя. Такъ было и тутъ. Разойдясь съ недавними товарищами, Садыкъ-бей постарался еще осенью 1911 г. сплотить оппозицiю въ палатѣ. Онъ крестный отецъ партiи „Либеральнаго соглашенiя“. Недовольствуясь открытой работой, онъ одновременно агитировалъ среди офицерства и въ концѣ-концовъ въ этой средѣ нашелъ болѣе сильное, чѣмъ въ парламентѣ, оружiе для своихъ цѣлей. Офицеры, въ особенности молодые, болѣе образованные и отзывчивые, очень горячо относятся къ политикѣ. Они всѣ патрiоты. Быть не патрiотомъ также неприлично, какъ быть трусомъ. Война и связанныя съ ней униженiя поколебали довѣрiе къ „Единенiю и прогрессу“. Садыкъ-бей и его единомышленники сумѣли использовать эту перемѣну въ настроенiи, и армiя утратила свою преданность правительству.

Комитетъ и послушный ему кабинетъ, заметались, отыскивая на что опереться. Придумали запоздалый законъ о запрещенiи офицерамъ заниматься политикой. И промахнулись, переоцѣнили свои силы. Въ отвѣтъ на новый законъ изъ офицерскихъ рядовъ раздался грозный ропотъ. Не только въ провинцiальныхъ войскахъ, но и въ самомъ константинопольскомъ гарнизонѣ. Перепуганный кабинетъ выбросилъ въ качествѣ очистительной жертвы Махмудъ-

Шефкета. Сдѣлано это такъ поспѣшно, что даже другого министра на его мѣсто не приготовили и въ моментъ войны, на радость врагу, военное вѣдомство остается безъ руководителя.

Никто не идетъ на этотъ постъ. Предлагали бывшему багдадскому губернатору, Назимъ-пашѣ, но онъ вѣжливо поблагодарилъ. Хотѣли предложить командующему войсками въ Смирнѣ, Абдулъ-пашѣ. Оказалось, что онъ въ дружбѣ съ оппозиціоннымъ офицерствомъ и, того и гляди, займетъ мѣсто не военнаго министра, а военнаго диктатора.

Спокойно и равнодушно толкуютъ здѣшніе политики, что, если оппозиція не шутя возьметъ верхъ, то самымъ вліятельнымъ вожакамъ-младотуркамъ не сдобровать. Теперешнимъ министрамъ сулятъ висѣлицу. Трудно сочетается представленіе о парламентскихъ рѣчахъ, о европейской видимости этихъ министровъ съ такимъ чисто азіатскимъ концомъ ихъ политической карьеры. Но по турецкимъ нравамъ можно и этому повѣрить, можно и этого ожидать. Пока въ Турціи культурна только внѣшность. Да и этой внѣшности едва хватаетъ на Константинополь. Привычка къ насилію сидитъ прочно. Уваженіе къ человѣческой личности ничтожно. И накопилось много ненависти. Очень ужъ вызывающе и властно правитъ комитетъ.

Но слухи идутъ дальше. Въ придворныхъ кругахъ поговариваютъ, что Решадъ V слишкомъ уступчивъ, слишкомъ поддается комитету. Пора посадить на священный тронъ халифовъ другого султана, помоложе и потверже. Наслѣдный принцъ Юсуфъ Изэтдинъ черезчуръ дружитъ съ младотурками. Надо шагнуть черезъ него и возвести на престолъ слѣдующаго наслѣдника, принца Абдулъ-Меджида (здѣсь наслѣдованіе переходитъ не по прямой линіи, а къ старшему въ родѣ). Онъ, повидимому, близокъ съ заговорщиками и не прочь ускорить свое воцареніе на тронъ халифовъ.

Эти разговоры ведутся совсѣмъ подъ сурдинку и въ прокламаціяхъ, которыя ходятъ по рукамъ среди солдатъ и офицеровъ, о сверженіи султана нѣтъ рѣчи. Но уже

одно то, что въ албанскомъ воззваніи нѣтъ обычныхъ увѣреній въ преданности Решаду V, показываетъ, что и его популярность пошатнулась. Младотурки, падая, могутъ увлечь за собой и этого добродушнаго, преданнаго интересамъ Оттоманской Имперіи, султана.

— — —

8 іюля.

— Ну, на этотъ разъ тонемъ,—сказалъ на-дняхъ Талаатъ-бей, проходя въ кулуарахъ палаты мимо группы депутатовъ.

Это было передъ самой отставкой кабинета. Талаатъ-бей человѣкъ рѣшительный, дѣятельный и упорный. Ужъ если онъ вслухъ признался, что гибель близка, значитъ власти комитета „Единенія и Прогресса", дѣйствительно, приходитъ, конецъ. И событія послѣднихъ дней показали, что центръ политической тяжести все быстрѣе и быстрѣе перекатывается въ другую сторону. Какая-то паника чувствуется въ воздухѣ, всѣ нервничаютъ, оглядываются, ждутъ новыхъ событій. Вчера въ городѣ пронесся слухъ, что офицеры устроили митингъ въ Айя-Софіи и уже перепуганные сенаторы собирались посылать къ нимъ парламентаріевъ. Къ счастью, кто-то догадался предварительно телефонировать изъ сената, расположеннаго на Босфорѣ, въ редакцію „Танина", помѣщающуюся въ Стамбулѣ, недалеко отъ Айя-Софіи. Оттуда отвѣтили, что никакого митинга нѣтъ.

Собственно, и безъ телефона можно было сообразить, что офицерамъ незачѣмъ сейчасъ устраивать собранія и демонстраціи. Они и такъ хозяева положенія. Еще дня два-три тому назадъ, когда кабинетъ только что ушелъ, нельзя было понять, кто же держитъ въ своихъ рукахъ руль государственной власти? Вѣдь кабинеты смѣнялись и раньше, но комитетъ и выбиралъ и направлялъ новый составъ министровъ и великій визирь, кто бы онъ ни былъ, долженъ былъ ладить съ младотурками.

И теперь Хильми-паша, котораго уже прочатъ въ министры внутреннихъ дѣлъ, сказалъ одному иностранному корреспонденту:

— Ничего особенно не измѣнится. Младотурки по прежнему будутъ править.

Это было сказано въ серединѣ прошлой недѣли. Съ тѣхъ поръ событія развиваются и младотурки, повидимому, не шутя тонутъ. Греческія газеты, чувствуя, что начальство ушло, расхрабрились и смѣлѣе говорятъ о томъ, о чемъ велѣно было молчать. Они уже печатаютъ, что жизнь Талаатъ-бея и Джавида въ опасности. Тотъ же слухъ упорно держится въ политическихъ кругахъ. Отвѣтственная комитетская газета „Танинъ" совершенно сбилась съ тона и печатаетъ какія-то несвязныя статьи о томъ, что нѣтъ надобности, нѣтъ законнаго основанія распускать палату.

Палата, которую неожиданная отставка кабинета, послѣдовавшая тотчасъ послѣ министерской деклараціи и вотума довѣрія, поставила въ самое глупое положеніе, безсильно мечется и ищетъ возможности уцѣлѣть. Въ субботнемъ засѣданіи одинъ изъ бывшихъ министровъ, близкій къ комитету армянскій депутатъ Халаджіанъ, предложилъ, чтобы кабинетъ явился объяснить свои поступки. Другой армянинъ, вліятельный и дѣльный дашнакцутюнъ Варткесъ, возразилъ, что нечего разговаривать съ министерствомъ, которое не только не считается съ палатой, но, явно обмануло ее, выступивъ съ ложной деклараціей, изобразившей все въ розовомъ свѣтѣ.

Придетъ ли Саидъ-паша снова въ парламентъ, захочетъ ли онъ лукавыми словами прикрыть катастрофичность положенія, или нѣтъ, во вскомъ случаѣ, депутаты должны чувствовать, что вмѣстѣ съ комитетомъ идутъ ко дну и они.

Недаромъ еще въ первомъ ультиматумѣ, присланномъ македонской арміей, членовъ парламента называютъ не депутатами, а чиновниками, назначенными комитетомъ. Съ тѣхъ поръ однородныя ультиматумы присланы султану офицерской организаціей изъ Салоникъ, изъ Смирны, наконецъ, тѣ же требованія раздались въ константинопольскомъ гарнизонѣ. Напрасно султанъ спѣшно выпустилъ увѣщательное ирадэ и заставилъ своихъ генераловъ прочесть его во

всѣхъ казармахъ. Организація „Единеніе и родина“, какъ назвала себя новая военная партія, отвѣтила на султанскія увѣщанія повтореніемъ своихъ требованій. Вчера вечеромъ бывшій морской министръ Хуршидъ-паша и другіе высшіе военные чины, объѣзжавшіе казармы, вернулись въ Ильдизъ-Кіоскъ съ новымъ офицерскимъ адресомъ. Говорятъ, что султанъ не принялъ двухъ изъ посланныхъ, но остальныхъ принялъ и выслушалъ отъ нихъ все тѣ же условія съ прибавкой новаго—младотурецкихъ вожаковъ надо отдать подъ судъ.

Тонъ вчерашняго заявленія угрожающій.

„Если наши условія не будутъ выполнены, кровь прольется и вина въ этомъ падетъ не на насъ“,—говорятъ офицеры, еще недавно служившіе опорой младотурокъ.

Теперь у партіи „Единенія и Прогресса“ осталось только одно убѣжище—палата, гдѣ они и ихъ прямые ставленники представляютъ большинство. Чтобы удержать это послѣднее орудіе власти, партія готова на всѣ уступки. Въ послѣднемъ засѣданіи фракціи уже постановлено поддержать всякое министерство, какое составитъ Тевфикъ-паша, даже если онъ наберетъ его изъ членовъ оппозиціи, даже если онъ введетъ Кіамиль-пашу, самаго вліятельнаго врага младотурокъ. Палата приметъ любой кабинетъ, но при условіи, чтобы кабинетъ не распускалъ палату.

Повидимому, это напрасная надежда. Младотурки, утопая, увлекутъ за собой и теперешнюю палату, которую они съ такимъ неразсчетливымъ усердіемъ подтасовали на выборахъ. Конечно, турецкая политика полна сюрпризовъ и неожиданностей. Опытные люди даже теперь, когда кругомъ все трещитъ и валится, когда въ каждомъ шумѣ уже слышится многимъ начало революціонной канонады,—опытные люди даже теперь скептически качаютъ головой и совѣтутъ не торопиться съ заключеніями.

А все-таки офицеры оппозиціи сторожатъ входы и выходы злополучнаго Ильдизъ-Кіоска и безъ ихъ разрѣшенія не легко видѣть султана. И ведутъ они себя не только съ осторожностью и выдержкой знающихъ военную дисциплину

людей, но и съ увѣреннымъ сознаніемъ своей силы. Кровь, чью бы то ни было, они врядъ ли прольютъ. Но своего, вѣроятно, добьются, получатъ новое министерство, увидятъ новые выборы, быть можетъ, даже обрушатъ какія-нибудь кары на головы главныхъ руководителей „Единенія и Прогресса".

Что выиграетъ отъ этого Турція, вотъ вопросъ?

---

10 іюля.

Маленькій пароходъ, идущій на Принцевы острова, неуклюже выползъ изъ лодочной и пароходной толкотни Золотого Рога. Мраморное море отливало лиловыми сумеречными отблесками, зажигаясь на востокѣ первыми блестками восходящаго молодого мѣсяца. Романтической, туманной красотой былъ окутанъ мысъ Айванъ-Серайя, съ своими сѣрыми неровными крышами, куполами, башнями, между которыми темнѣли стрѣлы кипарисовъ и круглыя шапки вѣковыхъ чинаръ. Изломы византійскихъ стѣнъ подымались надъ моремъ, угрюмые и жалкіе остатки когда-то грозныхъ защитныхъ твердынь.

А наверху холма Айя-Софія подымала къ небу свой тяжелый, увѣнчанный куполомъ остовъ и минареты толпились, точно легкая, бдительная стража, поставленная надъ древнимъ городомъ. Сколько разъ около стѣнъ Софійскаго собора плескали волны разбушевавшагося человѣческаго моря, сколько разъ разноязычное войско императоровъ, то опираясь на народъ, то вопреки его волѣ, мѣняло здѣсь своихъ владыкъ. Страстная борьба честолюбивыхъ вождѣній, борьба за власть безграничную, часто кончавшуюся не только паденіемъ, но такимъ же безграничнымъ позоромъ и мученіями, застилаетъ кровавымъ туманомъ всю исторію Восточной имперіи. Зловѣщимъ наслѣдствомъ достается она туркамъ-побѣдителямъ, водворившимъ золотой полумѣсяцъ на безчисленныхъ церквяхъ православной Византіи.

Гиды, съ снисходительной улыбкой людей XX вѣка, показываютъ туристамъ на мѣстѣ, гдѣ когда-то блестѣлъ

мраморными плитами Форумъ Августеумъ, два громадныхъ, обожженныхъ снизу платана.

— Здѣсь висѣли котлы, янычары варили себѣ обѣдъ. Это было очень давно,—поясняютъ гиды.

Еще и ста лѣтъ не прошло со времени истребленія янычаръ. Быстро шагаетъ на нашихъ глазахъ исторія. Но все-таки сто лѣтъ это уже не такъ много, не достаточно, чтобы стереть особенно крѣпкіе пережитки и традиціи.

Пароходъ медленно бѣжитъ по Мраморному морю. Стамбулъ уже горитъ первыми огнями, весь голубой отъ легкаго морского тумана. Лунный свѣтъ узкимъ золотымъ столбомъ тянется по водѣ, а на перерѣзъ ему стелется опаловыми отливами черная полоса дыма отъ нашего парохода. Точно призракъ, гонится за нами. Рядомъ со мной сидитъ самый прозаическій изъ всѣхъ турецкихъ государственныхъ дѣятелей, которыхъ я знаю, но и онъ съ удивленіемъ, точно первый разъ замѣтилъ, что существуютъ море, небо и луна, говоритъ по-французски:

— Однако, какъ это красиво!

Это Джавидъ-бей, министръ финансовъ и общественныхъ работъ, человѣкъ выдающихся способностей, составитель перваго турецкаго бюджета, сдѣлавшій много для улучшенія финансовой жизни имперіи и въ то же время самый непопулярный послѣ Талаатъ-бея, младотурокъ.

Они оба—настоящіе представители новой Турціи, развернувшей знамя борьбы съ лукавой властью чиновниковъ и ходжъ. Лѣтъ 15 тому назадъ, среди беззаконія и шпіонства абдулъ-гамидовскаго режима, вступили они на опасный путь борьбы за конституцію. Удачный переворотъ 1908 года вынесъ его и его товарищей наверхъ, отдалъ въ ихъ руки управленіе страной. Рискъ былъ большой, такъ какъ неудача стоила бы имъ жизни. А теперь, вчерашніе интеллигенты, мелкіе чиновники, кое какъ переколачивающіеся на 10—15 лиръ въ мѣсяцъ, вдругъ стали первыми людьми въ государствѣ.

Они принесли съ собой свѣжую энергію, лучшее знаніе народныхъ нуждъ, а, главное, искреннюю ненависть къ

старому режиму къ насильничеству и беззаконію. Все, что было въ Турціи еще способнаго къ честному патріотизму, съ надеждой и довѣріемъ сплотилось кругомъ партіи молодыхъ. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ страна, еще недавно погруженная въ летаргическій сонъ, жила свѣтлыми мечтами обновленія.

А потомъ началась обычная исторія. Старый порядокъ, при помощи своихъ приверженцевъ, сдѣлалъ попытку реставраціи. Она не удалась, но иллюзіи медоваго мѣсяца конституціи были разбиты. Младотурки, у которыхъ на время власть была вырвана изъ рукъ, теперь схватились за нее съ удвоенной жадностью и мало-по-малу опъянились безграничностью этой власти надъ страной, гдѣ еще нѣтъ ни организованнаго общественнаго мнѣнія, ни привычки къ политической самозащитѣ. Военное положеніе, нетерпимость къ печати, фальсификація выборовъ,—вотъ три ихъ главныхъ преступленія противъ конституціи, которую они же своими руками дали странѣ.

Молва приписываетъ имъ еще худшее. Говорятъ, что они не брезгали и политическими убійствами, при помощи наемниковъ устраняя опасныхъ враговъ. Дѣло Зеки-бея, дѣльца и журналиста, обличавшаго въ своей газетѣ убыточныя для Турціи кредитныя операціи Джавидъ-бея, до сихъ поръ остается темнымъ пятномъ на репутаціи комитета. Зеки-бей былъ убитъ. Судъ всю зиму держитъ двухъ неизвѣстныхъ молодцовъ на скамьѣ подсудимыхъ. Изъ-за ихъ истощенныхъ лицъ общественное мнѣніе старается разглядѣть истинныхъ зачинщиковъ. И прежде всего называютъ имя Джавидъ-бея.

Сколько разъ, вглядываясь въ его некрасивое, самоувѣренное лицо, съ вѣчной улыбкой, похожей на гримасу, хотѣлось мнѣ угадать насколько эти слухи справедливы. Въ этомъ честолюбивомъ, маленькомъ человѣчкѣ, когда онъ говоритъ передъ палатой, щеголяетъ золотымъ мундиромъ на придворныхъ выходахъ, красуется передъ иностранными журналистами, всегда свѣтится все еще ненасыщенное тщеславіе и самолюбованіе. Возможно, что именно эти лич-

ныя свойства раздражали враговъ больше, чѣмъ политика, возмущали сильнѣе, чѣмъ политическія убійства, такъ какъ въ Турціи на нихъ все-таки смотрятъ сквозь пальцы.

Теперь власть ушла отъ младотурокъ. Понемногу выросла другая политическая группа, которая сумѣла послѣ долгой борьбы сбить противниковъ съ позиціи. Можетъ быть, потому, что люди часто хорошѣютъ отъ неудачи, или потому, что, подводя итоги своей борьбѣ и работѣ, Джавидъ вспомнилъ тѣ идеалы, съ которыми много лѣтъ тому назадъ вступилъ въ политику, но отставка сразу сдѣлала его серьезнѣе и проще.

— Теперь мы будемъ отдыхать, пусть они дѣйствуютъ, — иронически улыбаясь, говоритъ онъ.

— Кажется большинство новыхъ министровъ въ такомъ возрастѣ, когда уже пора отдыхать?

— Да, это кабинетъ стариковъ. Вѣроятно, мы были слишкомъ молоды для Турціи. У насъ среднiй возрастъ 35—40 лѣтъ, а у нихъ—70. Кіамиль-пашѣ даже 90.

Разговоръ шелъ еще наканунѣ опубликованія новаго списка. Отъ Джавида мы только что узнали, что Гази Ахмедъ-Мухтаръ-паша назначенъ визиремъ, но такъ какъ въ теченіи нѣсколькихъ дней назначенія, имена и слухи кружились, какъ осеннія листья, мы все еще не вѣрили.

— А Кіамиля не сдѣлаютъ визиремъ?

Джавидъ-бей быстро повернулся въ мою сторону.

— Нѣтъ!—энергично, почти укоризненно возразилъ онъ,— это невозможно.

Мы поняли, что это былъ бы слишкомъ тяжелый ударъ. Вѣдь подъ визиратомъ Кіамиль-паши реакціонеры устроили мартовскій переворотъ и когда войска Махмудъ-Шевфекта заняли столицу, великій визирь чуть не попалъ подъ военный судъ. Это врагъ, подлинный врагъ, умный, вліятельный и безпощадный.

— Нѣтъ, нѣтъ, Кіамиль только войдетъ въ кабинетъ,— самъ себя успокаиваетъ Джавидъ-бей.—И, вообще, вся эта теперешняя министерская комбинація не можетъ долго продлиться. Мѣсяца на два ихъ хватитъ.

— А если они распустятъ палату?

— Нѣтъ никакого законнаго основанія. Роспускъ такъ обставленъ, что это не легко. Мы возились мѣсяцъ, чтобы распустить ее.

— Джавидъ-бей, а вѣдь греческія газеты говорятъ, что вашъ кабинетъ будетъ отданъ подъ судъ?

Онъ пренебрежительно пожалъ плечами, но въ маленькихъ, темныхъ глазахъ пробѣжала тревога.

— За что? За нами нѣтъ никакихъ преступленій. Это все голый bluff, такой же bluff, какъ слухи о военной организаціи. Вѣдь въ концѣ концовъ все дѣло въ полсотнѣ недовольныхъ офицеровъ. Если бы у насъ былъ хорошій военный министръ, ничего подобнаго бы не случилось. Порядокъ былъ бы ужъ возстановленъ.

Мы вѣжливо молчимъ. Слишкомъ ужъ явно звучитъ въ этихъ словахъ желаніе уцѣпиться за иллюзію даже теперь, когда все потеряно, по крайней мѣрѣ на время потеряно.

При той увѣренности въ правотѣ своего якобинства, которая окрашивала всю дѣятельность младотурокъ, они конечно, могли отступить только передъ силой. И эта сила явилась въ лицѣ военной организаціи, руководила которой группа оппозиціонныхъ политиковъ, съ Садыкъ-беемъ во главѣ. Они вернули къ власти старыхъ слугъ Абдулъ-Гамида, заслуженныхъ пашей, которымъ всѣмъ вмѣстѣ гораздо больше лѣтъ, чѣмъ самой Оттоманской имперіи. Эти люди вчера торжественно въѣзжали въ Блистательную порту и толпа радостно привѣтствовала ихъ, какъ избавителей и освободителей. Особенныя оваціи выпали на долю Кіамиль-паши.

Софты, мелкіе чиновники и торговцы, запрудившіе улицы кругомъ Порты, упорно поддерживали слухъ, что Кіамиль назначенъ великимъ визиремъ. Старикъ, опять добившійся положенія, принималъ это какъ должное. Какъ истинно-турецкій сановникъ, онъ ко всему привыкъ. При Абдулъ-Гамидѣ бывалъ великимъ визиремъ, но бывало, что впадалъ и въ немилость и спасался отъ убійцъ султана въ англійскомъ посольствѣ, съ которымъ и до сихъ поръ сохранилъ

особенную дружбу. Потомъ могъ ждать отъ младотурокъ и суда, и удара изъ-за угла. А теперь опять вознесся надъ ними и можетъ быть самъ отдастъ ихъ подъ судъ.

Такъ крутится и крутитъ человѣческія жизни колесо турецкой исторіи. Новые хозяева уже смѣняютъ чиновниковъ, отставили префекта въ Стамбулѣ, больше того— убрали старшихъ полицейскихъ, замѣнивъ ихъ офицерами. Чистка пойдетъ теперь и по провинціи и по министерствамъ, гдѣ почти всѣ должности заняты младотурками. А кого же посадятъ на ихъ мѣсто? Тоже старыхъ, еще при Абдулѣ служившихъ чиновниковъ?

Въ то же время военное положеніе въ Константинополѣ снято, съ албанцами и повстанцами, которыхъ они сами же и подбили на возстаніе, уже заключенъ миръ и греческія газеты, сладкой улыбкой привѣтствующія побѣдителей, провозглашаютъ новую эру свободы, равенства и братства.

Принесутъ ли Турціи эти гражданскіе дары престарѣлые воспитанные Абдулъ-Гамидомъ сановники, получившіе теперь власть? Врядъ ли. Но пока Стамбулъ, точно большой ребенокъ, радующійся всякому событію, настроенъ празднично.

А все-таки, во время обычнаго тріумфальнаго въѣзда въ Блистательную Порту новаго кабинета, нашелся смѣлый жандармскій офицеръ, который вмѣсто привѣтствія крикнулъ вновь назначенному кабинету:

— Долой слугъ Абдулъ-Гамида!

---

17 іюля.

Политическій кризисъ, который разыгрывается сейчасъ въ Турціи и держитъ въ нервномъ состояніи не только турецкихъ общественныхъ дѣятелей, но и европейскихъ дипломатовъ, безжалостно вскрываетъ внутреннюю безпомощность и неприспособленность страны къ новымъ политическимъ формамъ.

На смѣну правившимъ четыре года младотуркамъ какъбудто выдвигается другая сила. Много ошибокъ, много про-

ступковъ числится въ политическомъ балансѣ „Единенія и Прегресса“. Они не сумѣли привлечь къ себѣ не-турецкія національности, натворили глупостей въ Албаніи, увлеклись якобинствомъ, тратили такъ много силъ на борьбу съ противниками, что на реформы не хватало энергіи.

Но все-таки въ этомъ печальномъ балансѣ есть и активъ. Введеніе всеобщей воинской повинности, основанной на равенствѣ національностей, упорядоченіе сбора податей, урегулированіе бюджета, наконецъ, заботы о народномъ образованіи и замѣна старыхъ дореформенныхъ администраторовъ новыми людьми, способными уважать законъ и человѣческую личность, — все это несомнѣнныя заслуги партіи Иттахада.

Есть еще одна заслуга, которую до сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ мало цѣнятъ. Уніонисты, создавъ несомнѣнно сильную и организованную партію, заронили въ инертную, сонную массу первые навыки къ организованной, общественной жизни, къ сознательной и дѣятельной партійности.

Новый кабинетъ, состоящій не только изъ враговъ младотурокъ, но въ значительной степени и изъ враговъ „Молодой Турціи“, въ своей деклараціи съ явной злобой подчеркиваетъ партійность своихъ предшественниковъ. Для этихъ людей, выросшихъ въ бюрократическихъ привычкахъ, самое понятіе партіи чуждо, и политическая партія кажется имъ политической преступницей.

Представитель парламентскаго большинства, лидеръ младотурецкой фракціи, сразу услыхалъ это въ деклараціи и принявъ вызовъ, съ гордостью сказалъ:

— Да, мы партія. А вы кто? На кого вы опираетесь? Какую часть населенія, какія идеи вы представляете?

Парламентская встрѣча старой и новой Турціи съ самаго начала до конца была похожа на поединокъ. Недаромъ Кабинетъ Гази-Мухтара-паши былъ составленъ подъ давленіемъ военныхъ угрозъ.

Всю недѣлю въ воздухѣ пахнетъ вооруженнымъ столкновеніемъ, такъ какъ въ войскахъ, говорятъ, не мало сто-

ронниковъ младотурокъ. По улицамъ днемъ и ночью разъѣзжаютъ патрули. Единственный буферъ, который удерживалъ враждующія стороны отъ физическаго способа дѣйствія, это парламентъ, являвшійся, даже при низкомъ турецкомъ уровнѣ общественности, отдушиной, дававшей болѣе человѣческій исходъ политическимъ страстямъ.

Но въ небольшомъ бѣломъ дворцѣ, гдѣ засѣдалъ парламентъ, настроеніе было въ послѣдніе дни такое напряженное, что казалось, будто искры летали надъ всѣми этими красными фесками и бѣлыми тюрбанами. Депутаты начинали злиться еще на улицѣ. Правительство зачѣмъ-то окружило палату солдатами, точно въ ней собираются не народные представители, а албанскіе мятежники.

— Вы это зачѣмъ же солдатъ поставили? Насъ боитесь, что ли?—презрительно спросилъ Талаатъ-бей военнаго министра.

— Это не я, это не я... Это министръ внутреннихъ дѣлъ потребовалъ, — отрекся Назимъ-паша.—Я велю, чтобы ихъ убрали.

И распорядился, чтобы солдаты не лѣзли на глаза, а попрятались по сосѣднимъ дворамъ.

Въ невысокой, полутемной, подпертой деревянными колонками передней, замѣняющей кулуары, иностранные журналисты и драгоманы всѣхъ посольствъ старались узнать отъ депутатовъ, чѣмъ все это кончится. Что правительство хочетъ найти предлогъ для роспуска, а младотурецкое большинство не хочетъ дать этотъ предлогъ, это уже всѣ знали. Весь вопросъ былъ въ томъ, какъ далеко пойдетъ уступчивость однихъ и агрессивность другихъ.

И, странное дѣло, все чаще и чаще раздавалось въ депутатскихъ группахъ имя Абдулъ-Гамида. Утромъ, въ одной изъ французскихъ газетъ появилось интервью съ Джавидъ-беемъ, гдѣ онъ прямо заявлялъ, что албанцы хотятъ вернуть на престолъ развѣнчаннаго султана. Въ кулуарахъ шли дальше, утверждали, что и новый кабинетъ хочетъ того же. Сверженный, дряхлый, почти потерявшій въ своемъ заключеніи разсудокъ, султанъ опять отвратительнымъ грознымъ

призракомъ пугаетъ воображеніе общественныхъ дѣятелей. Абдулъ-Гамидъ—это символъ жестокостей и безправія, распада и гибели, и уже то, что новому кабинету депутаты приписывали такіе планы, является показателемъ, какая пропасть лежала между только что составленнымъ кабинетомъ и палатой.

Въ деклараціи, которую съ турецкимъ спокойствіемъ прочелъ отъ имени кабинета великій визирь, не было обычныхъ пышныхъ словъ о неизмѣнной преданности и вѣрности царственной особѣ благополучно царствующаго Решада V. Точно и нѣтъ въ глубинѣ Ильдизскихъ садовъ этого славнаго, добродушнаго старика, отъ котораго новый кабинетъ уже успѣлъ отнять двухъ его любимыхъ секретарей, слишкомъ преданныхъ комитету. Когда, въ разгарѣ преній, какой-то пылкій ходжа бросилъ кабинету упрекъ, что они гамидовцы, министры встали и обиженно ушли, но не протестовали. Между тѣмъ, на всѣ другіе упреки Хильми-паша отвѣчалъ очень быстро и рѣшительно, сразу прерывая оратора, даже слегка сталкивая его съ каѳедры, какъ это вообще принято въ плохо дисциплинированномъ турецкомъ парламентѣ.

Партія младотурокъ проявила больше выдержки. Вся декларація правительства была разсчитана такъ, чтобы вызвать конфликтъ. Никакой программы, никакихъ государственныхъ идей въ нее не было вложено, только критика прежняго правительства. И сразу же Хильми-паша, который, несомнѣнно, стоитъ сейчасъ во главѣ кабинета, еще подбросилъ пороху. Было внесено предложеніе отложить пренія до слѣдующаго дня, чтобы хорошенько обдумать правительственную декларацію.

— Правительство должно сегодня же получить отъ васъ отвѣтъ. Положеніе не терпитъ промедленій. Мы къ вечеру должны знать, принимаете вы нашу декларацію или нѣтъ,— рѣзко и рѣшительно заявилъ Хильми-паша.

Палата закипѣла. Депутаты повскакали съ мѣстъ. Всѣ кричали. Мелькали кулаки, качались кисточки фесокъ, чалмоносцы развѣвали въ воздухѣ свои широкіе, поповскіе ру-

кава. Талаатъ-бей взбѣжалъ на трибуну и весь блѣдный, съ несвойственной ему нервностью, заявилъ:

— Народъ живетъ среди революціи. Въ такой моментъ мы, его представители, должны исполнить свой долгъ до конца. Кабинеты Кіамиля-паши, Хильми-паши, Хакки-паши, Саидъ-паши, одинъ за другимъ опирались на партію „Единенія и Прогресса". Теперь мы должны отдать народу отчетъ во всей нашей дѣятельности. Никто не можетъ помѣшать намъ исполнить этотъ долгъ до конца.

Это было сказано сильно и красиво. Но всѣ послѣдующія событія бурнаго парламентскаго дня не соотвѣтствовали этому первому, энергичному жесту младотурецкаго вождя, и поэтому лучше было бы ему этихъ словъ не говорить. Выгоднѣе было быстрѣе и добровольнѣе дать тотъ вотумъ довѣрія, который къ вечеру Хильми-паша прямо вырвалъ у большинства.

Въ концѣ концовъ никто изъ ораторовъ „Единенія и Прогресса" не выступилъ съ обѣщанной политической рѣчью, обвиненія, брошенныя правительствомъ, остались безъ отвѣта, и томительные часы, проведенные въ парламентѣ, были сплошь наполнены бурными, но мелкими препирательствами. На депутатскихъ скамьяхъ у правительства не было сколько-нибудь значительныхъ сторонниковъ. Самый толковый изъ нихъ былъ молодой албанецъ, Шахинь-бей, но такъ какъ албанцы сейчасъ являются въ рукахъ новаго правительства главнымъ революціоннымъ оружіемъ, при помощи котораго они борются съ младотурками, то рѣчь Шахинь-бея не могла имѣть обще-политическаго значенія. Главный ораторъ либеральной партіи, простодушный дуракъ Галибъ-бей. Его слова вызывали только смѣхъ, пока онъ не заявилъ, что теперешній кабинетъ посланъ Турціи самимъ Аллахомъ.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить,—закричалъ вдругъ съ мѣста высокій здоровенный ходжа,—развѣ Гази-Мухтаръ-паша пророкъ!

И всѣ ходжи со всѣхъ сторонъ подняли благочестивый крикъ.

Другой разъ на трибунѣ былъ ходжа, сторонникъ комитета.

— Если всѣ народы, — курды, арабы, армяне — будутъ бунтовать, какъ албанцы...—сказалъ онъ.

Четыре албанскихъ депутата вскочили и застучали пюпитрами.

— Мы не бунтуемъ, мы требуемъ того, на что имѣемъ право,—закричалъ Сурейа-бей.

Ту же оцѣнку дѣйствій албанскихъ вождей услышалъ парламентъ изъ устъ самого Хильми-паши. Лидеръ младотурецкой фракціи старался заставить кабинетъ принять два условія: что кабинетъ обязуется сохранить полностью суверенитетъ султана въ Триполѣ и отвергнетъ незаконныя и недопустимыя требованія албанцевъ.

Хильми-паша торопливо вскочилъ и заявилъ:

— Албанцы не предъявляли намъ рѣшительно никакихъ незаконныхъ требованій, а если предъявятъ, мы ихъ отвергнемъ.

Позже дипломаты толковали эти слова какъ уступку младотуркамъ за счетъ албанцевъ, но сидѣвшіе со мной рядомъ, въ ложѣ журналистовъ, албанцы отнеслись къ этому иначе и остались довольны.

Съ напряженнымъ, страстнымъ вниманіемъ слѣдили они за преніями. При этихъ словахъ представителя министерства, глаза ихъ загорѣлись отъ удовольствія, а одинъ даже не удержался отъ апплодисментовъ.

Это были выхоленные, отлично одѣтые, надушенные люди, съ брилліантовыми булавками, съ толстыми золотыми цѣпочками на безукоризненныхъ модныхъ жилетахъ. Они все время любезно переводили мнѣ слова ораторовъ, старались привлечь мои симпатіи на сторону и кабинета, и своего албанскаго движенія.

— Въ чемъ ваше главное недовольство младотурками? — спросила я ихъ.

— Мы всѣмъ недовольны. Они хотѣли отобрать оружіе отъ населенія, уничтожить обычное право, по которому албанцы всегда управлялись, собирать налоги по своему.

— Но вѣдь государство вынуждено собирать налоги?

Въ темныхъ глазахъ моихъ собесѣдниковъ мелькнула усмѣшка.

— Ну, да, я ихъ все-таки и плачу. Мое имѣніе на югѣ. Мы болѣе цивилизованы, мы платимъ. А горцы, тѣ не платятъ, — уклончиво отвѣтилъ молодой помѣщикъ, братъ депутата Шахинь-бея.

Ихъ отецъ былъ при Абдулѣ-Гамидѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ и оставилъ сыновьямъ громадныя помѣстья.

— Чѣмъ же горцы живутъ?

Опять та же усмѣшка.

— Разбойничаютъ,—сорвалось у одного.

— Ну, и охотой,—поправилъ другой.

Мнѣ было трудно удержаться отъ смѣха.

— Тогда, конечно, имъ нѣтъ разсчета отдавать оружіе.

— Ну, конечно,—живо подтвердилъ албанецъ,—да и безопасности въ горахъ нѣтъ, нельзя безъ оружія.

— А какой же у васъ порядокъ управленія, за который вы такъ держитесь?

Важный баринъ постарше, съ солиднымъ и рѣшительнымъ лицомъ, объяснилъ мнѣ:

— Народомъ правимъ мы, дворяне. Земля принадлежитъ главнымъ образомъ намъ. Но крестьянамъ у насъ отлично живется. И повинуются они намъ безпрекословно. Если, напримѣръ, кого-нибудь убьютъ, братъ убитаго приходитъ къ намъ, къ вождямъ, и приноситъ жалобу. Мы постановляемъ, что домъ преступника будетъ сожженъ, а самаго преступникъ можетъ убить каждый, кто хочетъ. И я вамъ ручаюсь, что этотъ домъ будетъ сожженъ, а преступникъ наказанъ.

Онъ съ гордостью засмѣялся и поправилъ бѣлой рукой, съ отлично обточенными ногтями, изящнѣйшій галстухъ.

Глядя на этихъ типичныхъ, оттоманскихъ аграріевъ, больше вѣрилось въ смутные толки о возрожденіи гамидовцевъ. Вѣдь главный вождь албанцевъ, Исса Болетинацъ, о которомъ такъ много пишутъ и телеграфируютъ, бывшій стражникъ бывшаго султана. Онъ былъ просто разбойни-

комъ, кого то рѣзалъ, гдѣ-то въ Албаніи грабилъ. Изъ такихъ людей Абдулъ-Гамидъ и составлялъ свою дворцовую гвардію. Исса Болетинацъ былъ призванъ, прослужилъ нѣсколько лѣтъ, накопилъ денегъ и уѣхалъ въ Албанію. Тамъ онъ насильно отобралъ помѣстье у какого-то злосчастнаго землевладѣльца. Обиженный пробовалъ жаловаться. Султанъ велѣлъ прекратить дѣло. Черезъ нѣсколько лѣтъ Исса Болетинацъ снова поступилъ во дворецъ и служилъ до самаго паденія Абдулъ-Гамида. Теперь онъ ведетъ албанскія банды противъ младотурецкаго правительства.

И когда албанскій вопросъ, запутанный, осложненный и дикостью албанцевъ, и скрещиваньемъ въ тѣхъ мѣстахъ интересовъ сербовъ, болгаръ, грековъ, такъ императивно встаетъ въ палатѣ, сразу чувствуется, что не въ албанцахъ тутъ дѣло.

Передъ нами все та же борьба стариковъ и молодыхъ, борьба Турціи умирающей съ Турціей, жаждущей возрожденія. Сейчасъ старики взяли верхъ. Хильми-паша чувствуя за собой поддержку офицерскихъ организацій настойчиво и высокомѣрно заставилъ большинство палаты пройти подъ ярмомъ, принять его условія:

— Мы требуемъ принятія всей деклараціи безъ оговорокъ и довѣрія ко всему кабинету цѣликомъ.

И, несмотря на то, что злобой и негодованіемъ дышало каждое слово представителей большинства, довѣріе они все-таки вотировали.

Говорятъ, что младотурки поступили такъ отчасти подъ вліяніемъ арабовъ. Ихъ 30 человѣкъ. Они пригрозили отколоться, если не будетъ вотума довѣрія, а большинство сейчасъ избѣгаетъ всякихъ расколовъ. Вѣрнѣе, что комитетъ просто нашелъ для себя пока невыгоднымъ вступать въ конфликтъ и создать законный предлогъ для роспуска палаты. Кабинетъ думаетъ, внести новый законопроектъ о порядкѣ роспуска. Если его примутъ, палата будетъ распущена на основаніи новаго закона, по волѣ султана. Если не примутъ, она все-таки будетъ распущена за то, что не приняла. Такъ или иначе, судьба палаты рѣшена.

23 іюля.

Изо дня въ день, часами сторожили дипломаты и журналисты, чѣмъ разрѣшится борьба между палатой и кабинетомъ и все-таки не усторожили. Кризисъ разыгрался въ воскресенье, когда всѣ, спасаясь отъ городской жары, разбѣжались по очаровательнымъ окрестностямъ Константинополя. Городъ былъ пустъ. Въ это время великій визирь собралъ сенатъ на экстренное засѣданіе и предложилъ особое толкованіе статьи о роспускѣ. Предыдущій составъ депутатовъ былъ распущенъ за два мѣсяца до срока. По мнѣнію кабинета, нынѣшній составъ долженъ только досидѣть эти два мѣсяца и затѣмъ полномочія его считаются исчерпанными.

Хотя среди сенаторовъ большинство противниковъ младотурокъ, но такой пріемъ и для нихъ показался недостаточно убѣдительнымъ. Закрытое засѣданіе началось въ часъ дня, а только въ 9 часовъ вечера великій визирь отвезъ въ Ильдизъ-Кіоскъ резолюцію господъ сенаторовъ. Большинствомъ 25 противъ 5 согласились они съ толкованіемъ кабинета. Даже Махмудъ-Шефкетъ-паша, такъ недавно нанесшій младотуркамъ coup de grâce, воздержался отъ голосованія.

Въ офиціальномъ сообщеніи сказано, что Гази-Мухтаръ паша повергъ рѣшеніе верхней палаты „къ праху ногъ феникса". За этой восточной почтительностью къ высокой особѣ падишаха плохо скрывается диктаторское обращеніе новыхъ хозяевъ съ слабохарактернымъ, старымъ Решадомъ V. Онъ теперь у нихъ въ рукахъ, творитъ ихъ волю и никто изъ возведшихъ его на престолъ младотурокъ ни разу не обмолвился о немъ горькимъ словомъ. Всѣ знаютъ, что нѣтъ у него ни силы, ни власти. Но врядъ ли кто знаетъ за кѣмъ сейчасъ настоящая сила?

При первыхъ встрѣчахъ парламента съ новымъ кабинетомъ, народные представители какъ будто уступали и даже отступали. А въ субботу они вдругъ перемѣнили тонъ и выступили съ рѣзкой интерпелляціей по поводу отношеній

между кабинетомъ и военной лигой. Въ запросѣ прямо указывалось на дружбу военнаго министра Назима-паши съ мятежными офицерами.

Правительство не явилось для отвѣта на этотъ запросъ, а Назимъ-паша обѣщалъ придти въ четвергъ, черезъ четыре дня, совсѣмъ также какъ Столыпинъ, уже имѣя роспускъ въ карманѣ, обѣщалъ въ первой Думѣ выступить съ объясненіемъ по бѣлостокскому погрому.

— Мы свергли правительство,—съ гордостью бросилъ сегодня утромъ какой-то депутатъ журналистамъ.

А другой, болѣе осторожный и болѣе опытный, задумчиво сказалъ намъ:

— Ну, теперь революція въ разгарѣ.

— То-есть, какъ? Драться на улицахъ будете?

— Можетъ быть и будемъ. Во всякомъ случаѣ, добромъ у насъ не кончится.

Депутаты, послѣ горячей, приподнятой рѣчи Джавидъ-бея, только что высыпали въ кулуары. Такъ какъ правительство не прислало съ утра ирадэ о роспускѣ, то младотурки рѣшили пойти навстрѣчу и сами отвергли правительство, вотируя ему недовѣріе. Телеграмму великаго визиря Халилъ-бей вскрылъ уже послѣ вотума. Она была адресована на имя „бывшаго“ предсѣдателя парламента и извѣщала о томъ, что правительство въ часъ явится объявить роспускъ.

„Можете не являться. Мы голосовали вамъ недовѣріе. Вы больше не правительство“, отвѣтилъ предсѣдатель.

Воинственная приподнятость царила въ кулуарахъ. Талаатъ-бей, улыбающійся и довольный, спокойно отвѣчалъ на вопросы журналистовъ.

— Конечно, мы не будемъ ихъ слушать. Мы уходимъ и вернемся когда будетъ другой кабинетъ.

— А если они все-таки придутъ?

— Это ихъ дѣло,—пожимаетъ онъ плечами,—для насъ они больше не правительство.

А для кабинета депутаты больше не парламентъ. Положеніе во всякомъ случаѣ оригинальное и не шуточное. Во-

кругъ парламента по всѣмъ дворамъ войска. Патрули попадаются на каждомъ шагу. Абдулахъ-паша, командиръ войскъ въ Смирнѣ телеграфируетъ, что если палата не будетъ распущена, онъ двинетъ солдатъ на столицу. Вокругъ Стамбула происходятъ офицерскіе митинги. Въ одномъ мѣстѣ собираются сторонники младотурокъ, въ другомъ, такъ называемые, либералы, хотя либеральнаго духа въ настоящемъ составѣ кабинета, не много. Наконецъ, сегодня утромъ къ предсѣдателю парламента явились представители флотскихъ офицеровъ. Они заявили отъ имени своихъ товарищей, что въ политику вмѣшиваться не считаютъ себя въ правѣ и пока борьба партій носитъ характеръ парламентскій они останутся въ сторонѣ отъ нея. Но какъ только они убѣдятся, что конституціи грозитъ опасность, тогда ихъ обязанность защищать права народа съ оружіемъ въ рукахъ.

Все это звучитъ очень благородно, но вопросъ въ томъ, есть ли за этими делегатами реальная сила? Сколько у нихъ товарищей? Вообще количественное распредѣленіе военной, вѣрнѣе офицерской силы между обѣими воюющими сторонами, вотъ главная загадка, надъ которой всѣ ломаютъ себѣ голову, но опредѣленнаго никто ничего не знаетъ, ни даже, кажется, сами стороны.

По той бодрой увѣренности, которая царила сегодня на лицахъ депутатовъ, можно подумать, что они чувствуютъ за собой силу и не считаютъ еще свою игру проигранной.

Но какъ же думаютъ они дѣйствовать? Правительство замѣняетъ не только плохихъ, но просвѣщенныхъ, хорошихъ чиновниковъ и губернаторовъ своими ставленниками. Вынуждены были уйти въ отставку такіе популярные люди, какъ губернаторъ Пера, человѣкъ необычайной честности, много претерпѣвшій отъ гамидовскихъ гоненій, и не менѣе его популярный губернаторъ Багдада. Теперь, когда кризисъ принялъ такой острый характеръ, надо ждать личныхъ преслѣдованій противъ выдающихся дѣятелей „Единенія и Прогресса". Чѣмъ же партія, такъ долго стоявшая у власти, отвѣтитъ на это? Большинство думаетъ, что комитетъ

будетъ выжидать, такъ какъ непопулярность либераловъ растетъ очень быстро. Но хватитъ ли у нихъ выдержки на такое ожиданіе?

Съ утра слова: „выборгскій манифестъ“ вертятся у всѣхъ на якыкѣ. Никто не знаетъ въ какомъ тонѣ онъ будетъ составленъ, но всѣ увѣрены, что насильно, не конституціоннымъ, способомъ распущенная палата, слѣдуя примѣру русскихъ депутатовъ, обратится непосредственно къ народу, чтобы объяснить ему своё поведеніе.

Во всей этой путаной и страстной политической борьбѣ европейскіе дипломаты сохраняютъ, конечно, наблюдательную нейтральную позицію. А все-таки общественное мнѣніе, глядя на составъ нынѣшняго кабинета, довольно единодушно предполагаетъ, что безъ содѣйствія англичанъ Кіамиль-паша не обошелся.

ГЛАВА VI.

Главари [1]).

Гуссеинъ Джахидъ-бей.—Джавидъ-бей.—Талаатъ-бей.

Даже въ европейскихъ государствахъ, гдѣ къ сознательной и дѣятельной жизни привлечены широкіе слои, привыкшіе участвовать въ политическомъ и соціальномъ строительствѣ своей родины, личность вождей имѣетъ огромное значеніе, не только отражая создавшую ихъ среду, но и направляя мысли, стремленія, волю своихъ согражданъ въ ту или другую сторону. Тѣмъ болѣе сильно значеніе отдѣльныхъ людей въ такой странѣ какъ Турція, гдѣ тонкій слой образованности, чаще всего внѣшней, даже не прикрываетъ общую неподвижность массъ. Точно чаща дремучаго лѣса стоитъ косная коллективная психологія народная, воспитанная на слѣпомъ уваженіи къ мертвой буквѣ религіи, на подозрительности и недовѣрчивости къ перемѣнамъ, къ движенію, къ росту и на такомъ же слѣпомъ почтеніи къ власти. И все это при полномъ отсутствіи навыковъ къ самодѣятельности. Въ Турціи нѣтъ ни земскаго, ни городского самоуправленія, этой начальной школы, гдѣ граждане проходятъ букварь политической грамотности.

Сочетаніемъ между инертностью и безсознательностью широкихъ массъ и вытекающимъ отсюда отсутствіемъ коллективнаго начала въ руководящихъ кругахъ и объясняется

---

[1]) Эта глава написана мною для настоящей книги. Мнѣ казалось необходимымъ суммировать разбросанныя въ моемъ дневникѣ, а отчасти и въ памяти, факты и впечатлѣнія, дающія характеристику тѣмъ, кто и сейчасъ держитъ въ своихъ рукахъ политику Турціи.

та легкость, съ которой младотурки соскользнули съ провозглашеннаго ими вначалѣ правового пути. Вступивъ на политическую арену, они какъ будто понимали значеніе общественнаго мнѣнія, пытались опираться на него, старались его пробудить, создать, оформить. Но эта работа оказалась имъ не по плечу. Не хватило ни знанія, ни выдержки, ни, что самое главное, моральной устойчивости. Противуконституціонный мятежъ сторонниковъ Абдулъ-Гамидовскаго режима развязалъ имъ руки и далъ внѣшнее оправданіе диктаторскимъ пріемамъ младотурокъ.

Въ то же время, сознавая свою слабость, шаткость своего положенія, неподготовленность къ широкой государственной и административной работѣ, младотурки не только не порывали съ видными сановниками, управлявшими страной, при свергнутомъ султанѣ, но именно изъ ихъ среды выбирали всѣхъ великихъ визирей и часть министровъ. Среди пожилыхъ, часто дряхлыхъ, пашей и визирей, унаслѣдованныхъ отъ Абдулъ-Гамида, младотурки по внѣшнему виду прежде всего производили впечатлѣніе молодости. Въ 1908 г. совершили переворотъ люди, изъ которыхъ большинству едва минуло 30 лѣтъ. Энверъ-бей былъ даже моложе. Гусейнъ-Джахидъ, объясняя мнѣ пестроту кабинета и администраціи, съ горечью говоритъ:

— Мы не можемъ поступать иначе. Наше большинство въ палатѣ это одинъ призракъ. У насъ страшно мало людей. Мы беремъ ихъ отовсюду и среди своихъ, и среди чужихъ. Одинъ и тотъ же человѣкъ несетъ нѣсколько обязанностей. Мехметъ-Эдинъ-бей, вали Эрзерума, въ то же время статсъ-секретарь морского министра. Нерѣдко мы беремъ на службу на отвѣтственныя мѣста, явныхъ сторонниковъ стараго режима, просто потому что они лучше насъ знаютъ искусство управленія. Вы думаете намъ это пріятно?

Онъ смотритъ на меня своими ласковыми, черными, блестящими глазами и я вижу, что онъ искренно не понимаетъ глубину политическаго безсилія и недомыслія, заключающагося въ такихъ признаніяхъ.

Изъ всѣхъ младотурокъ-политиковъ, съ которыми мнѣ

приходилось столько разъ встрѣчаться, Гуссейнъ-Джахидъ, редакторъ „Танина—оффиціальнаго органа Иттихада, больше всего вызывалъ во мнѣ и довѣрія, и симпатіи.

Ему только 35 лѣтъ, но красивое, правильное лицо уже тронуто ранней обрюзглостью, благодаря чисто восточному отвращенію къ движенью, къ физическому усилію. Хотя голова у него не лѣнивая, работаетъ хорошо. Говоритъ Гуссейнъ-Джахидъ просто, неторопливо, безъ фразъ и красованій. Очень часто его умное, спокойное лицо свѣтится легкой, насмѣшливой улыбкой скептика. По складу своей натуры онъ прежде всего наблюдатель и поэтъ, спокойный созерцатель, котораго судьба поставила на горячіе уголья отвѣтственной и неблагодарной политической работы.

Сынъ небольшого турецкаго чиновника, Джахидъ считаетъ себя настоящимъ туркомъ, хотя и говоритъ, что въ немъ есть кровь польской плѣнницы, когда то похищенной изъ Каменецъ-Подольска. Онъ родился и выросъ въ Стамбулѣ. Учился въ мюлькіэ. Это привеллигированная школа для подготовки чиновниковъ, вродѣ нашего лицея. Только такъ какъ въ Турціи нѣтъ дѣленія на сословія, то поступить въ нее можетъ каждый, кто сдастъ экзаменъ.

О своемъ ученіи Гуссейнъ-Джахидъ говоритъ съ усмѣшкой и считаетъ что школа почти ничего ему не дала. То немногое, что онъ знаетъ, онъ почерпнулъ изъ запретныхъ французскихъ книгъ, которыя приходилось читать украдкой, такъ какъ Абдулъ-Гамидъ ненавидѣлъ книги и умѣлъ расправляться съ читателями. Любовь къ французскому языку, къ французской культурѣ, свойственная, за малыми исключеніями, всѣмъ образованнымъ туркамъ, да и вообще жителямъ Леванта, наложила очень ясный отпечатокъ на кружокъ Гуссейнъ-Джахида. Кружки, школьные и просвѣтительные, сыграли большую роль въ пробужденіи младотурчества. Любовь къ родинѣ, отвращеніе къ деспотизму, жажда свободы и подвига, мятущееся сознаніе своей силы, вотъ тѣ общія чувства, которыя сплачивали юношей, запертыхъ подъ холодными сводами мюлькіэ. У нихъ не было руководителей. Не было предшествующей имъ культурной работы надъ

изученіемъ Турціи. Поэтому ихъ стремленія были или теоретическими, или подражательными на западный ладъ. А жизнь кругомъ была такъ не похожа на то, чего уже достигла Европа. Даже литературы, понятной народу, не было еще въ Оттоманской имперіи. Кружокъ Гуссейнъ-Джахида мечталъ прежде всего о литературной славѣ. Писали стихи, вели горячіе споры о преимуществахъ стихосложенія, о необходимости создать самостоятельную турецкую литературу, освободить ее отъ мертвящей власти арабскихъ формъ. На ряду съ этимъ нарождалось смутное тяготѣніе къ болѣе справедливому строю жизни.

— Мы мечтали уѣхать въ Новую Зеландію,—разсказывалъ Гуссейнъ-Джахидъ съ той немного снисходительной и все-таки неудержимо нѣжной улыбкой, съ которой люди вспоминаютъ красивыя увлеченія молодости,—хотѣли купить землю и сами ее обрабатывать. Денегъ ни у кого изъ насъ не было. Тогда одинъ изъ товарищей продалъ помѣстье. На эти деньги мы и должны были отправиться въ путь. И Джавидъ-бей собирался ѣхать съ нами. Но такъ мы никуда и не поѣхали.

Юношескія соціальныя фантазіи остались неосуществленными. Литературныя мечтанія, оказались гораздо жизненнѣе, такъ какъ въ кружкѣ молодежи нашлись люди съ подлиннымъ писательскимъ дарованьемъ. Едва-ли не первое мѣсто среди нихъ занялъ Гуссейнъ-Джахидъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ турецкихъ писателей, которые дѣлаютъ большую культурную работу, освобождая родную литературу отъ арабскихъ словъ и оборотовъ. Блестящій стилистъ, Гуссейнъ-Джахидъ пишетъ и разсказы, и публицистику живымъ и понятнымъ разговорнымъ языкомъ. Это дѣлаетъ его доступнымъ широкимъ массамъ, которыя не могли одолѣть прежнюю, изысканную литературу, полную чуждыхъ имъ арабизмовъ.

Его выбрали депутатомъ отъ Константинополя, но рѣчей онъ никогда не произносилъ.

— На трибунѣ я безпомощенъ какъ ребенокъ,—смѣясь признавался Гуссейнъ-Джахидъ.

Онъ вообще не говорунъ. Больше любитъ слушать, и только изрѣдка вставить свое слово.

Живетъ онъ въ центрѣ Стамбула въ небольшомъ домѣ, гдѣ помѣщается также типографія и редакція. Постукиваютъ машины, пахнетъ краской. Сторожъ бѣжитъ съ сырой гранкой корректуры. На головѣ сторожа краснѣетъ феска, но все тѣ же знакомыя подробности газетной суеты напоминаютъ, что главный будильникъ западной жизни — пресса, уже и въ Стамбулѣ не даетъ людямъ спать.

По узкой лѣстницѣ ведетъ насъ служитель на верхъ. Онъ привыкъ къ тому, что франки часто жалуютъ въ гости къ Джахидъ-эффенди. И дипломаты и въ особенности журналисты, и заѣзжіе профессора, часто встрѣчались въ маленькомъ непритязательномъ кабинетѣ, гдѣ самый вліятельный въ Турціи публицистъ сидитъ за дешевымъ, письменнымъ столомъ и быстро, справа налѣво, покрываетъ арабской скорописью узкія полоски бумаги. Около него этажерка съ книгами, почти исключительно французскими, гдѣ рядомъ съ романами стоятъ сочиненія по политическимъ, бюджетнымъ, парламентскимъ вопросамъ. Вѣдь этому всему долженъ онъ поучать непривычныхъ къ сложной государственной работѣ соотечественниковъ, долженъ въ ежедневныхъ статьяхъ популяризировать основныя познанія о законахъ, о парламентѣ и цравѣ.

На стѣнѣ висятъ дешевыя фотографіи съ картинъ европейскихъ художниковъ. Двѣ, три статуетки на полкахъ. Все такъ, какъ могло бы быть въ рабочей комнатѣ любого скромнаго западнаго писателя. Ничего дорогого, броскаго, слишкомъ моднаго.

Просто жилъ Гуссейнъ-Джахидъ и также просто, безъ всякаго красованія, встрѣчалъ онъ своихъ посѣтителей. Спокойно и внимательно, какъ истинный турокъ, выслушивалъ онъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ съ подкупающей искренностью. Онъ зналъ себѣ цѣну, но никогда не важничалъ, не напускалъ на себя значительности или таинственности, которую такъ любятъ люди, близкіе къ власти.

— Право мы, младотурки, не такъ плохи какъ про насъ

говорятъ, — съ своей обычной, слегка насмѣшливой улыбкой говорилъ новымъ пріѣзжимъ Гуссейнъ-Джахидъ.—Во многомъ мы ошибались. Вы найдете что критиковать. Но попробуйте понять трудности нашего положенія и постарайтесь быть справедливыми.

Онъ самъ, среди кружковыхъ столкновеній и дрязгъ, на которыя такъ быстро размѣнялась парламентская жизнь Турціи, умѣлъ больше другихъ сохранять чувство мѣры и справедливости. Въ „Танинѣ“ онъ былъ вынужденъ проводить взгляды комитета и поддерживать его. Но внутри партіи Гуссейнъ-Джахидъ боролся за болѣе правильные способы политической работы. Такъ напримѣръ, когда лѣтомъ 1912 г., младотурки потеряли власть и новый кабинетъ распустилъ палату, Гуссейнъ-Джахидъ поспѣшилъ прервать свою каникулярную поѣздку по Европѣ и, вернувшись въ Стамбулъ, горячо возражалъ противъ попытки произвести революцію. Даже „Танинъ“ пріостановилъ, такъ какъ считалъ себя не въ правѣ высказывать въ немъ свои личные взгляды, а печатать то, съ чѣмъ былъ не согласенъ, не хотѣлъ.

Но все-таки и у него не было подъ ногами настоящей, твердой идейной почвы.

Въ апрѣлѣ 1909 г. вспыхнула въ Константинополѣ контръреволюція, руководимая приверженцами не только Абдулъ-Гамида, но и стараго строя. Толпа, подъ предводительствомъ фанатиковъ ходжъ, разгромила редакцію „Танина“. Гуссейнъ-Джахиду пришлось спасаться бѣгствомъ. Его пріютили въ русскомъ посольствѣ, откуда, на русскомъ же пароходѣ, переправили прямо въ Одессу, гдѣ онъ нѣсколько часовъ пользовался гостепріимствомъ генерала Толмачева.

Когда конституціонныя войска разбили анти-конституціоналистовъ и окончательно свергли Абдулъ-Гамида, Гуссейнъ-Джахидъ вернулся въ Стамбулъ и снова началъ издавать „Танинъ“. Его тогдашнія статьи дышутъ страстной злобой. Въ нихъ не только вполнѣ законное гражданское негодованіе, но и отголоски принижающей личной мстительности за пережитыя униженія и страхи. Со всей убѣди-

тельностью своего сильнаго публицистическаго таланта требовалъ онъ для сторонниковъ стараго режима суровыхъ репрессій, а для главарей — смертной казни. Эти статьи оставили темную тѣнь на его репутаціи прогрессивнаго общественнаго дѣятеля и гуманитарнаго писателя.

Тутъ проявились основные, такъ сказать, подсознательные навыки господствующаго, турецкаго народа. По натурѣ Гуссейнъ-Джахидъ мягкій и добрый человѣкъ, искренно считающій себя ученикомъ европейскаго гуманизма, но жестокая расправа съ врагомъ кажется и ему необходимой и естественной. Мысль о самодовлѣющей цѣнности человѣческой жизни чужда его душѣ, съ дѣтства впитавшей въ себя крѣпкія традиціи корана и шаріята. Какъ-то при немъ европейскіе журналисты заговорили съ отвращеніемъ о смертной казни. Гуссейнъ-Джахидъ слушалъ вѣжливо, но съ явнымъ равнодушіемъ. Потомъ сказалъ:

— Отъ чего вы такъ противъ смертной казни? Все-таки есть случаи, когда безъ нея нельзя. И потомъ развѣ лучше сажать людей надолго въ тюрьму? Ужъ проще сразу убить.

Нѣсколько голосовъ горячо запротестовали. Заговорили о морали, о правѣ на жизнь, о цѣнности человѣка. Гуссейнъ-Джахидъ опустилъ глаза и молчалъ. У него хватило искренности, чтобы не притворяться, будто мы его убѣдили своими доводами. Молча, но явно остался онъ при своемъ. А мы, европейцы, сразу ощутили грань между Западомъ и Востокомъ, которая отъ времени до времени давала о себѣ знать, даже при встрѣчахъ съ наиболѣе культурными турками.

Тотъ же самый Гуссейнъ-Джахидъ, въ самый разгаръ политической борьбы, вдругъ напечаталъ въ „Танинѣ", вмѣсто обычной боевой, направленной противъ оппозиціи, передовицы, фельетонъ о брошенномъ ребенкѣ, котораго онъ встрѣтилъ на улицѣ. Дѣтей онъ вообще любитъ и удивительно нѣжно относится къ собственному сыну. Мальчикъ иногда вбѣгаетъ въ кабинетъ, когда у отца дѣловые посѣтители.

— Это мой сынъ, — съ гордостью говоритъ Гуссейнъ-Джахидъ и обращается къ ребенку съ какой-нибудь ту-

рецкой фразой, ободряя его и улыбкой, и мягкимъ звукомъ голоса.

Жена Гуссейнъ-Джахида женщина необразованная, говоритъ только по-турецки и очень далека отъ тѣхъ сложныхъ интересовъ и переживанiй, въ которыхъ кипитъ ея мужъ. За предѣлами редакцiи его домъ живетъ по крѣпкимъ обычаямъ турецкой старины. Мелкiя рѣшетки на окнахъ краснорѣчиво говорятъ, о томъ, что дѣлаетъ его жену недоступной влiянiямъ внѣшняго мiра.

Блестящiй и удачливый, умный, талантливый, по своему добросердечный, Гуссейнъ-Джахидъ въ каждой странѣ могъ бы занять одно изъ первыхъ мѣстъ по тѣмъ природнымъ даннымъ, которыми наградила его судьба. Но та же судьба обездолила его, заставивъ родиться въ Турцiи XIX вѣка.

Полный благихъ желанiй, онъ опутанъ вязкой паутиной небрежности, незнанiя, легкомыслiя, поверхностной непривычки думать по настоящему и изъ своихъ мыслей дѣлать обязательные для жизни выводы. Онъ вкусилъ незабываемой отравы европейскаго мышленiя, но, стѣсненный убожествомъ турецкой школы, ревнивой скупостью обезумѣвшаго отъ деспотизма правительства, которое старалось не пропустить въ мозги своихъ подданныхъ ни знанiй, ни мыслей, онъ ничему толкомъ не научился. И прежде всего совершенно не знаетъ свою Турцiю. Впрочемъ, ее никто не знаетъ. Когда я пробовала разспросить Джахида какъ устроена турецкая деревня, какими обычаями или законами она управляется, редакторъ „Танина" слушалъ меня съ нѣкоторымъ удивленiемъ, точно изумленный тѣмъ, что это меня интересуетъ. Потомъ признался:

— Представьте себѣ, я никогда объ этомъ не думалъ. Знаете что, поѣдемте вмѣстѣ въ деревню, и будемъ изучать на мѣстѣ.

Настоящiй стамбулецъ, онъ при мнѣ первый разъ выѣхалъ въ Азiю, въ Адану и былъ пораженъ:

— Это удивительно, мы понятiя не имѣемъ, что такое Турцiя. Отличная страна...

Совсѣмъ иного склада школьный товарищъ Гуссейнъ-

Джахида, тоже одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ въ новой Турціи людей, нѣсколько разъ занимавшій постъ министра финансовъ, Джавидъ-бей. Среди турокъ, въ которыхъ всегда сквозитъ какая то своеобразная, подкупающая мечтательность, онъ прежде всего выдѣляется своей трезвостью и отсутствіемъ романтики. Это самый прозаическій изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ младотурокъ. Недаромъ онъ и взялъ себѣ самую трезвую область—бюджетъ. Джавидъ-бей вступилъ на путь конституціонныхъ конспирацій еще юношей лѣтъ двадцати. Вся страна кипѣла тогда Абдулъ-Гамидовскими шпіонами. Вмѣстѣ съ Талаатъ-беемъ работалъ Джавидъ надъ образованіемъ и укрѣпленіемъ конспиративной тогда партіи „Единенія и Прогресса“ и съ тѣхъ поръ не прерывалась между ними товарищеская связь.

Джавидъ-бей изъ Салоникъ. Онъ дунмэ, то есть принадлежитъ къ еврейской семьѣ, давно принявшей мусульманство. Окончилъ въ Стамбулѣ мюлькіэ; былъ сначала учителемъ, потомъ директоромъ коммерческой школы въ Салоникахъ.

Послѣ революціи 1908 г. онъ, вмѣстѣ съ другими заговорщиками, очутился у власти и крѣпко ухватился за нее. Послѣ давящаго, мрачнаго жестокаго деспотизма Абдулъ-Гамида страна была рада отдохнуть подъ новымъ конституціоннымъ управленіемъ, сулившимъ свободу, просвѣщеніе, законность. Но эти посулы не такъ легко было осуществить.

Быстро догорѣли праздничные огни. Партія „Единенія и Прогресса“ оказалась очень плохо подготовленной. Не было ни настоящаго плана, ни исполнителей. А тутъ еще старый порядокъ, при помощи своихъ приверженцевъ, сдѣлалъ попытку реставраціи. Она не удалась, но иллюзіи медоваго мѣсяца были разбиты. Младотурки съ удвоенной жадностью схватились за власть, опьянялись безграничностью ея въ странѣ, гдѣ не было ни организованнаго общественнаго мнѣнія, ни привычки къ политической самозащитѣ. Военное положеніе, нетерпимость къ печати, фальсификація выборовъ, двусмысленное поведеніе въ Македоніи и Арменіи, вотъ въ чемъ винятъ ихъ. Съ конституціоннымъ

знаменемъ въ рукахъ вышли они на политическую арену, и сами первые загрязнили его. Запятнали не только ложью, но и кровью. Дѣло Зеки-бея не единственное. Два банка конкурировали тогда изъ за крупнаго государственнаго займа. Честолюбивый и въ средствахъ неразборчивый Зеки-бей, велъ въ своей газетѣ кампанію противъ министра финансовъ и его способа заключать займы, посылалъ въ Салоникскій комитетъ обличительныя письма, опубликованныя на судѣ.

Уголовный конецъ борьбы двухъ банковскихъ дѣльцовъ изъ которыхъ одинъ былъ министромъ финансовъ, придаетъ ему достовѣрность. Зеки-бея застрѣлили изъ-за угла на улицѣ въ дачномъ мѣстѣ около Стамбула. На скамью подсудимыхъ попали черкесъ Ахмедъ и братъ одного бывшаго депутата, турокъ Мустафа. Свидѣтельскія показанія наводятъ на мысль, что это были только исполнители, а истинные виновники остались въ сторонѣ. При медлительности турецкаго правосудія вѣроятно сущность дѣла такъ и осталась необнаруженной.

Народная молва упорно называла имена Талаата и Джавида, какъ настоящихъ убійцъ.

Впрочемъ скептики говорили иначе:

— Если бы Зеки-бей былъ убитъ по волѣ комитета, совсѣмъ не было бы процесса. Вѣдь когда, еще до контръконституціонной попытки, былъ убитъ редакторъ оппозиціонной газеты „Сербести",—Хассанъ Фехми-бей, убійцы остались не открытыми. Но всѣ знали, что это дѣло комитета. Также и въ 1910 г., когда на мосту, днемъ, убили редактора „Сада-и-Милетъ", Ахмедъ-Самимъ бея. Его тоже убилъ комитетъ.

Эти, часто повторявшіеся слухи и обвиненія въ кровавой расправѣ съ политическими врагами, гораздо больше волновали европейцевъ, чѣмъ самихъ турокъ. Тамъ на такія дѣла смотрятъ сквозь пальцы, съ непонятной для христіанскаго сознанія снисходительностью. Но безтактности и невоспитанности не любятъ эти вѣжливые, осторожные на слова люди. Можетъ быть поэтому Джавидъ-бей популярностью и не пользовался.

А между тѣмъ это человѣкъ большихъ финансовыхъ способностей и умѣющій работать. Среди оттоманскаго безлюдья это что-нибудь да значитъ. Бывшій русскій посолъ въ Константинополѣ, Н. В. Чарыковъ, въ разговорѣ со мной, даже назвалъ Джавида „геніальнымъ финансистомъ". Опредѣленіе едва ли не преувеличенное, но, несомнѣнно, что у Джавидъ-бей есть свои бюджетныя заслуги.

Въ качествѣ профессора Стамбульскаго университета, онъ написалъ первый турецкій учебникъ политической экономіи, гдѣ помѣстилъ нѣкоторыя, довольно неточныя, но все-таки, статистическія данныя объ Оттоманской имперіи, въ которой еще никто не производилъ ни переписи, ни статистическихъ изслѣдованій. Даже для собственнаго правительства это обширная страна представляетъ terra incognita и каждыя сколько-нибудь точныя свѣдѣнія являются особенно цѣнными.

Джавидъ-бею пришлось быть также новаторомъ въ еще болѣе трудномъ дѣлѣ, въ составленіи перваго оттоманскаго бюджета. При старомъ режимѣ бюджета не полагалось. За 30 лѣтъ царствованія Абдулъ-Гамида два раза была напечатана роспись, да и то ее не опубликовали, а спрятали.

Въ первомъ турецкомъ парламентѣ Джавидъ-бей былъ предсѣдателемъ бюджетной коммисіи, на долю которой выпала честь составленія этого перваго турецкаго бюджета (1809 г.). Очень много сдѣлали для бюджетнаго почина армяне-депутаты. Они внесли въ работу бюджетной комиссіи дѣловитость, знаніе, освѣдомленность о парламентскихъ порядкахъ другихъ странъ. Но такъ какъ Джавидъ-бей былъ предсѣдателемъ комиссіи, то первый бюджетъ связали съ его именемъ. Въ основу ихъ работы легли данныя взятыя изъ Dette Publique, гдѣ часть государственныхъ поступленій и расходованій уже были зарегистрированы. Но въ общемъ парламенту пришлось имѣть дѣло съ какимъ то первозданнымъ хаосомъ. Джавидъ-бей несомнѣнно явился первымъ турецкимъ министромъ финансовъ, внесшимъ нѣкоторый порядокъ въ этотъ хаосъ, а также и въ самый способъ взиманія податей. Это не легко сдѣлать тамъ гдѣ до сихъ

поръ четвертую часть бюджета, составляетъ такъ называемая десятина (dîmes), то-есть натуральная земельная повинность. Опредѣленіе ея размѣровъ, порядокъ взиманія, затѣмъ превращеніе собраннаго въ деньги, т. е. распродажа хлѣба, риса, кукурузы и т. д.,—все это открываетъ просторъ для самыхъ разнообразныхъ видовъ злоупотребленій, мошенничества, взяточничества, а иногда и простого разбоя.

Джавидъ-бей говорилъ мнѣ, что болѣе упорядоченная система сборовъ, которую онъ ввелъ, а также меньшій произволъ чиновниковъ при новомъ строѣ, повысили приходъ. Цифры подтверждали его слова. Въ 1909 г. государственный доходъ равнялся 25 милліонамъ турецкихъ фунтовъ (фунтъ около 10 рублей), въ 1911 г.—30 милліонамъ.

Въ заслугу ему слѣдуетъ также поставить то, что въ качествѣ министра финансовъ, онъ упорно настаивалъ въ палатѣ на томъ, чтобы военный министръ, Махмудъ Шефкетъ паша, отдавалъ парламенту отчетъ въ военныхъ расходахъ. Печальное положеніе турецкой арміи въ войнѣ съ Балканскимъ Союзомъ, полная дезорганизація и нищета интендантства, показали, что настойчивость Джавидъ-бея имѣла основанія, о которыхъ онъ еще не смѣлъ во время Триполатанской войны говорить публично.

Хорошій ораторъ, по словамъ нѣкоторыхъ, даже блестящій ораторъ, Джавидъ-бей, часто и охотно выступалъ въ парламентѣ и принималъ всегда самое дѣятельное участіе въ бюджетныхъ преніяхъ. При частыхъ смѣнахъ кабинета, на которыя такъ расточительно тратились всѣ политическія силы страны, Джавидъ-бей то былъ министромъ, то снова только депутатомъ. Но всегда въ его возраженіяхъ замѣчаніяхъ, поправкахъ чувствовался человѣкъ, который знаетъ о чемъ говоритъ, знаетъ несравненно лучше чѣмъ тѣ, съ кѣмъ онъ говоритъ. Онъ старался научить невѣжественную, политически не воспитанную толпу депутатовъ основнымъ если не принципамъ, то пріемамъ парламентской жизни и работы. Помню одно мелкое, но характерное для турокъ парламентское столкновеніе.

Въ ноябрѣ 1911 г. министръ земледѣлія просилъ у отто-

манскаго парламента кредита, для помощи голодающимъ въ отдаленной провинціи, гдѣ то на границахъ Сиріи и Месcопотаміи. Красивый ходжа, въ кафтанѣ, съ бѣлой чалмой и длинной черной бородой, плавнымъ, звучнымъ голосомъ привычнаго проповѣдника, говорилъ вещи, вродѣ тѣхъ, что мы не разъ слышали отъ черносотенныхъ священниковъ депутатовъ. Ходжа доказывалъ что помогать не надо, такъ какъ крестьяне лѣнтяи, не хотятъ и не умѣютъ работать и правительственная подачка только хуже развратитъ ихъ.

Не успѣла замолкнуть его рѣчь, полная пышныхъ арабскихъ оборотовъ, такъ неразрывно связанныхъ со старой традиціонной Турціей, какъ маленькій Джавидъ-бей, въ пиджакѣ, въ красномъ галстухѣ, въ красной фескѣ, головномъ уборѣ, который какъ бы смягчаетъ непозволительное новшество европейскаго костюма, побѣжалъ къ трибунѣ. Его проворныя, суетливыя движенія, его быстрыя, нервныя слова, его салоникскій, рѣзко отчеканивающій, акцентъ, все было такъ несходно съ обликомъ предыдущаго оратора.

Джавидъ-бей рѣшительно и авторитетно отбросилъ доводы краснорѣчиваго ходжи. Когда народъ голодаетъ, правительство обязано придти къ нему на помощь, обязано просить на этотъ предметъ кредитъ у парламента. Но въ то же время представитель правительства также обязанъ заботиться о томъ, чтобы этотъ кредитъ и его расходованіе были обставлены конституціонными гарантіями. Между тѣмъ министерство земледѣлія сначала израсходовало деньги, а потомъ обратилось къ палатѣ. Поэтому Джавидъ-бей предлагаетъ въ кредитѣ отказать, а ассигновку провести въ порядкѣ законодательной инціативы.

Этотъ маленькій парламентскій инцидентъ характеризуетъ стремленіе турецкаго финансового дѣятеля подчеркнуть и передъ правительствомъ, и передъ народными представителями, что значитъ настоящій парламентаризмъ.

Сколько тутъ было показного, сколько подлиннаго, судить не берусь. Несомнѣнно, что по образованію, по

быстротѣ схватыванія, по знанію дѣла Джавидъ-бей стоитъ несравненно выше большинства своихъ политическихъ не только противниковъ, но даже единомышленниковъ. Государственника, съ опредѣленными и твердыми принципами, въ немъ тоже не было. Но ходячіе упреки въ корыстолюбіи и злоупотребленіяхъ не казались мнѣ убѣдительными.

Жилъ Джавидъ-бей тогда,—а это былъ уже четвертый годъ власти младотурокъ,—довольно просто, не такъ какъ живетъ большинство европейскихъ министровъ, тѣмъ болѣе министры финансовъ. Не было кругомъ него пышности важныхъ пашей и бековъ, разбогатѣвшихъ при старомъ режимѣ.

Джавидъ-бей занималъ въ Стамбулѣ, недалеко отъ Блистательной Порты, небольшой домъ особнякъ. Въ сѣняхъ, вмѣсто разнокалиберной челяди, необходимыхъ спутниковъ турецкаго великолѣпія, встрѣтила меня плохо одѣтая старуха. Вверхъ по лѣстницѣ провела она меня въ гостиную, убранную шаблонной, далеко не роскошной европейской мебелью. Самымъ наряднымъ и самымъ крупнымъ предметомъ въ комнатѣ, былъ большой, въ золотой рамѣ, писанный масляными красками, портретъ хозяина дома. Джавидъ-бей очень скоро вышелъ ко мнѣ и увидавъ, что я стою передъ портретомъ, съ довольной, тщеславной улыбкой, спросилъ:

— Хорошо? Правда, я похожъ?

Я съ трудомъ удержалась, чтобы не разсмѣяться. Но вѣдь такое же неприкрытое тщеславіе такъ часто приходится наблюдать и въ другихъ странахъ у крупныхъ людей, поднявшихся на эстраду, артистическую или политическую. Какую глубокую и прочную идейную основу надо имѣть для того, чтобы не поддаваться этой общечеловѣческой слабости. Откуда было взять это противоядіе въ Турціи?

Охотно и ловко отвѣчалъ министръ финансовъ на мои вопросы. Конечно, старался внушить мнѣ, какъ корреспонденткѣ русской газеты, что въ общемъ турецкія дѣла идутъ отлично, что война съ Италіей не вліяетъ на ихъ бюджетъ, что ростъ экономической жизни развивается правильно. Я

спрашивала, записывала и вспоминала тѣ, недружелюбные разсказы, которые я слышала о знаменитой поѣздкѣ Джавида-бея въ Парижъ для заключенія займа. Какъ онъ нанялъ въ одномъ изъ самыхъ дорогихъ отелей роскошное помѣщеніе, которое обыкновенно брали для себя коронованныя особы, держалъ себя заносчиво, требовалъ почета, спорилъ о мѣстахъ и приглашеніяхъ, точно русскій бояринъ московскаго періода.

Когда его спросили какія гарантіи онъ можетъ дать для займа, Джавидъ обидѣлся. Какія гарантіи? Онъ слава Богу министръ финансовъ великой державы, Оттоманской имперіи, а не какого-нибудь маленькаго княжества.

Ему отказали. Деньги онъ все-таки нашелъ, если не ошибаюсь у англичанъ, но на невыгодныхъ условіяхъ.

Конечно во всемъ этомъ была заносчивая неопытность вчерашняго учителя, сразу брошеннаго судьбой въ круговоротъ міровыхъ финансовыхъ сдѣлокъ. Но поѣздка въ Парижъ очень пошатнула популярность Джавида-бея. Тѣмъ болѣе что турки, привычные къ вѣковой продажности чиновниковъ, не допускали мысли, чтобы министръ финансовъ не извлекъ для себя никакой прибыли изъ такой поѣздки.

И съ Гуссейнъ-Джахидомъ и съ Джавидомъ намъ, франкамъ,—въ Левантѣ все еще зовутъ европейцевъ этимъ именемъ, оставшимся отъ крестовыхъ походовъ,—гораздо легче было и встрѣчаться, и разговаривать чѣмъ съ Талаатъ-беемъ.

Не знаю, умышленно или случайно, но онъ всегда какъ то прятался, становился во второй рядъ. Всѣ знали его роль, знали, что онъ въ комитетѣ самый опытный и ловкій организаторъ, что всѣхъ остальныхъ онъ держитъ въ рукахъ. Въ палатѣ, въ прессѣ, въ бесѣдахъ съ иностранными корреспондентами всегда выдвигались другіе, а Талаатъ-бей стоялъ въ сторонѣ. И оффиціально онъ числился только министромъ почтъ и телеграфовъ.

Но въ кулуарахъ палаты, въ этомъ длинномъ, съ деревянными колонками залѣ, устланномъ красными, толстыми коврами, когда Талаатъ стоялъ, окруженный депутатами,

всѣ слегка поворачивались въ ту сторону, знали, что тамъ центръ. Вѣдь въ парламентскихъ кулуарахъ всегда явственно ощущаются магнитные, центростремительные токи, въ серединѣ которыхъ стоитъ лидеръ.

Плотный, широкій, черноусый, съ выпуклыми черными глазами, съ лицомъ спокойнымъ и рѣшительнымъ, Талаатъ-бей былъ простъ до скромности и въ манерахъ, и въ рѣчахъ съ чужими. Особенно когда говорилъ по-французски. Не въ примѣръ большинству своихъ товарищей, онъ плохо зналъ этотъ языкъ. Учился въ школѣ въ Салоникахъ, откуда и былъ родомъ. Говорили что его мать была цыганка.

До революціи Талаатъ служилъ на почтѣ. Былъ маленькимъ незамѣтнымъ чиновникомъ, но уже подготовлялъ младотурецкое движеніе въ Македоніи. Энверъ-бей и Ніази-бей, молодые офицеры, двинувшіе свои войска на Константинополь, были только орудіями въ рукахъ этого молчаливаго и властнаго почтмейстера.

— Талаатъ-бей—настоящій патріотъ. Онъ человѣкъ горячій и честный. Онъ можетъ самъ убить, но подкупленнаго убійцу не подошлетъ.

Такъ характеризовалъ мнѣ его одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, который долго служилъ въ Константинополѣ и считался знатокомъ Турціи, въ особенности младотурокъ, съ которыми дружилъ. Мы говорили съ нимъ объ убійствѣ Зеки-бея. Дипломатъ допускалъ, что убійцы были подосланы Джавидомъ, но Талаатъ-бея защищалъ.

Позже, когда борьба Иттихада и Иттилафа разагорѣлась и Талаатъ-бей со всѣхъ сторонъ получалъ совѣтъ остерегаться убійцъ, мы могли убѣдиться, что онъ человѣкъ мужественный.

Одинъ мой пріятель, смѣясь, разсказалъ мнѣ, что наканунѣ, вечеромъ, когда уже звѣздная ночь спустилась надъ Стамбуломъ, онъ встрѣтилъ Талаата въ узкой, полутемной улицѣ. Онъ стоялъ около открытой мясной лавкѣ, кое-какъ освѣщенной керосиновой лампочкой, и покупалъ баранину.

— Что же вы тутъ ходите? Вѣдь въ этихъ запутанныхъ

переулкахъ васъ ничего не стоитъ убить. Говорятъ, оппозиція выслѣживаетъ васъ?—сказалъ ему мой знакомый.

Талаатъ съ улыбкой пожалъ плечами и отвѣтилъ по-турецки:

— Ну что-жъ... Судьба... Кисметъ.

Онъ тогда только что женился и, судя по разсказамъ пріятелей, былъ влюбленнымъ, внимательнымъ мужемъ. Настолько внимательнымъ, что даже самъ покупалъ ужинъ, чтобы избавить молодую жену отъ хозяйственныхъ заботъ.

Это было въ самый разгаръ политической борьбы, когда съ минуты на минуту ждали что офицерство, открыто поддерживающее оппозицію, опять устроитъ революцію, то-есть, по-просту говоря, перехватаетъ всѣхъ видныхъ младотурокъ и расправится съ ними по своему, по-турецкому. Дѣло шло уже не только о потерѣ власти, которую оппозиція выхватила, а о спасеніи жизни. Греческія газеты, неутомимые сплетники, злорадно писали какъ и куда попрятались видные младотурки.

Въ это время мы встрѣтили Талаата, среди бѣла дня, на мосту, который соединяетъ Стамбулъ съ европейскимъ кварталомъ. Онъ шелъ спокойно, неторопливо какъ человѣкъ, съ котораго сняли всѣ обязанности, которому некуда спѣшить.

— Что же вы такъ расхаживаете? Оппозиція въ газетахъ такъ открыто грозитъ вамъ.

Онъ улыбнулся своей всегдашней, непроницаемой улыбкой и отвѣтилъ намъ тѣмъ же любимымъ своимъ словомъ:

— Кисметъ.

Въ немъ это не старинный фатализмъ предковъ, а скорѣе вѣра человѣка, который знаетъ свою силу, и знаетъ что судьба любитъ сильныхъ.

Если Гуссейнъ-Джахидъ производилъ впечатлѣніе вдумчиваго публициста и даровитаго художника, а Джавидъ-бей ловкаго, умнаго и изворотливаго практика, то Талаатъ бей вызывалъ какое-то болѣе спутанное, сложное представленіе. Во взглядѣ его черныхъ, выпуклыхъ глазъ было что-то

тяжелое, угрюмое, даже когла онъ улыбался. Онъ не любилъ насъ, европейцевъ. И какъ патріотъ былъ правъ. Европа, конечно, явно забирала Турцію въ свои руки. Талаатъ не притворялся, не лгалъ, даже не особенно старался скрывать свое невѣжество. Когда молодые дипломаты ѣздили къ нему въ Порту изъ-за всякихъ путанныхъ дѣлъ между оттоманскимъ правительствомъ и европейскими подданными, Талаатъ-бей, все съ той же своей немного высокомѣрной улыбкой, говорилъ:

— А ты скажи, джанымъ, есть у насъ такой въ Турціи законъ или нѣтъ? Только говори правду, не надуй.

Самъ онъ законовъ не зналъ, да и не видѣлъ нужды для государственнаго дѣятеля ихъ знать. Энергичный, властный, несомнѣнно преданный своей странѣ, онъ самъ сталъ для нея закономъ.

Быть можетъ именно у Талаата сквозь тонкій налетъ младотурчества съ особой рѣзкостью выступаетъ жесткое лицо дряхлой Турціи.

А вѣдь онъ выразитель народной воли. И онъ явился истребителемъ армянскаго народа. Исторія этого истребленія—это написанный кровавыми буквами приговоръ младотуркамъ.

ГЛАВА VII.

Вмѣсто заключенія [1]).

Ни одно изъ государствъ въ Европѣ не можетъ похвалиться такимъ необычайнымъ и по красотѣ и по экономическимъ удобствамъ положеніемъ своей столицы, какъ Турція. Константинополь это—нервный узелъ для торговыхъ сношеній между южной Европой, западной Азіей и сѣверной Африкой. Изрѣзанные морскіе берега, вдоль которыхъ разсыпался громадный городъ, представляютъ изъ себя естественныя бухты, испоконъ вѣка привлекавшія къ себѣ разноплеменныхъ мореплавателей. Уже тысячу лѣтъ тому назадъ выгоды торговаго судоходства были такъ велики, что даже члены императорскаго дома не брезговали этимъ дѣломъ. Существуетъ легенда, что одинъ изъ византійскихъ императоровъ, любуясь изъ окна своего дворца на стаю парусныхъ галеръ, плавно входившихъ въ гостепріимную и глубокую заводь Золотого Рога, заинтересовался, кому принадлежитъ это богатство? Ему пояснили, что это личная собственность его царственной супруги. Императоръ разнѣвался и велѣлъ сжечь всю флотилію, такъ какъ заниматься торговлей не къ лицу женѣ Космократа.

Съ тѣхъ поръ рѣка времени многое смыла, многое измѣнила въ городѣ Константина. Люди, учрежденія, обычаи, языкъ, все стало иное. Только одна природа, прекрасная,

---

1) Статья эта, въ болѣе сжатомъ видѣ, была помѣщена въ приложеніи къ „Современному Слову“.

щедрая, солнечная, остается та же. Также серебрится и голубѣетъ море вокругъ извилистыхъ береговъ, гдѣ когда-то стояли мраморные виллы и дворцы западныхъ римлянъ, какъ упрямо до сихъ поръ зовутъ себя Византiйскiе греки. Теперь на этихъ берегахъ ютятся жалкiе, деревянные домишки, да изрѣдка раскинется, окруженный садомъ, чаще всего тоже деревянный, и грязный, и запущенный, въ самомъ своемъ великолѣпiи убогiй, дворецъ турецкаго принца или паши.

Но за то какъ красиво вздымаются надъ людскими жилищами величавыя линiи азiатскихъ горъ, какъ ласково манитъ глазъ зеленоватая нить прелестныхъ Принцевыхъ острововъ, какъ величаво и красочно горятъ надъ старымъ городомъ алыя, лиловыя, золотыя краски заката, съ четкими, черными стрѣлками минаретовъ и кипарисовъ, вздымающихъ къ вечернему небу свои гордыя очертанiя.

Щедрой богиней пришла въ эти края природа, она дала красоту, и тепло, и солнце, и плодородную мощную землю, но не умѣло и не складно живетъ на этой землѣ человѣкъ.

— Отчего вы не разведете сада?—спросили мы одного грека, владѣющаго живописнымъ участкомъ земли на Исмидскомъ заливѣ, на разстоянiи одного часа ѣзды отъ столицы.

Грекъ пожалъ плечами:

— Стоитъ ли разводить садъ, когда никто не знаетъ, что будетъ завтра?

Это общее настроенiе всей страны. Вся система управленiя, весь строй военно-клерикальной деспотiи такъ подорвалъ, такъ расшаталъ истощенныя силы народа, что предпрiимчивость его изсякла. Впрочемъ, въ экономическомъ отношенiи у господствующей народности этой предпрiимчивости и не было. Одной изъ причинъ надвигающейся гибели царства халифовъ является то, что турки жили въ странѣ, какъ завоеватели, а не какъ устоители ея. Въ пеструю смѣсь расъ, религiй и языковъ, составляющую населенiе громадной по пространству, раскинувшейся на три материка, Оттоманской имперiи, турки врѣзались какъ чужеядное тѣло и

такимъ и остались до сихъ поръ, не смотря на пять вѣковъ владычества. Всѣ народы въ свое время передвигались съ мѣста на мѣсто, завоевывали, вытѣсняли другъ друга. Кочующія тюркскія племена ворвались въ обширное государство, одряхлѣвшее, но съ живучей культурой, съ налаженнымъ и сложнымъ политическимъ строемъ. Порядокъ управленія, постановку сложной сложной проблемы власти, заимствовали они отъ византійской государственности. И,— странное дѣло,—къ воинственнымъ азіатскимъ кочевникамъ очень быстро и цѣпко привился бюрократизмъ византійцевъ, его положили они въ основу своего новаго политическаго уклада, постепенно стараясь заполнять ряды чиновниковъ представителями, если не господствующей расы, то господствующей религіи.

Часть турокъ осѣла на землѣ, превратилась въ крестьянъ, честныхъ, трудолюбивыхъ, крѣпко держащихся за свои традиціи и привычки. Даже въ окресностяхъ Константинополя отъ турецкой деревни вѣетъ чѣмъ-то давнимъ, налаженнымъ, патріархальнымъ. Въ глубинѣ бѣлыхъ съ глиняными полами домовъ, женщины въ домотканныхъ плащахъ на ручныхъ жерновахъ мелютъ зерна или возятся съ шелковичными коконами, или дѣлаютъ какую нибудь другую деревенскую работу. Въ полдень, послѣ молитвы, мужчины не спѣша идутъ на площадь отдохнуть, усаживаются на широкой скамьѣ, окаймляющей террасу деревенской кофейни. Здѣсь, за чашкой горячаго кофе, обмѣниваются они новостями. Водки турки не пьютъ, а безъ кофе жить не могутъ. Стоитъ это удовольствіе 10 пара, на наши деньги 2 копейки: за эту маленькую, тоненькую, точно листикъ бумаги, мѣдную монетку, турокъ удовлетворяетъ свою потребность общаться съ людьми. Кофейню вы найдете не только на каждомъ поворотѣ городской улицы, но и въ каждой, самой маленькой деревушкѣ. Если случайно попадутъ въ такую сельскую кофейню чужестранцы, даже гяуры, ихъ встрѣтятъ безъ излишняго любопытства, безъ разспросовъ. По своей спокойной привѣтливости, турки крестьяне стоятъ на одномъ уровнѣ съ важными горожа-

нами, уже смѣнившими живописную одежду Азіи на монотонное безобразіе европейскаго платья.

Пожалуй даже манеры крестьянина окажутся вѣжливѣе и утонченнѣе. Горожане уже тронуты дешевой развязностью запада, который прежде всего награждаетъ ихъ бульварной, парижской цивилизаціей. Хотя, впрочемъ, къ чести турокъ надо сказать, что среди общей левантинской пошлости и наглости, они и въ городѣ выдѣляются своей сдержанностью и внутреннимъ чувствомъ приличія. Турки никогда не шумятъ, не кричатъ, не бранятся (кромѣ какъ въ парламентѣ). Женщинѣ они всегда уступятъ дорогу, не обидятъ не только ребенка, но даже животнаго. Если на улицахъ Стамбула человѣкъ въ фескѣ оретъ и дуетъ палкой своего осла, значитъ это не турокъ а левантинецъ. Но эта мягкость турокъ исчезаетъ, когда затронута ихъ религія. Тогда они становятся способны на всякую жестокость.

До послѣдняго времени турокъ-горожанинъ былъ рѣдко купцомъ или чиновникомъ, или военнымъ, или ходжей, т. е. муллой. Торговлю они предоставляли армянамъ, грекамъ и евреямъ. Послѣднихъ въ Турціи немного, всего тысячъ 80. Это вообще одна изъ особенностей имперіи, что въ ней много народностей, но ни одна не является численно преобладающей. Всего населенія считается 28 милліоновъ, изъ нихъ турокъ около восьми, грековъ пять, армянъ два, славянъ милліона полтора, арабовъ шесть, албанцевъ полтора милліона. Но это все очень шаткая статистика, такъ какъ Оттоманская имперія до сихъ поръ никѣмъ не обслѣдована, а меньше всего своимъ правительствомъ.

Экономическая жизнь въ странѣ главнымъ образомъ въ рукахъ христіанъ. Банки и нарождающіяся промышленныя предпріятія ведутся греками, армяне дѣлаютъ торговыя дѣла. До послѣдняго времени турки, кромѣ, конечно, крестьянъ, считали неособенно приличнымъ работать, заниматься торговлей или производствомъ. Теперь спохватились, и рады были бы конкурировать и съ оттоманскими христіанами, и съ европейцами, и съ левантинцами, но нѣтъ для этого ни навыка, ни выдержки, ни денегъ. Турокъ по при-

родѣ своей расточительный баринъ. Бэки, владѣющіе громадными, чаще всего дареными, чифликами, представляютъ изъ себя что-то среднее между феодалами и русскими помѣщиками крѣпостного типа. Для окрестнаго населенія такой дерибей является грозой, а правительство онъ въ грошъ не ставитъ. И сборщика податей тоже. Съ крестьянина сборщикъ, конечно, возьметъ, а съ помѣщика не всегда. Такъ какъ земельный налогъ, вѣрнѣе, десятинный натуральный сборъ, положенъ въ основу всего бюджета, то можно себѣ представить, какъ трудно держать въ равновѣсіи турецкіе финансы.

Въ этомъ отношеніи младотурки кое-что успѣли сдѣлать. Они упорядочили взиманіе налоговъ, но зато вызвали противъ себя сгущенное помѣщичье недовольство, которое сплотило оппозицію, и породило албанское движеніе минувшаго лѣта. Исса Болетинацъ, албанецъ, ставшій во главѣ послѣдняго возстанія, какъ разъ одинъ изъ самыхъ типичныхъ помѣщиковъфеодаловъ, бывшій начальникъ личнаго конвоя Абдулъ-Гамида.

Крестьяне и вотчинники, чиновники, воины и ходжи, вотъ чѣмъ были до сихъ поръ турки. Все промежуточное, всѣ позиціи средняго сословія, которое играетъ такую важную роль въ современномъ государствѣ, они предоставили другимъ оттоманцамъ. Даже среди рабочихъ мало турокъ. Въ Стамбулѣ, напримѣръ, на табачной фабрикѣ, принадлежащей монополіи, изъ $2^1/_2$ тысячъ рабочихъ, только 200 турокъ. Среди ремесленниковъ ихъ тоже мало. Только въ цехѣ носильщиковъ-хамаловъ на 7000 чел. половина мусульманъ, главное курдовъ. Инженеры, доктора, адвокаты, всѣ свободныя профессіи, требующія труда и напряженія, почти сплошь заполнены христіанами, чаще всего получившими образованіе на западѣ. Да и Абдулъ-Гамидъ очень неохотно отпускалъ мусульманъ въ Европу, а на родинѣ не открывалъ для нихъ школъ. Онъ не любилъ, чтобы его вѣрноподданные переѣзжали съ мѣста на мѣсто. Чтобы выѣхать или въѣхать въ столицу нужны были особые паспорта или пропускныя свидѣтельства.

Вообще тридцатилѣтнее царствованіе этого султана дорого обошлось странѣ. Жестокій и безумно-подозрительный, мелочный и слѣпой, но по своему умный и сильный, онъ создалъ цѣлую сложную систему управленія. Внутри она состояла въ непрестанномъ подавленіи всякой инициативы, не только политической и просвѣтительной, но даже и технической. Онъ не разрѣшалъ добычу ископаемыхъ богатствъ и запретилъ электричество. Не было ни трамваевъ, ни электрическаго освѣщенія, ни телефоновъ, ни даже телеграфа, который былъ проведенъ уже при младотуркахъ. Только въ 1911 г. правительственныя зданія соединились телефонами, и депутаты съ парламентской трибуны съ ребяческой гордостью подчеркивали:

— Вѣдь мы же можемъ вызвать министровъ по телефону. Вѣдь есть же у насъ телефоны.

Но частныхъ телефоновъ и тогда еще не было.

При Абдулъ-Гамидѣ телефоны замѣнялись сложной сѣтью шпіонства и доносительства. Изъ его дворца младотурки вывезли цѣлые воза „джурналовъ", или по просту говоря доносовъ. Говорятъ, многіе изъ нихъ подписаны популярными теперь въ Турціи людьми, которые послѣ переворота примкнули къ младотуркамъ. Въ политическихъ кругахъ слово „джурнальджи", осталось и сейчасъ самымъ оскорбительнымъ эпитетомъ.

Развращая и притупляя страну изнутри, Абдулъ-Гамидъ извнѣ умѣлъ поддерживать равновѣсіе Турціи, умѣлъ путемъ дипломатическихъ увертокъ и противорѣчивыхъ обѣщаній ссорить представителей иностранныхъ державъ. Этотъ талантъ признаютъ за нимъ даже его враги, даже члены партіи „Единенія и Прогресса". Сами они, въ сношеніяхъ съ европейцами, несравненно менѣе терпѣливы и покладисты, чѣмъ былъ старый режимъ. Младотурки выступили на политическую арену съ патріотическимъ знаменемъ въ рукахъ. Они пришли, чтобы спасти страну отъ внутренняго разложенія и внѣшняго засилія. И съ тѣхъ поръ, какъ они очутились у власти, Блистательная Порта вѣжливо, но упрямо на каждомъ шагу давала почувствовать представи-

телямъ посольствъ, что Турція пока еще, все-таки, принадлежитъ себѣ, а не Европѣ.

Но и Европа уже далеко запустила свою лапу. Право капитуляцій ставитъ всѣхъ иностранцевъ внѣ турецкихъ законовъ, даетъ имъ возможность не платить никакихъ налоговъ. Иностранные кредиторы создали, такъ называемую Dette publique, фискальное учрежденіе, контролирующее сборъ государственныхъ доходовъ, которые должны идти на погашеніе долговъ, и врѣзающееся въ самую глубь государственнаго хозяйства. Государственнаго банка нѣтъ, а есть „Оттоманскій банкъ", принадлежащій французскимъ капиталистамъ. Желѣзныя дороги, кромѣ той, которая идетъ въ Мекку, принадлежатъ или французамъ, или нѣмцамъ. Во главѣ таможни стоитъ англичанинъ. Табачная монополія сдана французамъ. На постройку портовъ и шоссейныхъ дорогъ тоже дана концессія французской кампаніи.

Напрасно бьются турки, стараясь выбиться изъ этой крѣпко накинутой сѣти европейскаго захвата. Имъ не прорвать ее прежде всего потому, что внутри они не представляютъ изъ себя ничего сплоченнаго, единаго, дружнаго. Національная пестрота, которую они застали въ странѣ 500 лѣтъ тому назадъ, сохранилась во всей своей неприкосновенности. Но христіанскіе народы поддерживали свою связь съ христіанской, западной культурой, а турки, скованные негнущейся традиціей ислама, остановились, застряли гдѣ-то въ Азіи, даже въ средневѣковой Азіи. Мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ интеллигентные турки съ горечью говорили, что греки и армяне счастливѣе ихъ, потому что турецкое правительство предоставляло имъ учиться и думать по своему, а надъ сознаніемъ правовѣрныхъ османли тяготѣлъ двойной контроль чиновниковъ и ходжъ.

Пушкинъ сто лѣтъ тому назадъ писалъ:

Стамбулъ отрекся отъ пророка.
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ.

Быть можетъ именно въ этомъ и заключается трагедія

современныхъ турокъ, что они отъ Запада получаютъ дары лукавые и фальсифицированные, а съ Востока тоже давно не видятъ правды. Та небольшая школьная учеба, которую имъ, въ теченіи вѣковъ, подносили чалмоносные наставники, только засоряла дѣтскіе мозги, заставляя ихъ долбить непонятный, по-арабски написанный, коранъ. Больше школа ничего не давала. Даже не всѣхъ школьниковъ мусульманъ научила она читать по турецки. Въ арабскомъ алфавитѣ, который употребляется для турецкихъ книгъ, нѣтъ гласныхъ, поэтому надо не только знать азбуку и умѣть читать, но и понимать языкъ, чтобы догадаться какое слово напечатано.

До послѣдняго времени всѣ учебники были по арабски, и не только маленькіе албанцы, курды, но и турки ничего не понимали, такъ какъ это для нихъ чужой языкъ. Можно себѣ представить, какую пользу выносили они изъ трехъ или четырехлѣтняго сидѣнья въ школѣ, гдѣ ученье къ тому же продолжалось съ разсвѣта и до заката, безъ всякаго перерыва и безъ каникулъ.

Теперь это мѣняется. Конституціонное правительство прежде всего занялось реформой арміи и школъ, и надо сказать, что турецкая молодежь очень горячо принялась за ученье. Гимназическій курсъ, къ которому у насъ и взрослые и дѣти относятся съ высокомѣрной пренебрежительностью, вызываетъ въ этихъ простодушныхъ, только еще приступающихъ къ цивилизаціи, гимназистахъ и студентахъ какое-то почти религіозное отношеніе. Они не просто учатся, а точно исполняютъ долгъ передъ родиной.

— Наша родина гибнетъ благодаря невѣжеству, и всякій патріотъ обязанъ самъ учиться и другихъ учить...

Эту фразу постоянно слышишь отъ нарождающейся турецкой интеллигенціи и нельзя не почувствовать, что за банальностью словъ скрывается подлинная и дѣятельная любовь къ родинѣ, тотъ настоящій патріотизмъ, безъ котораго ни одинъ народъ не можетъ не только развиваться, но просто существовать.

Въ сознательной части турецкаго общества, выдвинув-

шейся послѣ конституціоннаго переворота, эта форма просвѣтительнаго патріотизма несомнѣнно является движущей силой.

О турецкомъ шовинизмѣ много и часто говорятъ. Привычка къ власти, свойственная державной народности, да къ тому же еще особенно крѣпкая увѣренность въ превосходствѣ и безошибочности мусульманскаго единобожія надъ всѣми остальными „языческими" религіями, несомнѣнно привили туркамъ извѣстную внутреннюю надменность. Тѣмъ труднѣе нынѣшнему поколѣнію, на долю котораго выпала историческая роль реформаторовъ, признать, что живущіе бокъ-о-бокъ съ ними христіанскіе народы перегнали ихъ въ грамотности, въ культурѣ, въ умѣньи организоваться и работать.

Тѣ немногіе журналисты, политики, учителя, писатели, которые это поняли, уже не могутъ быть шовинистами стараго типа. Они направляютъ свою патріотическую энергію не на подавленіе другихъ народностей, а на развитіе въ самихъ туркахъ навыковъ и знаній, изъ которыхъ складывается жизнь культурной націи. Изданіе книгъ, журналовъ, переводовъ, публичныя лекціи, организація просвѣтительныхъ обществъ для самообразованія и для разработки отечественной исторіи, споры объ азбукѣ и языкѣ, вся эта новая для османли умственная жизнь и культурная работа, которая идетъ среди турецкой интеллигенціи, количественно еще очень невелика и заслоняется отъ глазъ Европы политической неразберихой, шумомъ парламентскихъ преній и партійныхъ распрей.

Конечно, для Европы политической и денежной не интересны первые, еще не твердые шаги турецкаго народа, который, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, напрягаетъ всѣ усилія, чтобы разорвать мертвящія путы шаріата, богословскихъ традицій, тупыхъ запретовъ. Дипломаты и биржевики считаются только съ реальной силой. Маленькіе журнальчики, напечатанные мало кому на Западѣ понятными арабскими письменами, бесѣды восторженныхъ студентовъ, собирающихся въ новомъ клубѣ „Турецкій очагъ"

женскія лекціи, которыя устраиваетъ въ Стамбулѣ пламенная патріотка, Халидэ - Ханумъ, это явленія другого порядка и интересовать они могутъ только наблюдателей не поглощенныхъ успѣхами вооруженій и концессій. Возможно что Турція, какъ государство, умретъ раньше, чѣмъ усилія этихъ подлинныхъ освободителей турецкаго народа дадутъ какіе нибудь результаты. Возможно даже, что для ихъ національной работы будутъ полезны самые жестокіе внѣшніе уколы и уроны. Но, во всякомъ случаѣ, думая о современной Турціи, о всѣхъ несправедливостяхъ, беззаконіяхъ и жестокостяхъ, которыя творились и до послѣднихъ дней творятся представителями власти надъ всѣми оттоманцами, а въ особенности надъ оттоманцами-христіанами, надо знать, что есть уже и въ этой прекрасной и жалкой, древней и ребяческой странѣ маленькая горсть людей, жаждущихъ присоединить себя и свой народъ къ умственной жизни думающаго человѣчества.

Чтобы совершить этотъ сдвигъ, нужно прежде всего преодолѣть вредное вліяніе мусульманскаго клерикализма. Турки рефарматоры относятся къ исламу, а въ особенности къ шаріату, почти съ такой же ненавистью, какъ Вольтеръ и его единомышленники относились къ католической церкви. Только ихъ положеніе хуже: имъ приходится лицемѣрить, таить свою ненависть потому что національное и религіозное сознаніе въ турецкой народной массѣ пока еще слиты, и, затрагивая шаріатъ, они боятся оттолкнуть отъ себя широкіе слои.

Но это лицемѣріе, эта внѣшняя, поклонная почтительность къ Шейхъ-уль-Исламу, на ряду съ постояннымъ, дешевымъ вольтеръянствомъ во всемъ что касается религіи, не можетъ не развращать младотурокъ. Впрочемъ, они вообще съ большой легкостью изворачиваются и говорятъ неправду. Идетъ-ли дѣло о политическихъ соглашеніяхъ съ согражданами христіанами, или о переговорахъ съ державами, или о безконечныхъ разбирательствахъ, которыя приходится вести консуламъ и драгоманамъ съ Портой, по поводу интересовъ европейскихъ подданныхъ, турецкіе

министры, дипломаты, сановники, чиновники лгутъ себѣ и лгутъ. Улыбаются, смотрятъ прямо въ глаза, пожимаютъ руки, обѣщаютъ, даютъ клятвы. И непремѣнно обманутъ.

Конечно, есть среди нихъ и честные люди. Но старожилы говорятъ такъ: на турку-простолюдина можно всецѣло положиться. На турецкаго бюрократа—никогда. Очевидно, было и есть въ самой системѣ управленія что-то глубоко извращенное, что прививало ложь къ чиновникамъ всѣхъ степеней.

Возможно, что и рабство сыграло свою роль. Хотя и былъ международный трактатъ, согласно которому рабство въ Турціи отмѣнялось, но еще 17 окт. 1909 г. то-есть черезъ полтора года послѣ конституціоннаго переворота, понадобилось выпустить слѣдующее, довольно туманно составленное ирадэ:

„Въ странѣ ислама свобода есть вещь естественная и да не будетъ никакихъ поползновеній кого бы то не было считать рабами.

„Для лицъ, относительно которыхъ установлено, что они прежде были рабами и хозяинъ которыхъ утверждаетъ, что они его рабы, необходимо поступать такъ, какъ указано въ шаріатѣ. Таково мнѣніе Шейхъ-уль-Ислама [1]).

„Кромѣ того, такъ какъ рабство запрещено закономъ и запрещеніе это подкрѣплено въ конституціи, то рабство допускается только согласно нѣкоторымъ особымъ правиламъ и въ нѣкоторыхъ исключительныхъ условіяхъ. Ввиду всего этого не допустимо, чтобы черкесы, отъ рожденія свободные, являлись предметомъ торга.

„Посему постановляемъ запретить куплю и продажу черкесовъ (въ сущности черкешенокъ) и другихъ, какъ запрещена купля-продажа негровъ. Съ тѣми, о комъ хозяева утверждаютъ, что они ихъ рабы, поступить согласно шаріату, дабы помѣшать тому, чтобы свободные и по

[1]) Однако Турція и раньше жила по шаріату и это не мѣшало существованію среди Стамбула настоящаго невольничьяго рынка, который Т. Готье описывалъ еще въ 50-хъ годахъ минувшаго вѣка.

шаріату и по закону, дѣти нашей родины оставались въ узахъ рабства“.

При такихъ соціальныхъ пережиткахъ претензіи на великодержавность и конституціонность не могутъ не казаться довольно жалкимъ маскарадомъ. Тѣмъ болѣе, что на общественномъ строѣ Турціи лежитъ еще другой мертвый и тяжкій грузъ, положеніе мусульманской женщины. Здѣсь опять шаріатъ, отжившая клерикальная традиція, останавливаютъ ростъ народа.

И тутъ младотуркамъ приходилось хитрить и изворачиваться. Они не смѣютъ открыто стать на сторону эмансипаціи женщинъ. Когда, въ началѣ конституціоннаго режима, нѣкоторыя турчанки, и въ томъ числѣ долго жившая въ Парижѣ сестра популярнаго Ахметъ-Риза-бей, попробовали выходить на улицу безъ покрывала, толпа чуть не расправилась съ ними. Младотуркамъ пришлось тогда же издать указы, повелѣвающіе женщинамъ закрывать свое лицо.

Еще въ мартѣ 1912 г. Шейхъ-уль-Исламъ выпустилъ обращеніе, въ которомъ говорилъ:

„Предписанія Ислама относительно женскихъ покрывалъ весьма полезны и предотвращаютъ не мало зла. Ихъ преимущества признаны даже многими европейскими философами. Къ сожалѣнію, приходится признать, что съ каждымъ днемъ придаютъ у насъ все меньше значенія религіознымъ предписаніямъ и связаннымъ съ ними народнымъ обычаямъ. Также и чаршафъ, который мусульманки носятъ съ давнихъ временъ, мѣняетъ свой видъ и форму сообразно модѣ (это намекъ не слишкомъ короткую мантилью, которая, нарушая обычай, не скрывала уже фигуру и плечи). Его теперешній покрой производитъ на всѣхъ разумныхъ людей глубокое впечатлѣніе. Всѣ мусульманки, дорожащія своимъ достоинствомъ, честью и цѣломудріемъ, должны усиленно воздерживаться отъ такой одежды, которая на этомъ свѣтѣ порождаетъ великое зло, а на томъ свѣтѣ грозитъ тяжелой карой. Мы, мужчины, должны всячески удерживать нашихъ дочерей и женъ отъ такихъ модъ, заставляющихъ ихъ отрекаться отъ мусульманской морали.

Мы должны снова вернуть ихъ въ границы, указанныя шаріатомъ, внушить имъ соблюденіе національныхъ обычаевъ, а тѣхъ женщинъ, которыя все-таки будутъ грѣшить, карать соотвѣтственнымъ образомъ. Для каждаго народа прогрессъ возможенъ только при соблюденіи религіозныхъ обычаевъ и жизненныхъ народныхъ привычекъ". Дальше шла прямая угроза подвергать виновницъ и ихъ опекуновъ законному преслѣдованію.

Любопытно, что младотурецкое правительство нашло нужнымъ выпустить черезъ посредство Шейхъ-уль-Ислама этотъ приказъ въ разгаръ своей борьбы съ оппозиціей, которая всегда въ своей агитаціи опиралась на пренебреженіе Иттихада къ мусульманскимъ традиціямъ. И это несмотря на то, что знатоки корана увѣряютъ, что въ ученіи пророка нигдѣ нѣтъ прямого указанія на женскія покрывала и вообще на то вѣчно дѣтское, подчиненное положеніе, въ которое поставлена мусульманская, въ особенности турецкая женщина.

Вотъ какъ аргументировалъ въ своемъ воззваніи, выпущенномъ весной 1911 г., салоникскій комитетъ консервативной „Association islamique".

„Коранъ не говоритъ, что лицо женщины должно быть скрыто отъ мужскихъ взоровъ. Однако, ученые нашли приличнымъ сдѣлать покрывало обязательнымъ. Они руководствовались священными изрѣченіями: „Не взирайте съ вождѣленіемъ на прелести чужой жены", и „женщина западня, при помощи которой дьяволъ ловитъ мужчинъ".

„Если, какъ это случается уже не рѣдко, молодыя женщины появляются среди мужчинъ съ открытыми лицами, кто можетъ воспрепятствовать мужчинамъ глядя на нихъ испытывать влеченіе? Конечно, лицо женщины не запретно. Не женщина должна была бы закрывать свое лицо, а мужчина не смотрѣть на нее. Вотъ истинное веленіе религіи. Къ несчастью мужчины менѣе цѣломудрены, чѣмъ женщины и оттого пришлось заставить женщинъ носить покрывало, ради ихъ собственнаго блага.

„Противники ношенія чаршафа говорятъ, что женщины

наши не знаютъ общественной жизни, что онѣ невѣжественны и вслѣдствіи этого не могутъ хорошо воспитывать дѣтей. Мы согласны, что женщины невѣжественны, мы тоже хотимъ, чтобы онѣ пріобрѣтали знанія. Но мы не желаемъ, чтобы онѣ учились играть на роялѣ, писать романы и пренебрегать народными обычаями ради моды, ради шика. Образованіе дается ученіемъ, а не общеніемъ съ мужчинами, такъ какъ мужчины свободно общаются между собой, но это не мѣшаетъ имъ, въ громадномъ большинствѣ, оставаться невѣжественными".

Это крайне распространенная точка зрѣнія. Къ ней присоединяется, въ силу вѣкового обычая, а отчасти и сознательно, подавляющее большинство мужского мусульманскаго населенія Оттоманской имперіи. Прогрессивные элементы, конечно, смотрятъ иначе.

Почти всѣ младотурки, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, говорили мнѣ, что считаютъ положеніе женщины однимъ изъ самыхъ вредныхъ тормазовъ для развитія народа. Я могла убѣдиться, что эта не пустая фраза потому, какъ сочувственно и бережно относились они къ просвѣтительной дѣятельности Халидэ-Ханумъ. Какъ радовались, что она не одна, что несмотря на притупляющую и развращающую затворническую обстановку, несмотря на глубоко вкоренившуюся въ восточное сознаніе привычку считать бездѣлье идеаломъ женской жизни, въ турецкой женщинѣ очень быстро просыпаются новые запросы. Мнѣ самой случалось встрѣчать женщинъ изъ народа, которыя не только читали газеты, но понимали всю унизительность своего положенія и мечтали для своихъ дочерей о лучшей долѣ. Но такихъ еще немного. Громадное большинство находится въ рабствѣ у традиціи и положеніе женщинъ-освободительницъ очень трудное. Само министерство народнаго просвѣщенія очень сочувственно относилось къ Халидэ-Ханумъ, на каждомъ шагу помогало ей. Но всетаки ей пришлось весной, 1912 года, уйти изъ женской учительской семинаріи, гдѣ она работала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И уйти не изъ-за какихъ-нибудь серьезныхъ, основныхъ

разногласій, а просто потому, что въ учительской комнатѣ, писательница подала руку знакомому учителю, писателю Акчурину (казанскому татарину), тогда какъ по шаріату ей надо было только отвѣсить передъ нимъ обычный восточный поклонъ, но отнюдь не прикасаться къ руки чужого мужчины.

Можно себѣ представить, какъ трудно жить и дѣйствовать въ такой душной атмосферѣ правилъ и указокъ, уже мертвыхъ, но все еще властныхъ надъ живыми людьми. Въ Турціи на каждомъ шагу чувствуется эта власть отжившаго. Она придаетъ странѣ красочность, яркость, тѣшитъ путешественника занимательностью неожиданнаго и давняго, но для туземцевъ жизнь не облегчаетъ.

А создать при такихъ условіяхъ сильное, на европейскій манеръ организованное государство, просто не возможно.

Маленькія ткачихи.

Маленькая, смуглая, черноволосая дѣвочка въ темномъ, ситцевомъ платьицѣ сидѣла на краю длинной скамейки и съ озабоченнымъ, напряженнымъ видомъ быстро, быстро, тонкими, дѣтскими ручками перебирала мотки съ шерстью. Худенькіе пальцы двигались такъ проворно, что трудно было понять, какъ успѣваетъ маленькая ткачиха взглянуть на рисунокъ, схватить съ колѣнъ нитку соотвѣтствующаго цвѣта, привязать ее къ основѣ, обрѣзать, снова выбрать слѣдующій цвѣтъ. Отъ проворныхъ движеній ребенка, точно отъ прикосновеній волшебной палочки, узоры сплетались на пунцовомъ полѣ ковра, расцвѣтали невиданные нѣжные цвѣты. Но не веселило насъ это красочное колдовство.

Было что-то жуткое въ механической, озабоченной торопливости черноволосой дѣвочки. Хотѣлось взять ее за плечо, отвести отъ громаднаго, аршинъ въ десять ширины, станка, по которому вертикально тянулась къ потолку основа ковра, хотѣлось вывести крошечную работницу на улицу, туда, гдѣ солнце до бѣла освѣщаетъ землю, гдѣ заманчиво темнѣетъ прохладная тѣнь шатристыхъ платановъ и орѣховыхъ деревьевъ, гдѣ море весело шумитъ, разсыпая милліоны голубыхъ улыбокъ. Тамъ, на горячемъ влажномъ пескѣ, отдохнетъ худенькое тѣльце, маленькія руки будутъ неторопливо перебирать хорошенькія раковины, дѣтскія беззаботныя игры мало-по-малу сгонятъ недѣтскую озабоченность съ этого смуглаго, красиваго личика.

Но тогда кто же будетъ ткать чудесные, красочные, мягкіе и ручные, непремѣнно ручные, ковры для богатыхъ людей всего міра? Принцы и купцы, рыцари индустріи и удачливые драматурги, министры и хорошенькія женщины, всѣ, кого судьба балуетъ успѣхомъ и деньгами, любятъ закрѣплять эту удачу въ дорогихъ и красивыхъ вещахъ. Среди такихъ вещей, придающихъ самимъ хозяевамъ важность и значительность, не послѣднее мѣсто занимаютъ ковры. Всякій уважающій себя человѣкъ долженъ покрыть свой домъ коврами, и если онъ можетъ развернуть себѣ подъ ноги тысячныя ткани, его уваженіе къ себѣ будетъ расти.

Темнопунцовый, съ синими и желтоватыми разводами коверъ, надъ которымъ трудятся смуглыя ручки маленькихъ гречанокъ, здѣсь, на фабрикѣ, оцѣнивается въ 6—7 тысячъ рублей. Это цѣлое состояніе. Дѣвочки и дѣвушки, которыя сидятъ на длинной, узкой скамейкѣ передъ основой и быстро застилаютъ ее искуснымъ старо-персидскимъ рисункомъ, даже и не мечтаютъ за всю жизнь скопить такую груду денегъ. На ихъ долю отъ этой роскоши достаются только гроши. Въ концѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелой работы дѣвушка пріобрѣтетъ двѣ-три большія золотыя монеты, надѣнетъ ихъ на шнуркѣ на шею, и уже чувствуетъ себя богачкой, невѣстой съ приданымъ, за которую можетъ посвататься любой женихъ.

Надзирательница, молодая турчанка съ привѣтливымъ и милымъ лицомъ, водитъ насъ по большому, съ глинянымъ поломъ, сараю, гдѣ разставлены станки. Уже близится часъ полуденнаго отдыха, и многія скамьи опустѣли, но работницы еще шумятъ кругомъ насъ. Кажется, что это не фабрика, а большая школа. Весело и непринужденно, точно разыгравшіяся мышата, шмыгаютъ взадъ и впередъ маленькія дѣвочки въ пестрыхъ, яркихъ платьицахъ. Кое-гдѣ надъ ними мелькаютъ кокетливыя головки взрослыхъ дѣвушекъ.

— У насъ есть даже семилѣтнія, — поясняетъ надзирательница,—мы всякихъ беремъ. Пусть пріучаются.

Дѣвочка въ длинномъ халатикѣ, съ копной кудрявыхъ, спутанныхъ волосъ, лежитъ на скамейкѣ и лѣниво разма-

тываетъ клубокъ шерсти, которую держитъ передъ ней такая же крошечная работница. Мы подходимъ ближе. Кудрявая головка приподымается, сонные дѣтскіе глазки, съ трудомъ преодолѣвая истому и усталость, смотрятъ на насъ.

По крѣпкому полу звонко щелкаютъ деревянные, похожіе на котурны, башмаки. Наше появленіе расшевелило весь муравейникъ. На султанской ковровой фабрикѣ въ Херекей не привыкли къ чужестранцамъ. Херекей маленькая станція по Азіатской желѣзной дорогѣ, всего въ трехъ часахъ отъ Стамбула, по берегу Исмидскаго залива. Но это уже глухая провинція, настоящая деревня, заросшая роскошными деревьями, съ виноградниками, съ оливками, которыя четко серебрятся на фонѣ красноватыхъ скалъ. На верху, надъ долиной, романтично встаютъ руины какой-то древней, должно быть, византійской постройки. Императоры любили строить на берегу голубого залива свои загородные дворцы. Возможно, что и сюда ѣздили они отдыхать отъ придворнаго этикета городской жизни. Но теперь нѣтъ кругомъ никакихъ слѣдовъ былого великолѣпія. Все мѣстечко заполнено фабричными корпусами и постройками, и появленіе иностранцевъ возбуждаетъ любопытство и взрослыхъ, и дѣтей.

Дѣтская толпа обступила насъ со всѣхъ сторонъ, звонкіе голоса охотно отвѣчаютъ на вопросы нашего спутника. Большинство говоритъ по-турецки и по-гречески. Вокругъ насъ христіанки, гречанки и армянки, тоже говорящія по-гречески. Костюмъ у нихъ неодинаковый. Армянки въ халатикахъ, или въ платьяхъ. Гречанки носятъ шаровары, широкія и длинныя. Плечи и грудь затянуты въ узкіе корсажи. На головѣ платокъ, обшитый по краямъ кисточками или бумажными цвѣточками. Все дешевое, изъ ситца, изъ бумазеи, линючее, убогое и все-таки яркое и живописное.

Ярче всего сами лица, настоящій цвѣтникъ распускающейся южной красоты. Сверкаютъ улыбки, искрятся темные, опушенные бахромой густыхъ рѣсницъ глаза, лукаво смѣются нѣжныя, алыя губы, раскрывая рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ. Оваль лица, твердая, гармоничная линія носа, кра-

сивая посадка головы. все говоритъ о старой, хорошей греческой породѣ. Блондинокъ нѣтъ. Лица или смуглыя, окруженныя темными кудрями, или нѣжно розовыя, съ горячей копной рыжихъ волосъ. Сюда художникъ, который хочетъ писать картину изъ древней Византіи, можетъ пріѣхать за моделью, здѣсь чище и ярче сохранился типъ той соблазнительной, греческой женской красоты, которая вносила столько страстной путаницы въ византійскую дворцовую жизнь.

Но никакой отголосокъ прошлаго не долетаетъ до сознанія работницъ. Подавляющее большинство неграмотныхъ. Отъ работы некогда опомниться; начинается она около 5 ч. утра и кончается въ 5 ч. вечера. Для обѣда часъ перерыва. Ѣдятъ онѣ такъ же скудно, какъ и всѣ въ Турціи. Горсть вареныхъ бобовъ, хлѣбъ, овечій сыръ, разъ въ недѣлю маленькій кусочекъ баранины или рыбы. Вотъ и все. Да въ торжественные дни администрація угощаетъ жирнымъ пилавомъ и орѣхами.

Даже эта скромная ѣда обходится около 90 піастровъ въ мѣсяцъ (піастръ—8 коп.). Между тѣмъ, дѣвочки въ первые мѣсяцы фабричной работы получаютъ 2 — 2½ піастра въ день. Потомъ заработокъ колеблется, у самыхъ искусныхъ работницъ доходитъ до 10 піастровъ. Но для этого приходится работать съ напряженной быстротой и непрерывностью, которыя совсѣмъ не годятся для такого возраста.

За большими, грязными окнами сарая, гдѣ зимой, навѣрное, стынутъ даже привычные пальцы дѣвочекъ, сейчасъ синѣетъ знойное небо. Солнце ярко-желтымъ пятномъ пробралось въ открытыя двери. Полумракъ высокаго барака весь напитанъ пылью, но влетитъ порывомъ морской вѣтеръ, и грудь легче дышетъ. Звенитъ веселый дѣвичій смѣхъ, точно весеннее поле, покрытое цвѣтами, нестрѣетъ громадное полотнище ковра. Рядомъ съ нимъ дерзко золотятся рыжія кудри. Все такъ красочно, живописно, полно жизни и движеній, что какъ-то не сразу схватываешь каторжныя стороны жизни этихъ маленькихъ ткачихъ.

Нужно перейти на сухой языкъ цифръ, представить себѣ какую маленькую горсточку серебра получитъ каждая изъ 8 работницъ, копошащихся около пышнаго ковра, чтобы ясно представить себѣ, въ какой темной чащѣ эксплоатаціи и нищеты живутъ эти быстрыя, славныя дѣвушки и дѣвочки.

Сами онѣ еще этого не понимаютъ: по-дѣвичьи, по-ребячески безпечныя, онѣ живутъ, какъ птицы, изо дня въ день, умѣя удовлетворяться и находить наслажденія даже въ такой жизни. Ничего забитаго, угнетеннаго, приниженнаго. Турки, вообще народъ мягкій, хорошо относятся къ дѣтямъ, и надзирательница не внушала страха своимъ подчиненнымъ. Турецкое отсутствіе дисциплины оказывается здѣсь спасительнымъ.

Но въ отдѣленіи, гдѣ работаютъ мусульманки, гораздо тише, смѣхъ звучитъ не такъ звонко, юные голоса не перекликаются такъ шумно.

— Мы сажаемъ мусульманокъ отдѣльно, потому что онѣ лучше работаютъ,—пояснила намъ надзирательница.—Ихъ немного, человѣкъ 50. Всего у насъ 700 дѣвушекъ работаетъ, да человѣкъ 300 мужчинъ. Но мужчины ткутъ не ковры, а матеріи.

Положеніе, въ которомъ находится мусульманская женщина, наложило такую печать на ея психологію, что это сказывается и на фабрикѣ, даже въ уравнительныхъ тискахъ тяжелаго труда. И по внѣшности маленькія турчанки не похожи на христіанокъ. Онѣ тоже одѣты въ пестрые ситцы, но все на нихъ чище и аккуратнѣе. Широкія, живописныя шаровары гречанокъ смѣняются узкими, безобразными, похожими на мужскіе, панталонами. Голова и плечи закрыты бѣлымъ шарфомъ, такъ какъ мусульманка не должна ходить простоволосая. На мусульманскомъ отдѣленіи мы уже не видѣли того обилія пышныхъ кудрей, которымъ можно было залюбоваться въ толпѣ христіанскихъ дѣвушекъ. Но главное отличіе въ манерахъ и въ выраженіи лица. Что-то замкнутое, утишенное есть въ этихъ дочеряхъ Ислама. Лежитъ на нихъ печать смиренной покорности передъ судьбой, и въ темныхъ, чаще всего красивыхъ, глазахъ

свѣтится печальное недоумѣніе, точно стараются онѣ понять, почему жизнь ставитъ такія тяжкія преграды ихъ молодымъ мечтамъ о счастьѣ?

Такое же печальное, укоризненное выраженіе пришлось мнѣ подмѣтить въ Стамбулѣ на лицахъ турчанокъ-гимназистокъ. Быть можетъ, тамъ оно было еще рѣзче, потому что въ молодыхъ, уже пробужденныхъ къ работѣ головахъ, яснѣе было сознаніе своей женской обездоленности.

Мусульманки-работницы живутъ въ окрестныхъ деревняхъ, у родныхъ. А большинство христіанокъ живетъ на фабрикѣ, такъ какъ онѣ набираются изъ болѣе отдаленныхъ деревень, раскинутыхъ по живописнымъ лѣсистымъ долинамъ горъ, спускающихся къ другому берегу залива. Вербовщикъ ходитъ по деревнямъ и приводитъ свѣжіе кадры маленькихъ ткачихъ.

— Родители знаютъ меня. Вотъ и отпускаютъ. Имъ здѣсь хорошо, — самоувѣренно говоритъ грекъ-вербовщикъ.

Онъ же и старшій надзиратель надъ казармами и носитъ греческій титулъ „парапапы", то-есть замѣстителя отца. Лицо у него грубое, кулакъ огромный. Въ немъ нѣтъ той мусульманской благовоспитанности, которую можно встрѣтить въ послѣднемъ турецкомъ крестьянинѣ. Напротивъ, есть что-то наглое и непріятное.

— Что же работницы васъ слушаются?

— Ну, еще бы,—съ усмѣшкой говоритъ онъ.—Не будутъ слушаться, такъ я сумѣю съ ними расправиться.

Мы стоимъ въ казармахъ. Въ коридоръ, съ обѣихъ сторонъ, выходятъ двери спаленъ. Сейчасъ всѣ онѣ настежъ. Видны чисто выметенные глиняные полы, полки съ неприхотливой посудой, уголъ, заваленный подушками и одѣялами. Мебели никакой. Только у одной стѣны рядъ сундуковъ, да на стѣнѣ висятъ иконы — Божія Матерь, Георгій Побѣдоносецъ, Николай Угодникъ. Надписи на нихъ по-славянски, да и иконы печатаны, должно быть, въ Москвѣ, а куплены въ Галата, въ одномъ изъ аѳонскихъ подворій.

— Не будутъ слушаться, такъ вѣдь я ихъ и за косы,— повторяетъ съ важностью парапапа.

Въ толпѣ дѣвушекъ, обступившихъ насъ, легкое движеніе. Впереди стоятъ малыши, лѣтъ 7 — 8, за ними дѣти постарше, а еще дальше, обнявшись, красуются двѣ прехорошенькія дѣвушки, лѣтъ 16—17. Старше нѣтъ никого, только няньки, или парамама, какъ ихъ зовутъ здѣсь. Вся эта юная женская толпа отдана во власть грубаго, жестокаго мужика, съ тяжелымъ волосатымъ кулакомъ. И опять сквозь нѣжность южнаго солнца, сквозь звѣриную радость жизни, плещущую въ этихъ дѣтскихъ глазахъ, доносится до насъ жуткое ощущеніе ихъ безправія и безпомощности. Ни объ охранительныхъ законахъ, ни объ инспекціи, конечно, въ Турціи еще и рѣчи нѣтъ. Мѣстная печать не существуетъ, столичная интересуется только политикой и политическими сплетнями и интригами. Общественнаго мнѣнія и въ поминѣ нѣтъ. Какой же можетъ быть коррективъ, какая узда надъ этимъ толстымъ человѣкомъ, съ жадными и злыми глазками, надъ всѣми, кто составляетъ здѣсь начальство? И сколько невидимыхъ женскихъ драмъ переживаютъ эти, еще нетронутыя, полусознательныя работницы. Турецкая, да и греческая интеллигенція не доросла до того, чтобы интересоваться жизнью, бытомъ, психологіей демократической массы. Ее больше тянетъ къ салонамъ.

Между тѣмъ, трудовые уголки, похожіе на Султанскую ковровую фабрику въ Херекей, разбросаны по всей Турціи. Одна только англійская акціонерная ковровая компанія занимаетъ 400.000 рабочихъ рукъ, главнымъ образомъ, женскихъ, вѣрнѣе, дѣтскихъ. И ни государство, ни общество, палецъ о палецъ не ударило, чтобы хоть сколько-нибудь оградить ихъ отъ эксплоатаціи, сберечь ихъ душу и тѣло отъ непосильности труда.

Служащіе, которые водили насъ по фабрикѣ, принадлежащей падишаху, повидимому смотрятъ на все предпріятіе, приносящее халифу недурной доходъ, какъ на нѣкоторое благодѣяніе населенію.

— У васъ есть школа? — спросили мы надзирательницу.

— Нѣтъ, зачѣмъ же,—наивно отвѣтила она,—сама фабрика уже школа. Дѣти приходятъ, ничего не умѣютъ, а теперь посмотрите, какъ онѣ работаютъ.

Она съ гордостью показала на дѣвочку постарше, которая, сидя одна на скамейкѣ, торопливо доканчивала свою полосу. Пальцы мелькали и мелькали, спина подалась впередъ, глаза не отрывались отъ узора, и вся худенькая, устремленная къ станку, фигурка была полна напряженія и заботы. Узоръ, изящный и тонкій, прядь за прядью стлался тамъ, гдѣ чуть касались тоненькія ручки волшебницы.

Буржуазія Европы, Америки и Азіи можетъ быть увѣрена, что еще долго Турція будетъ высылать ей самые настоящіе ручные ковры, напоминающіе роскошныя сказки Шехеразады. До тѣхъ поръ будетъ высылать, пока родители, впроголодь живущіе на плодороднѣйшей землѣ, не научатся иначе обращаться со своими полями, пока турецкія власти не облегчатъ наложенное на нихъ бремя податей. Или, скорѣе всего, до тѣхъ поръ, пока люди не научатся бережнѣе обращаться съ людьми, пока не поймутъ, что дѣти, всѣ дѣти, какія только есть на свѣтѣ, должны жить какъ цвѣты, беззаботно, солнечно, радостно.

Вѣдь когда-нибудь настанетъ такое время?

Студентъ-народникъ.

Въ небольшихъ группахъ гдѣ сгустилась накипь турецкой политики, идетъ борьба, кипятъ споры, летятъ съ обѣихъ сторонъ взаимные упреки, загрязненные клеветой, одни цѣпляются за власть, другіе стараются перетянуть ее на свою сторону. Развертывается непривлекательное зрѣлище упрямаго, мелкаго, личнаго политиканства, гдѣ нѣтъ мѣста ни разумнымъ программамъ, ни, главное, отвѣтственнымъ дѣйствіямъ. Если думать, что вся жизнь только что пробудившейся Турціи сводится къ меджилису и къ двумъ борющимся въ немъ партіямъ, то пожалуй можно было бы поставить крестъ въ этой странѣ, ослабленной и развращенной долгимъ и чернымъ деспотизмомъ.

Но къ счастью для турокъ, и у нихъ есть просвѣты, есть свѣжее вѣяніе живыхъ и культурныхъ стремленій. Впервые это мнѣ удалось почувствовать въ женской средѣ, благодаря общенію съ выдающейся писательницей и самоотверженной патріоткой, Халидэ Эдипъ.

Той же непосредственной трогательной преданностью родинѣ пахнуло на меня отъ разговоровъ съ Ибрагимомъ, юнымъ представителемъ нарождающейся турецкой интеллигенціи. Слово „ватанъ“ (родина), каждый разъ, когда Ибрагимъ произноситъ его, заставляетъ его глаза блестѣть мягкимъ, счастливымъ блескомъ, раздвигаетъ его губы въ нѣжную улыбку, точно онъ произноситъ имя любимой женщины.

Ибрагимъ—студентъ-медикъ. Онъ привезъ съ собой изъ

маленькаго провинціальнаго города ту своеобразную мягкость, ту подкупающую вѣжливость, которая составляетъ главный внѣшній признакъ старинной турецкой культуры. Въ немъ нѣтъ поверхностнаго фанфаронства и дешевой чванливости стамбульскихъ турокъ, вызывающую невольную усмѣшку при встрѣчѣ съ турецкими дѣятелями. Глядя на Ибрагима, я вѣрю старожиламъ, что Турція лучше своей столицы.

Ибрагимъ весь пропитанъ новыми идеями. Отъ шаріата съ его узостью и фанатизмомъ онъ, конечно, отошелъ. Но нигилизма въ немъ нѣтъ и слѣда.

— Нельзя отрывать народъ отъ старой вѣры. Мы не можемъ сразу дать имъ знаніе. Что же у нихъ останется?— убѣдительно и горячо говорилъ онъ.

Весело поблескивая черными, круглыми, какъ вишня, глазами и бѣлыми, какъ у щенка, зубами, онъ разсказываетъ намъ, какъ онъ вырвался изъ своего Алеппо. Семья малообразованная и небогатая. Когда отецъ былъ живъ, онъ дѣлалъ все, чтобы удержать сына отъ вредной школьной науки. Но, повидимому, еще до конституціоннаго переворота въ странѣ носились искры новыхъ мыслей, зарождались всходы освободительныхъ и культурныхъ стремленій. Попала такая искра и въ душу Ибрагима. Желаніе учиться оказалось сильнѣе всѣхъ домашнихъ препятствій и онъ добрался до гимназіи. Тамъ учителя сумѣли пробудить въ немъ сознаніе, что невѣжество—главный врагъ турецкаго народа, что каждый патріотъ обязанъ прежде всего бороться за просвѣщеніе. Они говорили школьникамъ, что каждый, кому выпало счастье пріобщиться къ знанію, долженъ раздавать его другимъ, дѣлиться этимъ благомъ. Изъ школьной науки, къ которой большинство дѣтей относится, какъ къ скучной повинности, мальчики дѣйствительно сдѣлали что-то цѣльное и цѣнное, что надо передавать изъ рукъ въ руки, шагъ за шагомъ, кругъ за кругомъ расширяя количество пріобщенныхъ.

Уѣзжая лѣтомъ на каникулы въ свой маленькій городъ, Ибрагимъ давалъ даровые уроки всѣмъ, кто хотѣлъ учиться. Среди учениковъ попался одинъ очень способный. Его

отецъ, хозяинъ маленькой лавченки, зарабатывалъ 10—15 піастровъ въ день. Казалось, передъ мальчикомъ нѣтъ дороги къ свѣту. Но Ибрагимъ нашелъ исходъ. Онъ самъ уже кончилъ гимназію и собрался въ медицинскую школу въ Стамбулъ. Къ этому времени отецъ Ибрагима умеръ. Дѣла велъ братъ. Онъ обѣщалъ высылать студенту неопредѣленно,- когда три, а когда пять турецкихъ лиръ въ мѣсяцъ. На русскія деньги 25—40 р.

— Братъ у меня не просвѣщенный, у него совсѣмъ нѣтъ чувства родины,—съ сожалѣніемъ, точно оправдываясь, говорилъ Ибрагимъ. — Когда онъ узналъ, что я хочу взять товарища съ собой и буду съ нимъ дѣлить все, что у мѣня будетъ, братъ разсердился. Его самого ничему не учили и онъ не понимаетъ, какъ родинѣ нужны образованные люди.

Смуглое, некрасивое, подвижное лицо Ибрагима выражаетъ и легкое снисхожденіе къ брату, и восторженную увѣренность въ своей правотѣ. Какъ должно быть горѣли его умные, изжелта черные глаза, когда въ счастливые, медовые дни свободы, онъ еще гимназистомъ, произносилъ конституціонныя рѣчи на площади стариннаго, полуарабскаго Алеппо. Онъ и среди товарищей студентовъ слыветъ отличнымъ ораторомъ и пользуется вліяніемъ. Только времени на студенческія дѣла у него не хватаетъ.

Ибрагимъ настоялъ на своемъ, привезъ съ собой ученика и помѣстилъ его въ идадіэ, то-есть въ гимназію. Живутъ они вмѣстѣ въ узенькой, чисто Стамбульской улицѣ, недалеко отъ большого базара, въ одномъ изъ деревянныхъ убогихъ домишекъ, сквозь стѣны которыхъ такъ свободно пробирается зимой холодный, колючій сѣверный вѣтеръ. У нихъ одна комната, устланная коврами, прибранная, акуратная, уютная, несмотря на скудость обстановки. Сапоги, по турецкому обычаю, снимаются въ корридорѣ, а въ комнатѣ сидятъ въ однихъ чулкахъ. Ѣду студентъ и гимназистъ готовятъ себѣ сами, на мангалѣ, на этой допотопной, угарной, опасной жаровнѣ, которая досталась туркамъ еще отъ Византіи. Да и ѣда такая, что съ ней не-

много хлопотъ. Съ утра чай—на кофе денегъ не хватаетъ,— иногда съ хлѣбомъ, чаще въ пустую. Потомъ каждый бѣжитъ въ свою школу. Медицинскій факультетъ помѣщается на азіатскомъ берегу въ Хайдаръ-Паша, такъ что Ибрагиму приходится чуть ли не въ 7 часовъ уходить изъ дому. Около 11 часовъ утра въ лекціяхъ бываетъ перерывъ для завтрака. Тогда покупается хлѣбъ, сыръ, сливки, всего вмѣстѣ копѣекъ на шесть. Есть около университета ресторанчики, гдѣ все можно получить. Но тамъ, по мнѣнію Ибрагима, дорого.

— Это для богатыхъ,—пренебрежительно говоритъ онъ.

— А большинство студентовъ какихъ, — богатыхъ или небогатыхъ?

— Нѣтъ. Около 90 проц. живутъ какъ мы. Все сами дѣлаютъ.

Часа въ 4 онъ возвращается домой и готовитъ обѣдъ. Рисъ, бобы, картофель и немного баранины. Полтора фунта покупается дня на три. Да и то не всегда. Если братъ высылаетъ деньги аккуратно, тогда на все хватаетъ. Но чаще мѣсячный бюджетъ сводится къ тремъ лирамъ, и тогда обоимъ приходится круто, такъ какъ на книги и учебныя пособія надо тратить около лиры. Ибрагимъ разсказываетъ объ этомъ дѣловито и въ то же время весело. Онъ аккуратный мусульманинъ, любитъ чистое бѣлье, опрятное платье, любитъ ходить въ баню, но все это стоитъ денегъ. Приходится сокращать себя на каждомъ шагу, и давать уроки, выкраивая такъ время, чтобы хватило и на стряпню, и на уборку, и на анатомію, и на лабораторію, такъ какъ работы на факультетѣ много. Эта напряженность труда, такъ мало свойственная людямъ его расы, его не тяготитъ. Бодрый, полный почти монашеской добросовѣстности, онъ живетъ въ ясномъ сознаніи, если не подвига, то во всякомъ случаѣ подлиннаго служенія.

— Какъ вы относитесь къ парламенту?—спрашиваю я его.

Ибрагимъ насмѣшливо улыбается и отвѣчаетъ арабской сказкой. Разсказчикъ онъ хорошій, и все лицо его игрой,

лукавыми огоньками въ глазахъ и своеобразнымъ, чисто турецкимъ движеніемъ бровей дополняетъ и освѣщаетъ смыслъ притчи.

Царскій сынъ ослѣпъ. Царь призвалъ мудреца. Или вылечи, или голову тебѣ снесу. Мудрецъ согласился. Царевичъ прозрѣетъ, но сердце его станетъ хищнымъ и жестокимъ. Такъ и вышло. Кудесникъ вставилъ слѣпому кошачьи глаза и царь обрадовался. А все дурное, все злое, что вошло въ душу юноши — этого отецъ не замѣтилъ. Тогда мудрецъ пришелъ на царскій пиръ и выпустилъ изъ-за пазухи мышей. Царевичъ вскочилъ изъ-за стола, и на глазахъ у гостей, съ жадностью кошки, пожралъ живыхъ мышей. Только тутъ царь понялъ, что сдѣлалось съ его сыномъ.

— Вотъ и депутаты, какъ тотъ царевичъ, не могутъ видѣть никакой добычи, никакого выгоднаго предпріятія. Сейчасъ—цапъ!—онъ выразительно стукнулъ пальцами по столу и потомъ быстро сунулъ руку за пазуху.—Раньше, можетъ быть, у нихъ и были принципы, но съ тѣхъ поръ, какъ они у власти, любовь къ родинѣ скатилась съ нихъ, какъ яйцо катится съ купола.

— Ну, а вы-то сами какой партіи сейчасъ сочувствуете?

— Никакой. Я конституціоналистъ. Но развѣ въ университетѣ мы смѣемъ заниматься политикой? Исторія осудитъ насъ, если мы не исполнимъ того, что родина ждетъ отъ нашего поколѣнія. Странѣ нужны врачи, адвокаты, инженеры, учителя, знающіе чиновники, и если мы не будемъ работать, намъ не спасти родину отъ гибели.

Сознаніе своего невѣжества, неподготовленности, отсутствія общественныхъ навыковъ, непривычки къ труду—все это есть у думающихъ турокъ. Они видятъ, что христіанскіе народы, гдѣ церковныя общины давно уже завели школы, выше ихъ по грамотности и по всему культурному уровню.

Не хватаетъ школъ, не хватаетъ книгъ, почти нѣтъ учебниковъ, университетъ плохенькій, ученыхъ обществъ нѣтъ. Мало того, въ экономическомъ отношеніи, въ умѣніи

зарабатывать и производить цѣнности, турки въ Турціи тоже стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ. Чтобы пробудить въ турецкомъ населеніи интересъ къ знаніямъ и трудовые навыки, въ Стамбулѣ основано общество „Турецкій очагъ“. Главнымъ его дѣятелемъ являетея Юсуфъ Акчуринъ, который происходитъ изъ нашихъ приволжскихъ татаръ. Среди учредителей есть и безпартійные, и члены оппозиціи, и дѣятели „Единенія и Прогресса“. Люди, враждующіе на политическомъ поприщѣ, должны здѣсь объединиться въ общей работѣ, въ сознаніи необходимости бороться съ отсталостью родного имъ турецкаго народа.

— Какъ же вы будете дѣйствовать? — спрашиваю я Ибрагима, который очень увлекается культурными задачами новаго общества.

— Да прежде всего пропаганда. Я на своемъ курсѣ уже всѣхъ студентовъ привлекъ, — съ молодой гордостью говоритъ Ибрагимъ.—Они всѣ согласны, что надо турокъ перевоспитать. А когда мы сорганизуемся, мы будемъ проповѣдывать наши идеи всюду, особенно среди трудящихся.

Положительно онъ мнѣ нравился, этотъ энтузіастъ въ фескѣ, который успѣваетъ и медициной заниматься, и стряпать, и вытаскивать изъ темноты на школьный свѣтъ полуголодныхъ земляковъ, и въ студенческой кассѣ работать, и общество для пробужденія турецкой энергіи основывать. Пусть жизнь ощиплетъ и заморозитъ его страстныя надежды, но сейчасъ чѣмъ-то свѣжимъ и подлиннымъ вѣяло отъ него, особенно послѣ парламентскихъ бесѣдъ, съ ихъ третьесортнымъ лукавствомъ, съ ихъ маленькой восточной политикой.

— Многіе среди молодежи такъ думаютъ, какъ вы?

— Конечно, многіе, — живо отвѣтилъ Ибрагимъ, — всѣ, въ комъ уже проснулось чувство родины.

Опять это слово „ватанъ“ мягчитъ и озаряетъ его лицо. Странное ощущеніе сходства между нимъ и Халидэ-Ханумъ проносится во мнѣ. То же озареніе, только болѣе затаенное, уже прикрытое сдержанностью тонкой, личной культуры и, можетъ быть, окрашенное горечью большей на-

блюдательности, большаго житейскаго опыта, не разъ пришлось мнѣ подмѣтить на красивомъ и гордомъ лицѣ женщины-писательницы. Такіе несходные и по воспитанію, и по личной даровитости, они связаны сходствомъ общихъ патріотическихъ переживаній. Старая религіозность мусульманства отпала отъ нихъ, а на мѣсто ея нарождается, доведенная до религіознаго напряженія любовь къ родинѣ, то самое чувство, которое создало изъ маленькой, полудикой Японіи сильное и стройное государство.

— Знаете, тѣ же слова о родинѣ мнѣ приходилось слышать отъ Халидэ-Ханумъ.

Лицо студента озарилось дѣтской радостью.

— Правда? Вы находите, что я высказываю такіе же взгляды, какъ Халидэ-Ханумъ? Какъ я счастливъ. Конечно, я знаю ее только по имени. Но я горжусь ею. Если такія женщины, какъ она, будутъ дѣлать одну работу съ нами, тогда можно сказать, что судьба посылаетъ нашей родинѣ не только испытанія, но и милости.

Онъ произноситъ эту цвѣтистую фразу на своемъ ломанномъ французскомъ языкѣ, съ гортанными, чисто-азіатскими звуками. Но не пустымъ краснорѣчіемъ, а подлинностью простодушнаго энтузіазма, романтизмомъ только что нарождающагося народничества вѣетъ отъ его словъ.

Халидэ-Ханумъ.

Вся молодая Турція знаетъ Халидэ-Ханумъ, и не только какъ даровитую романистку, но и какъ горячую и дѣятельную патріотку, какъ женщину, чье имя звучитъ надеждой на обновленіе и пробужденіе оттоманскаго народа. Интеллигентные верхи, къ которымъ она принадлежитъ, пропитаны хлынувшими съ Запада новыми мыслями и чувствами, стремленіями и потребностями, рожденными чужой, христіанской цивилизаціей.

Въ лучшихъ представителяхъ въ сущности немногочисленнаго, но все еще властнаго, политически господствующаго въ Оттоманской имперіи народа, идетъ очень сложная внутренняя работа. Западъ они цѣнятъ и уважаютъ, но и отказываться отъ родного Востока не хотятъ, не хотятъ затеряться въ толпѣ европейцевъ. Среди этихъ культурныхъ дѣятелей одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ принадлежитъ Халидэ-Ханумъ.

Какъ романистка, она внимательнѣе, чѣмъ другіе современные беллетристы передаетъ если не бытъ, то ломающуюся психологію своей среды. Повидимому, въ ней заложена настоящая писательская художественность, потому что и языкомъ она владѣетъ лучше многихъ современниковъ. Та очистка турецкаго языка отъ устарѣлыхъ и тяжелыхъ арабскихъ и персидскихъ словъ, о которой хлопочутъ, разсуждаютъ, теоретизируютъ и писатели, и члены единственнаго хилаго турецкаго ученаго общества, сама собой дается талантливой писательницѣ. Она пишетъ гибкимъ и живымъ

народнымъ языкомъ и въ коллективную работу созиданія, если не новыхъ словъ, то новыхъ оборотовъ, вноситъ свой вкладъ, красочный и богатый.

Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ редакторъ „Танина“ Гуссейнъ-Джахидъ, самъ выдающійся беллетристъ и стилистъ. По тону его рѣчи, по сдержанному блеску умныхъ глазъ, видно было, что онъ гордится этой женщиной, что онъ радъ, наконецъ, показать мнѣ среди мелочности, путанности, а подчасъ и грязи турецкой жизни, что нибудь сильное и настоящее. И онъ былъ правъ въ своей гордости.

Она приняла меня въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Подъ окнами, какъ всегда въ турецкихъ домахъ, тянулся узкій диванъ. У стѣны американскій письменный столъ. Высокія кресла, полочки съ книгами. Нѣсколько портретовъ и фотографій съ картинъ. Ничего лишняго, показного. Настоящая комната писателя, которому борьба за жизнь еще трудно дается.

Прежде всего меня поразила красота Халидэ-Ханумъ. Передо мной стояла маленькая, стройная, граціозная женщина. Громадные, строгіе глаза на нервномъ, узкомъ лицѣ показались мнѣ черными. Потомъ я разглядѣла ихъ измѣнчивый, зеленый цвѣтъ. Черты не совсѣмъ правильныя. Ноздри горбатаго носа чуть-чуть широковаты, въ извилинахъ тонкихъ губъ, что-то горькое, усталое. Это не яркая, беззаботная, восточная красота. Это влекущее лицо женщины, въ которой уже горятъ огни сложной, богатой и трудной духовной жизни. Но въ движеніяхъ, въ улыбкѣ, въ пристальномъ и говорящемъ взглядѣ, столько глубокой и артистической женственности, такое чарующее сочетаніе европейской простоты и восточной плавности. Вотъ такъ, какъ она сидитъ передо мной, въ пестрой, шелковой парижской блузкѣ, съ розоватымъ газовымъ шарфомъ, накинутымъ на покатыя плечи, съ высокой сложной прической пышныхъ, рыжеватыхъ волосъ, можно нарисовать ее, какъ воплощеніе тревожной, знающей себѣ цѣну современной женщины.

Только ногти мизинцевъ, окрашенные въ коричневую краску, да кошачій, зябкій жестъ, которымъ она грѣетъ маленькія, бѣлыя руки надъ круглымъ, мѣднымъ мангаломъ, стоящимъ между нами, напоминаетъ о какихъ-то другихъ, не нашихъ, не европейскихъ привычкахъ. Вѣроятно, такіе же мангалы, жаровни, наполненные горячимъ древеснымъ углемъ, согрѣвали комнаты византійскихъ дамъ.

Глядя на нее, слушая ея тихій, мягкій, какъ у большинства турчанокъ, голосъ, думается, что она живетъ въ башнѣ, погруженная въ себя, въ свое писательство, въ радости и печали творчества. Но съ первыхъ же словъ, я вижу, что это не такъ. Это не баловень судьбы, это солдатъ, сурово ставшій на посту. Подъ обаятельной оболочкой артистки живетъ сильная и настойчивая общественная работница. Именно работница, не брезгающая никакимъ дѣломъ. Добровольно, по убѣжденію, взвалила она на свои плечи то, что у насъ презрительно называлось мелкой культурной работой, и несетъ эту ношу по колючимъ камнямъ еще не проложенныхъ турецкихъ дорогъ.

— Если бы вы знали все, что мнѣ приходится дѣлать,— срывается у нея, и сквозь усмѣшку я вижу въ ея темныхъ глазахъ, затаенную горечь, укоръ судьбѣ, связавшей ея жизнь съ такимъ трагическимъ моментомъ родной исторіи.

Вѣдь кругомъ еще ничего нѣтъ, ни литературы, ни науки, ни общественныхъ навыковъ, ни даже простой грамотности. Все сразу надо дѣлать и, прежде всего, надо бороться съ невѣжествомъ и фанатизмомъ вліятельнаго духовенства. Представьте себѣ талантливую, чуткую, требовательную европейскую женщину XX вѣка, которая не только усвоила и впитала въ себя философскія, общественныя, эстетическія идеи своего времени, но чувствуетъ въ себѣ самой способность соучаствовать въ ихъ выработкѣ, представьте себѣ такую женщину, осужденную дѣйствовать и проявляться въ русскихъ теремахъ XVII вѣка, и тогда вы поймете, на какой подвигъ обрекла себя Халидэ-Ханумъ. Каждая мелочь ея жизни, все, что заложено въ нее приро-

дой, все что пробудило и развило въ ней то образованіе и воспитаніе, которое она получила въ отличномъ американскомъ колледжѣ въ Скутари, все это находится въ постоянномъ противорѣчіи съ условіями окружающей ее турецкой жизни, все это не только не нужно, но прямо враждебно исконнымъ началамъ этой жизни. Власть стараго мусульманскаго взгляда на женщину такъ велика, что младотурки, изъ которыхъ большинство, въ сущности, отпало отъ всякой религіи, должны были изъ чувства самосохраненія выступить со строгимъ приказомъ, чтобы женщины не смѣли ходить по улицамъ съ открытыми лицами.

Послѣ этого приказа полиція на улицахъ не только дѣлала замѣчанія женщинамъ, ходившимъ съ открытымъ лицомъ, но и отправляла ихъ домой, гдѣ „опекунъ"—турчанки, по закону, всегда подъ опекой,—долженъ былъ дѣлать имъ соотвѣтственное внушеніе.

— Неужели и вы ходите въ чаршафѣ? [1]), — спросила я Халидэ.

— Ну, конечно, какъ же иначе, — довольно равнодушно отвѣтила она, — вѣдь иначе меня на улицѣ забросаютъ грязью, камнями, могутъ не только оскорбить, но прямо убить. Да это и не важно пока. Чаршафъ—послѣднее, противъ чего мы должны бороться. Я сама такъ привыкла къ нему, что, когда попадаю въ Европу, то меня первые дни смущаетъ, что всѣ видятъ мое лицо.

Это не только ея личное мнѣніе. Въ женскомъ клубѣ, куда она меня привела, молоденькія турчанки тоже говорятъ о чаршафѣ, какъ о подробности жизни. Этотъ клубъ— одно изъ созданій Халидэ Ханумъ. У нея хватаетъ времени и энергіи писать романы, посылать корреспонденціи въ Manchester Guardian, читать лекціи о самыхъ разнообразныхъ вещахъ, о литературѣ, о политикѣ, даже о флотѣ, режиссировать первый въ своемъ родѣ турецкій спектакль, гдѣ турчанки, наконецъ, осмѣлились играть, хотя и передъ

1) Чаршафъ — своего рода мантилья, вродѣ монашеской пелеринки. Она скрываетъ голову, плечи и руки.

исключительно женской залой. Но все это дѣлается на ходу. Сейчасъ главная задача ея жизни — учительство. Въ него она вкладываетъ свой ясный умъ, свою страстную отзывчивость на нужды родной страны, и педагогическая служба разрослась у нея до размѣровъ подлинной патріотической миссіи. Съ лихорадочной напряженностью спѣшитъ она создать кадры думающихъ, дѣятельныхъ женщинъ, которыя должны исцѣлить турецкій народъ отъ разъѣдающаго его семейнаго рабства.

— Чѣмъ можно помочь вамъ, турецкимъ женщинамъ?— довольно неуклюже спросила при мнѣ у Халидэ-Ханумъ англійская романистка, пріѣхавшая изучать женскій вопросъ въ Турціи.

— Вы хотите намъ помочь? Устраивайте школы, простыя, маленькія, первоначальныя школы, — отвѣтила Халидэ.—Но не въ богатыхъ кварталахъ, а въ самыхъ бѣдныхъ, на окраинахъ.

— Для мальчиковъ, или для дѣвочекъ? — обстоятельно допрашиваетъ блѣднолицая англичанка.

— О, конечно, для дѣвочекъ,—быстро заявляетъ Халидэ.

Мы сидѣли въ женскомъ клубѣ. Названіе казалось мнѣ слишкомъ громкимъ и для единственной небольшой комнатки, находящейся въ распоряженіи клуба, и для маленькаго кружка турецкихъ и европейскихъ женщинъ, которыя здѣсь собираются. Ихъ всего человѣкъ тридцать. Халидэ-Ханумъ и нѣсколько европеекъ, вышедшихъ замужъ за турокъ, читаютъ лекціи, вѣрнѣе, систематическіе курсы, главнымъ образомъ, по литературѣ и соціологіи. Политика изгнана изъ ихъ бесѣдъ. Вѣроятно потому, что въ своемъ теперешнемъ видѣ она кажется имъ слишкомъ измельчавшей.

— Если бы мы тогда не добились конституціи, мы всѣ погибли бы, задохлись, — говоритъ Халидэ-Ханумъ фразу, которую я уже слышала отъ многихъ.

Но неохотно и съ болью говоритъ Халидэ-Ханумъ о политикѣ хотя, дружна со всѣми видными младотурецкими вождями. Меня привелъ къ ней Гуссейнъ-Джахидъ. Онъ можетъ у нея бывать, потому что она близка съ его семьей. Но

я далеко не увѣрена, что правовѣрные турки признали бы правильнымъ, что Халидэ-Ханумъ принимаетъ его у себя, да еще съ открытымъ лицомъ.

По ихъ разговору, по той быстротѣ, съ которой они понимаютъ и дополняютъ другъ друга, я вижу что Халидэ-Ханумъ и Гуссейнъ-Джахидъ старые товарищи. Онъ и самъ подтверждаетъ это. Когда я задала ей какой-то политическій вопросъ, Халидэ-Ханумъ отвѣтила:

— Я не занимаюсь политикой.

Гуссейнъ-Джахидъ засмѣялся:

— Ну вотъ, а кто же помогъ мнѣ стать депутатомъ отъ Константинополя? Безъ васъ я никогда не попалъ бы въ парламентъ.

Она не спорила. Но когда мы заговорили съ Гуссейнъ-Джахидомъ относительно Македоніи, гдѣ въ то время было очень не ладно, Халидэ не выдержала и вмѣшалась:

— Не говорите при мнѣ о Македоніи. Вы знаете я не одобряю дѣйствій комитета въ македонскомъ вопросѣ. И я выскажу свое мнѣніе до конца, вамъ будетъ непріятно.

Гуссейнъ-Джахидъ чуть покосился на меня своими темными, чисто-турецкими глазами и сразу перевелъ разговоръ на другую тему.

Съ уваженіемъ и интересомъ слѣдитъ онъ за ея разнообразной культурной дѣятельностью. Сама Халидэ-Ханумъ видитъ все спасеніе Турціи въ пробужденіи умовъ, въ новыхъ, чуждыхъ еще народнаго сознанія, трудовыхъ навыкахъ.

— Мы не для себя работаемъ, а для слѣдующихъ поколѣній. Когда они выступятъ, мы уже не будемъ нужны, — съ какой-то суровой покорностью передъ долгомъ говоритъ Халидэ. — Мы обязаны дать родинѣ то, что ей сейчасъ больше всего нужно, т. е. образованіе, образованіе и образованіе. Мы боремся съ тьмой, и выходя на улицу, я никогда не знаю, что меня ждетъ. Какой-нибудь фанатикъ хаожа всегда можетъ убить меня, — прибавила она, слегка понизивъ голосъ.

На мгновеніе всѣ притихли. И я поняла, что маленькая,

простенькая комната клуба это—ячейка новой жизни. Эти тихія, сдержанныя женщины—піонерки, если не мученицы.

Турчанки уже проявили извѣстную отзывчивость и охотно идутъ учиться. Открываются новыя школы. Самая интересная, это кызъ-мэхтэбэ, гдѣ учитъ и правитъ Халидэ-Ханумъ.

Школа эта, вѣрнѣе назвать ее гимназіей, основана осенью 1911 г. До нея существовали только начальныя школы, нѣсколько училищъ болѣе повышеннаго типа, вродѣ прогимназій и единственный на всю Турцію женскій учительскій институтъ. Но всѣ эти учебныя заведенія немногочисленны, и программы у нихъ куцыя. Кызъ-мэхтэбэ—первая министерская попытка создать среднее женское образованіе. Двери открыты довольно широко и принимаютъ туда всѣхъ желающихъ, отъ 14 до 18 лѣтъ. Пришла даже одна тридцатилѣтняя, замужняя женщина. Приняли и ее. Уровень знанія очень разнообразный, и педагогамъ не легко было разсортировать по четыремъ классамъ такой разнокалиберный составъ учащихся. Гимназистокъ всего 120 человѣкъ, есть дочери чиновниковъ, купцовъ, но есть и подлинная бѣднота. Плата только 2 лиры, т. е. 17 рублей въ годъ, да и отъ тѣхъ директоръ освобождаетъ, если знаетъ, что платить нечѣмъ.

Директоръ уже пожилой, спокойный, производитъ впечатлѣніе человѣка, преданнаго своему новому дѣлу. Главная трудность это—подыскивать учительницъ. Изъ за священнаго обычая прятать женщину отъ мужскихъ глазъ, приходится избѣгать мужчинъ учителей, или брать стариковъ. А образованныхъ женщинъ почти нѣтъ.

— Если бы не Халидэ-Ханумъ, я не знаю, что бы мы дѣлали, — говоритъ директоръ, вводя меня въ классъ, гдѣ она занималась.

При нашемъ появленіи ученицы встали. Въ черныхъ накидкахъ, съ юными лицами, обрамленными плотно прилегающими складками чаршафа заколотаго подъ подбородкомъ, онѣ были похожи на толпу молодыхъ послушницъ. И въ красивыхъ лицахъ, въ темныхъ, несмѣлыхъ глазахъ,

что-то монастырское. Можетъ быть, просто усиленная, вѣжливая скромность, которую надо соблюдать передъ старшими. Въ Турціи благовоспитанность и выдержка глубоко вошли во всѣ слои народа. Особенно крѣпко привиты эти свойства женщинамъ.

Я попала на урокъ исторіи. Это главная спеціальность Халидэ-Ханумъ. Кромѣ исторіи она преподаетъ еще обществознаніе и уроки морали.

— Это опасная вещь. Легко впасть въ скучное доктринерство,—сказала я.

— Нѣтъ, я этого не боюсь,—увѣренно отвѣтила Халидэ.— Намъ нужно перевоспитать нашъ національный характеръ. Примѣрами, историческими и литературными, я выясняю, чего намъ, какъ народу, не хватаетъ. Особенно стараюсь говорить о такихъ свойствахъ, которыя когда-то были добродѣтелью, но теперь устарѣли, окаменѣли и стали національными недостатками.

Этихъ уроковъ мнѣ не удалось слышать, но урокъ исторіи, на которомъ я была, поразилъ меня живостью и умѣньемъ будить въ ученицахъ мысли. Онѣ должны были отвѣчать по исторіи Египта. Передъ ученицами на такихъ же, какъ у насъ пюпитрахъ лежали хорошо изданные учебники, иллюстрированные снимками съ памятниковъ и произведеній искусства Египта, Ассиріи, Греціи. Хорошій учебникъ еще рѣдкость въ Турціи. Ихъ только теперь начинаютъ составлять и переводить, и Халидэ жаловалась, что нѣтъ книгъ даже по исторіи Оттоманской имперіи.

Она вызвала къ доскѣ дѣвушку лѣтъ 16, съ тонкимъ, нѣжно-бѣлымъ лицомъ, съ маленькимъ алымъ ртомъ, съ печальнымъ изломомъ черныхъ бровей надъ серьезными, темными глазами. Слегка конфузясь передъ чужимъ человѣкомъ, дѣвушка стала разсказывать весь планъ заданнаго урока. Я ни слова не понимала въ ея музыкальной, журчащей турецкой рѣчи, такъ же, какъ не могла разобрать хорошенькія каракули, которыя она быстро, справа налѣво, писала арабскими буквами на черной доскѣ. Но Халидэ здѣсь же переводила мнѣ все по-французски, а когда очень

торопилась, то по-англійски, такъ какъ это для нея совсѣмъ родной языкъ. Я видѣла, что темноглазая дѣвочка хорошо думаетъ. Логически стройно выросталъ планъ урока. Сначала географическое положеніе. Нилъ. Народъ. Потомъ она сказала:

— Способъ управленія.

И сразу по скамейкамъ пробѣжалъ протестующій шопотъ, а на молодыхъ лицахъ замелькали лукавыя улыбки.

— Это онѣ ее поправляютъ, — пояснила мнѣ Халидэ.— Онѣ говорятъ, что надо сначала поставить образъ жизни, а потомъ управленіе, потому что обычаи складываются раньше государственнаго строя.

Ученицы смѣнялись у доски. Однѣ отвѣчали лучше, другія хуже, но все время въ классѣ шла живая коллективная работа, въ которой всѣ принимали участіе. Видно было, что учительница сумѣла разбудить въ нихъ подлинный интересъ къ ученью, создать привычку думать и обобщать. Ничего механическаго, внѣшняго, сухого не было въ этихъ занятіяхъ. Халидэ-Ханумъ отдѣльными вопросами, объясненіемъ, сравненіемъ поворачивала ихъ вниманіе отъ стараго, погибшаго Египта къ живой, стремящейся помолодѣть родинѣ. И отвѣтнымъ огнемъ вспыхивали задумчивыя лица дѣвушекъ, когда мягкій голосъ учительницы указывалъ, что высокомѣрная замкнутость египетскихъ жрецовъ похожа на высокомѣріе мусульманскихъ ходжъ, съ ихъ непонятнымъ для народа, по-арабски написаннымъ кораномъ.

Умѣло и настойчиво старается она передать молодымъ дѣвушкамъ свое отрицаніе богословской косности, которая такъ долго служила турецкому народу единственной умственной пищей. Недаромъ и она, и Гуссейнъ-Джахидъ объясняли мнѣ, что главная преграда на путяхъ развитія турецкаго народа это—духовенство.

— Они во всемъ мѣшаетъ намъ, входятъ во всѣ подробности жизни, въ политику, въ семью, въ бытъ, — съ раздраженіемъ говорилъ редакторъ „Танина“ и Халидэ вторила ему.

Когда я сидѣла на ея урокѣ и слѣдила за тѣмъ, какъ

искусно будитъ она молодую мысль, наполняетъ юныя головы не мертвымъ, оторваннымъ отъ жизни знаніемъ, а старается показать имъ связь вещей и прежде всего недуги и печали родной Турціи, я видѣла, въ какую большую патріотическую работу превратила она свою педагогику.

Но лучше всего я поняла Халидэ-Ханумъ, вѣрнѣе, даже не ее, а то мѣсто, которое она занимаетъ въ развитіи турецкой общественности, когда она свезла меня въ женское училище стараго типа, принадлежащее вакуфному вѣдомству, т. е. нѣчто вродѣ нашего епархіальнаго женскаго училища.

Старый, бородатый, угрюмый турокъ, въ громадной чалмѣ, открылъ передъ нами тяжелыя ворота, и сердито пробормоталъ что-то очень непривѣтливое. Еще дорогой, въ извощичьей кареткѣ, которая тащила насъ по грязнымъ, залитымъ осеннимъ дождемъ улицамъ Стамбула, Халидэ предупредила меня, что намъ нельзя ожидать особенно ласковаго пріема. Предшествуемые сторожемъ изъ кызъ-мэхтэбэ, котораго Халидэ предусмотрительно захватила съ собой, мы быстро вошли въ сводчатое, освѣщенное только скуднымъ свѣтомъ, проникавшимъ изъ тѣснаго, узкаго, похожаго на щель дворика, подземелье, гдѣ чинно ходили дѣвочки въ синихъ халатикахъ. Послѣ просторныхъ, веселыхъ, выходящихъ на Мраморное море комнатъ кызъ-мэхтэбэ, было не особенно уютно попасть въ этотъ старый, холодный, тихій домъ. Дѣти пугливо оглядывались на насъ и быстро дѣлали привѣтливый жестъ, прикладывая ладонь сначала къ головѣ, потомъ къ сердцу.

Наверху въ просторной, скудно обставленной комнатѣ, съ жесткими диванами, съ голыми стѣнами, безъ картинъ и безъ книжныхъ полокъ, безъ какихъ бы то ни было учебныхъ пособій или школьныхъ атрибутовъ, сидѣла пожилая женщина. Увидавъ даму, одѣтую à la franca, она встала намъ навстрѣчу и по-турецки привѣтствовала меня.

Въ прямой, широкой, клѣтчатой бумазейной кофтѣ, съ гладко зализанными волосами, повязанными шелковымъ повойникомъ, она была похожа на русскую купчиху стараго

закала. Крючковатый огромный носъ, плотно сжатыя, тонкія губы, круглые глаза, умные и холодные, что-то властное и непреклонное въ лицѣ и въ манерѣ говорить, напомнили мнѣ старуху Кабаниху изъ „Грозы“. Школу свою эта турчанка держитъ въ такомъ же трепетѣ, какъ русская купчиха держала семью. Въ ея кабинетѣ, кромѣ закрытаго деревянной рѣшеткой окна, выходящаго на площадь, гдѣ когда-то происходили византійскія конныя ристалища, есть еще окно въ полутемный коридоръ. Въ глубинѣ этого коридора, смиренно скрестивъ руки на груди, по-монашески опустивъ глаза, попарно шли ученицы въ классъ. И, хотя начальница не смотрѣла на нихъ, хотя онѣ шли далеко отъ окна, но каждая почтительно продѣлала всѣ восточные поклоны, точно въ комнатѣ, мимо которой онѣ шли, стояла какая-то святыня.

Плохо одѣтыя женщины, тоже съ повойниками на головѣ, низко кланяясь, входили въ комнату и тихо садились по угламъ. Что-то забитое, запуганное было на ихъ блѣдныхъ, неинтеллигентныхъ лицахъ. Это были учительницы. Одна изъ нихъ, помоложе, съ поклономъ подала намъ съ Халидэ-Ханумъ традиціонныя чашечки кофе.

— Подумайте, вѣдь это учительница исторіи,—съ негодованіемъ шепнула мнѣ моя спутница, — до чего эта женщина ихъ всѣхъ довела. Вѣдь онѣ у нея на положеніи служанокъ!

А начальница сидѣла, прямая и важная, смотрѣла на меня съ привѣтливымъ любопытствомъ и охотно отвѣчала на мои вопросы, которые Халидэ-Ханумъ переводила ей по-турецки. Я сказала, что такіе же головные уборы, какъ у нея, носятъ въ Россіи замужнія женщины.

— Конечно, мусульманки?—увѣренно спросила начальница.

— Нѣтъ, какъ разъ русскія.

Она удивленно приподняла брови и съ явнымъ, высокомѣрнымъ недоброжелательствомъ, мелькомъ взглянувъ на Халидэ, сказала:

— Это такъ по шаріату должно быть, чтобы женщины

покрывали себѣ голову. Но, конечно, въ наше время вы уже не много найдете школъ, гдѣ правила шаріата такъ крѣпко соблюдаются, какъ у меня.

Опасная тѣнь пробѣжала по выразительному лицу моей спутницы, но она сдержалась, а я, чтобы замять колючесть положенія, стала хвалить красоту, дѣйствительно, граціознаго турецкаго поклона.

— Да, но по шаріату касаться рукой до земли можно только, когда кланяешься Богу, — быстро отвѣтила воинственная защитница старины.

— Ну, и падишаху тоже можно?—спросила я.

— Падишаху нѣтъ, халифу, — поправила она меня, съ тонкой улыбкой, подчеркивая разницу между свѣтской и церковной властью султана.

Всѣ ея отвѣты исходили отъ шаріата и звучали незыблемой увѣренностью въ правотѣ стараго закона. На мой вопросъ, какіе уроки она считаетъ самыми важными, она еще выше подняла рѣзкую, орлиную голову и твердо отвѣтила:

— Конечно, коранъ и уроки религіи, — потомъ прибавила:—и науку о женскихъ добродѣтеляхъ.

Это все предметы, которые она сама и преподаетъ, такъ же, какъ персидскій и арабскій языки. Западныхъ языковъ она не знаетъ и имъ не учатъ въ школѣ, которой она уже 20 лѣтъ самодержавно управляетъ. Гордая царящимъ вокругъ нея порядкомъ и увѣренная въ томъ, что ей есть чѣмъ похвастать, она провела насъ по всему мрачному, унылому зданію и въ старшемъ классѣ задала ученицамъ нѣсколько вопросовъ. Что бы онѣ ни отвѣчали, о свойствахъ ли божества, или о владычествѣ Сулеймана Великолѣпнаго, голоса дѣвушекъ звучали какъ грамофончики, на лицахъ была испуганная торопливость учениць, которыя вызубрили все наизусть и боятся забыть какое-нибудь слово. Начальница мѣрно кивала головой въ тактъ ихъ отвѣтамъ и самодовольно поглядывала въ нашу сторону. А Халидэ показывала мнѣ тоненькій учебникъ „О женской добродѣтели“ и переводила названія главъ:

„Послушаніе мужу... Опрятность... Уваженіе къ родителямъ... Привычки мужа... Собственность... Смиреніе... Покорность...“

Начальница вызвала блѣднолицую дѣвушку. Ученицы въ этой школѣ носятъ не черный чаршафъ, а холстинковыя платья, съ легкими бѣлыми шарфами, обернутыми вокругъ головы. Этотъ нарядъ придаетъ имъ болѣе простенькій видъ, который, пожалуй, больше соотвѣтствуетъ и выраженію ихъ лицъ. Здѣсь уже нѣтъ слѣда того внутренняго духовнаго оживленія, которое скрашивало лица гимназистокъ въ кызъ-мэхтэбэ, а только тусклая покорность. Дѣвушка, почти ребенокъ, некрасивая и тихенькая, преодолѣвая смущенье передъ нами и страхъ передъ начальницей, тоже наизусть, точно цитируя священный текстъ, говоритъ о томъ, какъ надо съ благодарностью принимать подарки отъ мужа. Надо знать часы, когда мужъ любитъ ѣсть и когда онъ любитъ спать, чтобы не сердить его.

— Надо сдѣлаться его рабыней и можетъ быть тогда удастся сдѣлать и его своимъ рабомъ, — пугливо шепчетъ дѣвушка.

Милостивая улыбка раздвигаетъ тонкія губы Кабанихи. Она поворачиваетъ къ намъ свою надменную голову и видитъ на нервныхъ, красивыхъ губахъ Халидэ-Ханумъ тоже улыбку, но ироническую и горькую. Какъ два стальныхъ лезвія скрещиваются взгляды этихъ двухъ непримиримо-враждебныхъ патріотокъ. Вѣдь каждая изъ нихъ по-своему горячо любитъ Турцію и оттого-то обѣ онѣ такъ горячо ненавидятъ другъ друга. Одна—воплощеніе неподвижности и традиціи, другая—вся движеніе и ищущая мысль,—какое же можетъ быть между ними примиреніе? Это длительный и безпощадный бой.

Надъ созданіемъ человѣческаго матеріала, надъ пробужденіемъ духа и образованіемъ характера народнаго и работаетъ самоотверженная хрупкая женщина, съ глубокими зелеными глазами. Ради него отстраняетъ она отъ себя пьянящія творческія грезы и уходитъ въ будничное, сѣрое, учительское дѣло.

И въ этомъ отреченіи больше героизма, чѣмъ въ томъ, что она пренебрегаетъ опасностью, что всей своей жизнью, всѣмъ своимъ обликомъ она возбуждаетъ противъ себя опасный фанатизмъ такихъ женщинъ, какъ эта турецкая Кабаниха и ея ближайшихъ единомышленниковъ, темныхъ непросвѣщенныхъ ходжей, способныхъ во имя Аллаха убить Халидэ-Ханумъ.

Турецкій-беллетристъ [1]).

— Въ произведеніяхъ каждаго изъ насъ, каждаго турецкаго писателя, найдете вы скрытую печаль. Иначе и быть не можетъ. Наша душа отравлена пессимизмомъ. И можетъ ли быть иначе, когда мы лишены такой творческой, такой красивой радости, какъ возможность бывать въ женскомъ обществѣ.

Ахметъ-Хикметъ говоритъ полушутливо, а въ голосѣ звучитъ невеселая иронія, которая всегда свѣтится на его умномъ, слегка усталомъ лицѣ съ крупными выразительными чертами. Черные усы только наполовину покрываютъ полныя губы, въ которыхъ есть и жадность къ жизни, и какая-то покорность передъ невозможностью устроить жизнь такъ, какъ хочется. Темные, выпуклые глаза смотрятъ на все съ той особенной, разсѣянной внимательностью, которую часто можно наблюдать на лицѣ беллетристовъ, къ какой бы расѣ они ни принадлежали. Только красная феска заставляетъ помнить, что передъ нами „чужой", человѣкъ иной культуры, въ которомъ европейскіе интеллектуальные интересы сплетаются съ восточными пережитками и привычками.

Мы сидимъ на террасѣ нашей дачи на Принкино. Прямо передъ нами, на яркомъ фонѣ вечерняго неба, вырѣзается изогнутая, опушенная легкой каймой сосноваго лѣса линія острова Халки. Первые огни зажигаются на вершинѣ, гдѣ

---

1) Статья эта была напечатана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ".

среди густой хвойной рощи пріютилась старинная, еще съ византійскихъ временъ уцѣлѣвшая, греческая семинарія. Бѣлое зданіе морского училища бросаетъ на потемнѣвшую синеву моря узкія, извивающіяся ленты огней. Большая парусная яхта, тоже охваченная вечерней дремой, позлащенная послѣдними отблесками солнца, медленно проходитъ близъ нашего береговаго обрыва. Далеко на горизонтѣ рисуются стрѣлки стамбульскихъ минаретовъ. Ближе лиловѣютъ первые, къ самому морю придвинувшіеся, отроги азіатскихъ горъ. Воздухъ и небо, и море, и горы всѣми своими очертаніями, всѣми переливами измѣнчивыхъ и чарующихъ тоновъ будятъ ненасытную радость красоты, созерцанія, баюкающее и счастливое ощущеніе сліянія съ чѣмъ-то большимъ и прекраснымъ.

Печальные глаза турецкаго писателя, скользили по этимъ давно знакомымъ ему линіямъ и краскамъ. Чувство природы, умѣнье не спѣша наслаждаться ею, это—одно изъ поэтическихъ свойствъ турецкаго народа не только въ верхнихъ рафинированныхъ представителяхъ, но и въ малограмотныхъ, даже совсѣмъ безграмотныхъ низахъ. Быть можетъ, именно потому, что это чувство было такъ крѣпко, такъ органически свойственно его душѣ, Ахметъ-Хикметъ, въ отвѣтъ на наши восторги передъ очаровательностью Принцевыхъ островов, только снисходительно усмѣхался. Ни одного банальнаго слова, ни одного избитаго сравненія, которыя такъ легко сыплются съ языка каждаго въ этотъ вечерній сантиментальный часъ, мы не слыхали отъ своего гостя, хотя говорилъ онъ охотно и много.

Ахметъ-Хикметъ-бей—собесѣдникъ быстрый и интересный, блестящій и остроумный. Онъ хорошо знаетъ французскій и даже на этомъ, все-таки чужомъ ему языкѣ, разсказываетъ съ яркими выпуклыми подробностями, которыя такъ плѣняютъ въ разговорахъ артистовъ, умѣющихъ разговаривать. По одеждѣ, по манерамъ онъ — настоящій благовоспитанный европеецъ, но въ его мимикѣ, главное въ движеніи бровей и вѣкъ есть та своеобразная, полная оттѣнковъ игра, которая придаетъ восточной бесѣдѣ новую

для западнаго глаза живость. Мусульманинъ, въ особенности турокъ, не любитъ жестовъ, считаетъ жестикуляцію признакомъ дурного тона. Вся свойственная еще человѣку потребность какой-нибудь мускульной работой усиливать и подчеркивать смыслъ сказанныхъ словъ, у турокъ находитъ себѣ исходъ только въ легкихъ движеніяхъ лицевыхъ мышцъ около глазъ. Такъ дѣлаетъ и Ахметъ-Хикметъ-бей. Онъ родился въ 1870 г. въ старой чиновничьей и чиновной семьѣ. Учился въ Галата-Сераѣ, въ этой турецкой школѣ, устроенной на манеръ французскаго лицея, которая явилась однимъ изъ первыхъ разсадниковъ европейскаго воспитанія въ Турціи. Послѣ школы онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, былъ консуломъ въ Поти, дружилъ тамъ съ русскими, вернулся опять въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ занимаетъ мѣсто директора коммерческаго отдѣла.

— Что общаго между вами и коммерціей?—спрашиваемъ мы, смѣясь.

— Увѣряю васъ, что я отлично веду свой отдѣлъ, — тоже смѣясь, отвѣчаетъ онъ.—Свои поэтическіе интересы я на это время запираю на ключъ. Вѣдь надо же чѣмъ-нибудь жить. Турецкій писатель не можетъ жить литературой,—мы слишкомъ для этого бѣдны. При самомъ большомъ успѣхѣ книга расходится въ двухъ-трехъ тысячахъ экземпляровъ.

Ахметъ-Хикметъ знаетъ, что такое успѣхъ. Интеллигентные турки, воспитанные въ Россіи, называютъ его турецкимъ Чеховымъ, другіе называютъ—быть-можетъ, болѣе справедливо,—турецкимъ Мопассаномъ. Романовъ онъ не пишетъ, о драмѣ только мечтаетъ и до сихъ поръ далъ лишь нѣсколько книгъ разсказовъ, въ которыхъ лирика переплетается съ бытомъ, тонкій скептицизмъ съ мягкой, а иногда и страстной нѣжностью. По стилю онъ принадлежитъ къ молодой энергичной плеядѣ, которая борется за очищеніе турецкой литературы отъ арабизмовъ и персизмовъ. Свои эстетическіе идеалы Ахметъ-Хикметъ развиваетъ на лекціяхъ оттоманской литературы, которыя читаетъ

въ Галата-Сераѣ и въ университетѣ. На писательскія задачи смотритъ широко. Вообще Ахметъ-Хикметъ одинъ изъ тѣхъ, къ сожалѣнію немногихъ, турокъ, у которыхъ есть общія идеи, замыслы, стремленія. Онъ—патріотъ, какъ и всѣ турки, но и къ патріотизму онъ подходитъ по-своему. Онъ видитъ всѣ недостатки своего народа, хочетъ поднять, пробудить, растолкать спящихъ. Для него борьба съ чужими формами языка есть не только вопросъ стиля и эстетики, но и національная обязанность. То, что раньше писалось турецкими поэтами, было для немногихъ, оставалось непонятнымъ массамъ. Надо опять приблизить, вернуть народу его литературу и чрезъ эту литературу дать почувствовать турецкой націи заключающуюся въ ней внутреннюю силу.

Ахметъ-Хикметъ излагаетъ намъ свои мысли, горячо и страстно. Съ красивой увѣренностью человѣка, который говоритъ о главномъ дѣлѣ своей жизни, рѣзкими штрихами рисуетъ онъ исторію турокъ.

— Мы шли и шли, волной лились изъ далекихъ степей Азіи. Какая сила, сколько жертвъ, героизма, преданности, дерзости! Мы завоевали обширныя земли и создали на нихъ обширное государство. Тогда само государство стало кумиромъ, ради котораго мы все принесли въ жертву. Только мы, одни турки, — другіе народы, даже мусульманскіе, ничего для государства не дѣлали. Арабы не ставили солдатъ въ турецкую армію, албанцы не давали солдатъ, курды—тоже. Только мы и лазы. Потомъ придумали янычаръ [1]) и османли заслонили турокъ. Турокъ забылъ свое происхожденіе. Спросите его, кто онъ? Онъ скажетъ, что онъ—мусульманинъ. Отъ него все отняли, даже языкъ. Вмѣсто здороваго, простого турецкаго языка ему даютъ чужой, непонятный, испещренный персидскими и арабскими словами. Мы должны вернуть ему его поэзію, поднять его самосознаніе, снова сдѣлать его человѣкомъ.

---

1) Янычары формировались изъ христіанскихъ дѣтей. Ихъ насильно отнимали отъ родителей обращали въ мусульманство, обучали воинскому ремеслу и превращали ихъ въ дворцовую гвардію.

— И, можетъ-быть, снова пробудитъ въ немъ старый воинственный духъ?

Ахметъ-Хикметъ сдѣлалъ отрицательный жестъ бровями и прямо отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Я—противъ войны. Я—антимилитаристъ. Конечно, за свободу можно и слѣдуетъ драться. Но изъ-за вещей, безъ которыхъ можно прожить, я не хочу, чтобы люди дрались .Вотъ нѣмцы побѣждаютъ насъ экономически. Ну, и пускай. Что же противъ этого подѣлаешь? Неужели на это отвѣчать войной? А итальянцы, по волѣ банкировъ послали на убой своихъ рабочихъ, такихъ веселыхъ, жизнерадостныхъ молодцовъ. Я былъ во Флоренціи. Тамъ каждый камень полонъ красоты, и народъ видитъ ее, чувствуетъ, знаетъ, что это онъ ее создалъ. Зачѣмъ имъ умирать, когда прекрасное такъ близко къ нимъ? Другое дѣло—наши турецкіе солдаты. У нихъ такая жизнь, что имъ терять нечего,—съ горькой усмѣшкой признается Ахметъ-Хикметъ.

— Вотъ вы говорите, что вы антимилитаристъ, а какъ же ваши разсказы? Напримѣръ „Тетушка Накидже", у которой всѣ сыновья погибли въ войнахъ противъ русскихъ. Вѣдь вы же воспѣваете ихъ героизмъ?

— Ну, это было давно, я писалъ это, когда былъ молодъ, когда кровь кипѣла въ жилахъ. А теперь я за миръ. И противъ шовинизма. Если мы хотимъ и можемъ побѣдить другія національности, мы должны это дѣлать только силой творчества. Народы жили рядомъ съ нами какъ чужіе, и мы ничего не дѣлали для нихъ, мы были только хозяевами, только побѣдителями. Теперь это прошло, теперь мы должны создавать, мы должны сами быть богаты, чтобы было что давать другимъ. Тогда они сами придутъ къ намъ...—горячо говорилъ онъ.

Какой-то огонь на мгновеніе вспыхивалъ на его выразительномъ лицѣ и опять смѣнялся невеселой скептической усмѣшкой.

— А можетъ быть, и не придутъ. Можетъ быть, мы уже опоздали? Я завидую въ этомъ отношеніи Россіи и русскимъ. У васъ та же пестрота религій, и языковъ, и пле-

менъ. Но вы создали такую общую великую культуру, которая всѣхъ объединяетъ. Ваша литература, ваша интеллигенція, ваша демократія, это — что-то большое, общее. Я видѣлъ это и тогда, когда служилъ въ Россіи, и здѣсь, у насъ, на тѣхъ мусульманахъ, которые пріѣзжаютъ отъ васъ и входятъ въ турецкую жизнь. Я люблю демократизмъ, который они вносятъ съ собой.

Онъ говорилъ это просто и искренно, какъ человѣкъ, который радъ, что можетъ свободно и смѣло высказаться передъ людьми, интересующимися явленіями и мыслями, а не политическими, или дипломатическими, или экономическими реальностями. А насъ подкупало это желаніе приблизиться къ массамъ и ихъ приблизить къ себѣ, это народничество, владѣвшее человѣкомъ такого барскаго воспитанія, такой архибюрократической, дипломатической карьеры. Правда, Ахметъ-Хикметъ прежде всего художникъ волею Божіей, и это чувствуется не только въ блесткахъ его остроумія, въ мѣткости и яркости отдѣльныхъ словъ, но и въ той своеобразной, нешаблонной манерѣ, съ которой онъ освѣщаетъ то, о чемъ говоритъ. Онъ разсказывалъ намъ о своей женитьбѣ, и этотъ полушуточный разсказъ яснѣе всякихъ изслѣдованій показалъ намъ, какъ нелѣпо складывается мусульманская семья даже въ кругахъ наиболѣе просвѣщенныхъ.

— Мнѣ было около 25-ти лѣтъ, когда моя мать рѣшила, что пора меня женить. Единственный вопросъ, который она задала: „Кого ты хочешь: блондинку или брюнетку?“ Почемъ я зналъ? Воображеніе у меня кипѣло. Я любилъ всѣхъ женщинъ,—блондинокъ и брюнетокъ, и даже рыжихъ. Моя мать отправилась на поиски и нашла мнѣ невѣсту. Это была семья передовая. Жили они á la franca. Но все-таки свадьба была обставлена согласно всѣмъ традиціямъ. Я видѣлъ только разъ свою невѣсту издали, въ магазинѣ, гдѣ она была съ матерью. Конечно, сразу влюбился и купилъ куклу, которая мнѣ показалась похожей на нее. Но я такъ плохо зналъ, на комъ я женюсь, что кукла была свѣтловолосая, а жена моя оказалась черноволосая. Само

собой разумѣется, что мы съ женой до свадьбы не имѣли возможности обмѣняться ни однимъ словомъ. Съ обѣихъ сторонъ была полная неизвѣстность. И знаете, что интересно?—Онъ лукаво взглянулъ на слушателей.—Когда мы учились въ Галата-Сераѣ, у насъ былъ товарищескій кружокъ, и всѣ, кто въ него входилъ, поклялись раскрѣпостить своихъ женъ. А когда мы переженились, мы зажили какъ всѣ. Я незнакомъ съ женами моихъ друзей и ихъ не знакомлю съ моей женой.

— Значитъ, по старинѣ, настоящій гаремликъ?

— Настоящій,—признался Ахметъ-Хикметъ и уже безъ смѣха прибавилъ,—хотя для меня, какъ для писателя, это, ужасно. Какъ я могу писать, не зная женщинъ? Мать, тещу, сестеръ своихъ и жену я уже описалъ, а больше я никого не знаю. Поэтому наши поэты всегда рисуютъ или рабынь, или европейскихъ женщинъ, на которыхъ они набрасываютъ чаршафъ. Для національной литературы это прямо убійственно. Это лишаетъ ее красоты, аромата, подлинности. А потомъ, я откровенно сознаюсь, что самое отсутствіе женскаго общества дѣлаетъ насъ бѣднѣе. Остается какая-то тягостная неудовлетворенность, пустота, тоска. Это отбрасываетъ тѣнь на все, что мы пишемъ, сушитъ самый источникъ поэзіи. Возьмите, напримѣръ, одну изъ самыхъ очаровательныхъ турецкихъ поэмъ, — „Любовь и красота“ Шейха-Галиба. Она вся горитъ напряженностью страсти, вся полна дивныхъ поэтическихъ образовъ тонкой мистической красоты. „Роза поетъ, это — соловей, у котораго тысяча розовыхъ крыльевъ“. Развѣ это не прелестно? Почему Галибъ могъ написать такую вещь? Да просто потому, что самъ пережилъ красивѣйшую, любовную трагедію. Онъ былъ влюбленъ въ сестру султана. Гдѣ-то тайно встрѣчался съ нею. Все, что онъ перечувствовалъ и перестрадалъ, дало ему силы въ 24 года создать такое произведеніе. А когда нѣсколько лѣтъ спустя, онъ сталъ шейхомъ дервишей, онъ уже больше ничего не писалъ.

— Но вѣдь раньше у васъ война и религія давала подъемъ поэтамъ, подъемъ еще большій, чѣмъ любовь?

Онъ пожалъ плечами, взглянулъ на уже задернутую розоватой вечерней мглой морскую даль и, немного помолчавъ, отвѣтилъ:

— Да, религія... Конечно... Знаете, я всегда думалъ, что у каждой религіи свой цвѣтъ. Моисей, онъ былъ черный. Вашъ пророкъ, Христосъ, онъ—голубой. Ну, а нашъ пророкъ—весь красный. И это тяжело.. Наша религія стала намъ не по росту,—она слишкомъ велика для насъ теперь. Она насъ давитъ. Потомъ, она владѣетъ теперь нами не благодаря идеямъ, а благодаря звуку, мелодіи. Вотъ я вамъ прочту стихъ изъ Корана...

Не тѣмъ картавымъ, скользящимъ голосомъ, которымъ онъ говорилъ по-французски, а какимъ-то совсѣмъ инымъ глубокимъ и гортаннымъ, клокотавшимъ въ его горлѣ, точно орлиный кличъ надъ ущельемъ, Ахметъ-Хикметъ продекламировалъ намъ, слегка скандируя, полнозвучныя, мѣдью отливавшія строфы. Большинство изъ насъ ихъ не понимало, но въ голосѣ декламатора, въ звуковомъ подборѣ священнаго стиха было что-то сильное, грозное, неотвратимое.

— Слышите? Развѣ можно противъ этого устоять? — опять по-французски сказалъ онъ.—Вы навѣрное думаете, что тутъ говорится о землетрясеніи. Такъ и слышны его раскаты, даже для тѣхъ, кто ничего не понимаетъ. Вѣдь правда? А на самомъ дѣлѣ просто сказано: Магометъ взялъ посохъ и пошелъ. Если Коранъ всѣ начнутъ понимать, то выйдетъ плохо. Въ Коранѣ все слишкомъ опредѣленно, все рѣшено напередъ, предуказано, разсказано. И въ этомъ его опасность. Если его перевести, люди прочтутъ и съ удивленіемъ скажутъ: и это все? Такъ просто, что я могу все понять? Какая же это божественная книга?

— Такъ, можетъ-быть, его лучше не переводить?

— Нѣтъ, Коранъ непремѣнно надо перевести. Только для этого необходимъ Лютеръ. Онъ по десяти дней добивался подходящаго слова. Тутъ нуженъ стилистъ или никто.

Какъ писатель, какъ художникъ, Ахметъ-Хикметъ чувствуетъ себя неразрывно, трагически связаннымъ съ ту-

рецкимъ народомъ, съ его исторіей, съ его бытомъ и религіей и своеобразной психологіей. И тѣмъ характернѣе сказанныя имъ, въ заключеніе нашей долгой бесѣды, слова:

— Я люблю наше прошлое, я вѣрю въ будущее турецкаго народа, и все-таки я пришелъ къ нелегкому для меня заключенію; нѣтъ двухъ культуръ, восточной и западной. Культура одна. Намъ надо или войти въ западную культуру, или погибнуть. Выбора нѣтъ.

Конецъ.

Того-же автора:

Ночью. Романъ. Ц. 1 р.
Жизненный Путь. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Семь разсказовъ. Ц. 1 р. 75 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

„**ПРОМЕТЕЙ**". Петроградъ, Поварской, 10.

ТИП. Б. ВОЛЬФА, ПЕТРОГРАДЪ, В. О., ВОЛХОВСКОЙ 4.

